

ДЖАМБУЛ
МОЯ РОДИНА

*произведения
дореволюционного
периода*

1862 - 1917

**ДЖАМБУЛ
ДЖАБАЕВ**

моя родина

В двух томах

Том первый

Произведения
дореволюционного периода

Алма-Ата «Жазушы» 1987

84 Каз 1—5
Д 40

Джабаев Джамбул.

- Д 40 Моя Родина. В 2-х т. Перевод с казахского. —
Алма-Ата: Жазушы, 1987.—224 с.
Т. I. Произведения дореволюционного периода:
Стихи, айтысы и поэмы.

Д $\frac{4702230100-191}{402(05)-87}$ 185—86

84 Каз 1—5

© Стихи отмеченные звездочкой, оформление
«Жазушы», 1986.

ДЖАМБУЛ И НАРОДНЫЕ АКЫНЫ

Смело и верно сравнил великий пролетарский писатель А. М. Горький народного поэта Сулеймана Стальского с Гомером. Если имя Гомера является собирательным именем целых поколений народных поэтов, создавших в веках замечательный греческий эпос, то такими же обобщенными и синтезирующими именами народного творчества последних эпох являются имена ашуга Стальского, акына Джамбула и других им подобных представителей народной поэзии. У всех народов мира существовали поэты, создатели шедевров мирового эпоса и фольклора, но они прошли в историях в роли безымянных аэдов, рапсодов, баянов, бардов, акынов, жирши. Только в наши дни — в советскую эпоху высокой и глубокой оценки произведений народного гения — обрели имена эти творцы перлов народного творчества. Обрели имена в лице орденосных ашугов, акынов, гафизов, бахши, сказителей, сказительниц и джомокчи среди всех раскрепощенных и возрожденных народов великого Союза.

Выяснение сути их творческого облика и историко-литературное изучение произведений не должны сводиться к пониманию их, как изолированных объектов исторического исследования. Ленинское понимание и оценка эпох, истории народов и народных культур учит нас анализу явлений в их преемственной связи, органическом единстве исторических процессов.

И произведения народных поэтов в виде подлинно народных творений должны изучаться с точки зрения взаимосвязей в прошлом и взаимопроникновений в настоящем. Нет племенных культур по происхождению, а есть культура человечества определенных стадий развития — вот основное положение советской фольклористики, которое поможет нам ценить Джамбула со всем его творческим окружением не в изолированном виде, а в глубинных органических и почвенных связях с дольким прошлым и с настоящим, так же и в преемственной связи с историей духовной культуры не только казахского народа, но и всех других народов.

Исторические, идейные корни и основные мотивы творчества Джамбула кроются не только в поэзии его непосредственных предшественников, как Махамбет, Суюмбай и так далее, а гораздо шире и глубже — в сказах, эпосе, исторических песнях, легендах и преданиях самой седой древности многих веков и столь многих народов. Известны весьма характерные и отчетливо вырисовывающиеся два главных раздела в мировом фольклоре прошлого. Первый из них выражает неудовлетворенность народа существовавшим социально-политическим укладом, выражает, по определению Ленина, «вековые усилия в борьбе со своими угнетателями». Яркими показателями являются подлинные шедевры мирового фольклора и эпоса, как «Тысяча и одна ночь», «Тристан и Изольда», древне-

персидское сказание «О Зухаке и Жамшиде», азербайджанская сказка «Бахтияр», казахское «Сказание о Жиренше» и тому подобное. Здесь то иносказательно в лице «сфинкса» (Эдип) или в лице чудовища-дракона (в «Тристане»), то прямо в лице чудовищного царя повелителя Зухака, в лице царя из «Тысячи и одной ночи», или в лице коварного хана-шаха в «Бахтияре», а также в «Сказании о Жиренше» представлены воплощенные образы тирании или отдельных тиранов-угнетателей, причиняющих неисчислимые бедствия или целой стране, или городу, или же безвинным одаренным личностям, любимым представителям народа. Poleмики и борьбе с этой злой, но властной волей посвящены все упомянутые выше выдающиеся памятники мирового фольклора.

Другой основной раздел в мировом фольклоре всех народов, всех времен посвящен мечте и чаяниям о будущем, о желанном. Это подлинно золотые сны колыбельного периода человечества. Неудовлетворенная своим временем фантазия человека уносит его в неизвестные края, в неведомые дали стран и времен. Здесь мир реальный и мир воображаемый рисуются в каком-то согласном, слитом единстве, и в таких творениях народы выступают великими оптимистами. Совершенно верно подчеркнул эту характерную особенность народного творчества — присущий народу оптимизм — А. М. Горький. Примеры таких видов народного творчества многочисленны и представлены самыми лучшими образцами мирового фольклора. Все сказки, героический и лирический эпос, сказания, легенды, предания многих и многих народов говорят о некоей обетованной стране, о ковре-самолете, о жар-птице, о волшебном коне, наконец, о подводном, о подземном царствах. Неудовлетворенные своими днями мысли и чувства, мечты и фантазия народа уходят в эти выси и дали, причем не для бесплодных блужданий, а выражая опять-таки вековые усилия в поисках лучшего, достойного и особенно полноценного смысла и условий существования человека.

Вот эти основные две струи народного творчества определяют собою содержание, весь облик и поэзии Джамбула за долгие годы его деятельности до Октября. Репертуар и жанр отличали этого акына от единичных акынов-попрошайек, прихлебателей у маналов и торе. Неудовлетворенный и прошлой историей народа в период владычества ханов, торе и беков, непримиримый и с правлением ставленников кокандского ханства — датха, кази — Джамбул также оставался долго желчным прямолинейным изобличителем пороков всех сатрапов царизма, находившим поддержку в народе. Обрушившись всею тяжестью своих гневных, едких и справедливых обвинений-импровизаций на тягостные поборы, на неправый суд, на искусственные раздоры и распри между племенами и народами, посеянные чиновниками, мананами, беками, баями, он одновременно вместе с народом создавал чудесные песни мечты и надежды об обетованной стране, о легендарном батыре-печальнике и заступнике народа. В создании обоих видов песен акын следовал наилучшим традициям предшественников народных акынов. Подлинную народность своей творческой сути нашел он в глубинных связях с вековыми неугасимыми и неувядаемыми мотивами борющейся за правду и ищущей правды народной поэзии народов и оптимистически устремленных поколений. Эта прогрессивная жизнеутвер-

ждающая сущность народной поэзии лежит в основе творчества народного акына Джамбула. И в этом смысле цикл созданных Джамбулом эпических песен — «Об Утегене», «О Суранчи», «О Саурыке», «О Жаваре» и другие — составляет репертуар определенной программноцелевой идеи народа. Гером этих песен — полудеядарные батыры-заступники обиженных племен и народов и искатели счастья для них.

Другой основной жанр в импровизаторском творчестве Джамбула — айтыс — являлся для него самой излюбленной формой изобличительной поэзии. Джамбул-акын формировался по преимуществу на этом жанре. Признание дарования акына приходило по традиции через успешные состязания с каким-нибудь популярным общепризнанным акыном. Быстрое и острое парирование ударов противника в этом творческом поединке, словесно-поэтическом турнире являлось исполнительско-творческим актом. Элементы театрального действия включали в себя эти айтысы при многочисленной аудитории слушателей, наблюдавших и оценивавших одновременно непосредственно и акт зарождения песни. Тренировка и экзамен на поэтическую зрелость в этом поединке формирует особенным образом навыки и дарования поэта-акына. Он по преимуществу импровизатор, создатель экспромтов, логически отточенных мыслей, изощренно-тонких полемических выпадов и неожиданных остроумий. А так как исход борьбы решают все же не только большое количество и красота спетых песен, а как во всякой ораторской речи и полемике — изворотливость ума, сила логических связей сказанного, то жанр айтыса требовал от поэтов огромных знаний, осведомленности во всем и готовых зрелых ответов на все явления окружающей действительности. Помимо, безусловно обильного, репертуара разнообразных видов народных творений акыны обязаны были иметь широкие познания в области истории народов, родов, в области географии и еще во многом другом.

Чуткость, осведомленность и отзывчивость на все явления жизни воспитали в акынах живую и широкую связь с прошлым и с настоящим. Все, что было известно его народу, его среде, должен знать и запомнить акын. Он — живая энциклопедия знаний, доступных его времени, его народу. Характерный айтыс бытовал в одно время в прежней Джетысуйской области на родине Джамбула в виде «Тау-Олен», «Су-Олен», «Жер-Олен». Это — состязание акынов на узкую тему в порядке проверки их познаний в области географии. Перечисления с подобными поэтическими описаниями известных каждому рек, гор, стран, и земель составляли предмет состязаний между акынами. В этом же одна замечательная особенность народной основы, помогающая подлинному представителю народной поэзии — Джамбулу не замыкаться в пределах узкой, знакомой ему национальной среды, а стремиться на основе лучшей традиции народного творчества шире раздвинуть рамки и сферу своей поэтической деятельности в наши дни до подлинной интернациональной широты горизонтов в масштабе всего нашего великого Союза.

Другая исключительная особенность народной поэзии, помогающая нам скорее понять отдельные черты акына Джамбула, заключается в том, что творчество народа зачастую является результатом моментального отклика на всякие значительные яв-

ния окружающей жизни. Народное творчество не отстает от жизни, а идет рука об руку с нею. И народный акын реагирует на все события гораздо быстрее, чем поэт индивидуальный. Народная поэзия более оперативна. Таковы ее традиции. В прошлом у всех народов песни сопровождали и бедствия, и войны, и восстания, и обряды, и быт и всякие увеселения. Все эти события требовали от акына — участника или очевидца — создания песни тут же. Да и сам акын, верный обычаям народной поэзии, не мог бы¹³ умолчать о виденном. Быстрая творческая реакция, моментальный¹⁴ отклик на все услышанные им факты многосторонней жизни нашего Союза составляют исключительную особенность, характеризующую народность творческого облика Джамбула. Но тип народного акына вообще многообразен. Репертуар, жанр и профессионально-творческие навыки одной группы акынов совершенно отличны от всего этого у акынов другой группы. Есть народные поэты-эпики (типа Марабая); есть певцы-лирики (типа Биржана, Ахана, Жаяу-Мусы); есть импровизаторы — акыны только айтысов (типа Шоже, Кулмамбета); есть также поэты — печальники народа (типа Асана-Кайгы). Очень популярны также поэты — слагатели исторических песен и призывных песен к сопротивлению, борьбе с ханами и ставленниками царизма. Каждый из крупных поэтов и акынов — носителей любого из указанных жанров в своей среде — в свою эпоху в числе образцов народного творчества осуществлял преимущественное господство именно своего жанра и отсюда и господство своего типа акына.

Яркая отличительная и безусловно положительная особенность Джамбула в том, что он был шире многих акынов-предшественников и по репертуару и по жанрам, в пределах которых он слагал песни. В нем сошлись и эпик, и акын айтыса, и поэт гражданских мотивов. Как всякое большое, значительное явление в индивидуальной литературе рождает за собой подражательную литературу, эпигонскую школу и тем формирует себе среду, так и большой поэт, акын в народной поэзии тоже формирует себе поэтическую среду в лице школы последователей, учеников своих. Джамбул по творческому своему облику и сути очень родствен и близок своему непосредственному предшественнику, учителю — Суюмбаю. А младшие поэты-акыны из ближайшего окружения Джамбула в своем творчестве, в общем импровизаторско-поэтическом и репертуарно-жанровом облике близки и сходны с Джамбулом. Существует очень много параллелей таких закономерно-исторических явлений во всей мировой литературе и фольклоре. Бывали целые фамилии поэтов-эпиков, утвердивших традиции заучивания, унаследования эпической старины из поколения в поколение. Акыны айтысов — импровизаций и экспромтов появлялись целыми группами, плеядами в среде тех или иных родов вслед за какой-нибудь знаменитостью. Так, например, во время своего долгого странствования по казахским степям однажды среди рода Сыбан вступил в состязание с семнадцатью поэтами-акынами знаменитый поэт XIX столетия акын Жанак. А в памятный для Джамбула день его встречи-состязания с Кулан-Аяком Кулмамбетом тут же сидели, сложив свои домбры, побежденные прославленным акыном девять акынов

только одного рода Албан. А малочисленный род Экей, род Джамбула, не считая умерших поэтов-акынов, насчитывает акынов-поэтов обоего пола около двух десятков.

Джамбул — многоветвистое дерево народной поэзии не только своими собственными произведениями, а также еще и целой плеядой выращенных им поэтов и поэтесс. Народный акын Джамбул — огромное явление не только по своим произведениям, а также по своему оригинальному незаурядному облику и в исследовательском, историко-литературном отношении. Он разрушает привычные представления буржуазной фольклористики, направленной к принижению фольклора, как творческого достояния анонимных певцов, создателей этих образцов. Он разрушает также привычные историко-литературные деления на устную и письменную, индивидуальную поэзию. Не подходят привычные нормы этой науки, припоровленные к индивидуальному поэту. — Джамбул не пишет, а поет. С другой стороны, он воплощает в себе, на внешний взгляд, архаический вид синкретического искусства. В том, что орудие его поэтического производства — домбра — сопутствует его импровизации — песне, есть и элементы театрального действия. А наряду со всем этим, самое главное, он, Джамбул, является творцом высокохудожественной политической поэзии наших великих дней. Это самый ярчайший и даровитый певец нафоса побед и достижений нашей культурной социалистической эпохи. Он — полное олицетворение той немеркнувшей правды, за которую боролись, которую смутно чувствовали только в сновидениях поколения и народы с самого колыбельного периода человечества. Мощная творческая струя, вносимая народными поэтами — акынами, ашугами, бахши и другими — в передовую советскую социалистическую поэзию, подтверждает всеми очевидными данными безусловную культурно-историческую продуктивность развития истории многих народов Союза, миновавших стадию капитализма. Нет разрыва между народной, основной, не угасшей, наоборот, расцветающей духовной культурой самого народа и передовой культурой индивидуальной поэзии революционной литературы, создаваемой и процветающей также для этого великого народа — строителя единой социалистической культуры. И все бессмертное и все драгоценное народное в нашем Союзе по старым руслам разобщенных прежде историей народов влилось в наше сегодня, в единую культуру нашей великой Родины, влилось разнообразными мощными многоцветными струями в лице творческой продукции наших акынов, ашугов — джамбулов, сталинских и других.

Сказанные здесь основные положения о народных корнях, о сути поэзии и обо всем творческом облике Джамбула относятся целиком и ко всем остальным народным поэтам. Как раньше отражали в своем творчестве явное влияние Джамбула все акыны ближайшего окружения его, так сейчас с выходом в свет новых произведений старого акына его большое влияние испытывают на себе все акыны старших и младших поколений во всех и даже отдаленных областях и районах Казахстана. Естественно, иначе и не могло быть. Ведь почти все эти акыны, представители ближайшего Джамбулу поколения, начиная со старых — Омурзаха, Орумбая, Естая, Арапа, Оспантая — и кончая более молодыми акынами — учениками Джамбула — Утепом,

Саядилем и другими, — сознавали прекрасно, какую беспросветную тьму и тьрмю для народов представляла старая колонизаторская Россия и также патриархально-феодалная бескультурная история ханско-бийского владычества. Все эти акыны без исключения являлись выходцами из толща народной, из трудовых, беднейших слоев населения. И для них было органически близким, кровнородным все истинно народное. Их песни о героической борьбе народа с царизмом, песни о столах народных в тот памятный 1916 год становились знаменем, лозунгом борьбы. Много, страство и самоотверженно пели они в эти годы. И не случайно верненский губернатор согнал всех акынов того времени во главе с Джамбулом и запер на много дней в конюшню и категорически запретил им петь песни народные впредь, допустив только пение религиозных поучительных виршей. Эти акыны, выросшие из глубинных народных корней, получившие боевое крещение на суровых событиях 1916 года и постигшие великую Ленинскую правду о жизни общества и всего человечества, в годы еще более ожесточенной классовой борьбы — в эпоху гражданской войны, советизации аула — пришли, влились в революционную народную поэзию тем же логически осмысленным, органическим путем, каким пришел в советскую поэзию их старый и мудрый предшественник, учитель — Джамбул. Естественно поэтому, что центральной и главенствующей темой их творчества, как и творчества всех народных поэтов нашего Союза, стали образы, имена великих заступников народа, имена подлинных героев, принесших жизнь и свет народам. Так, немаловажное место в творчестве всех акынов занимают песни о Красной Армии, о равноправии и братстве ранее разобщенных народов, о земле и труде на свое благо, о колхозе, о машинах, о просвещении, о соцсоревновании и в последние годы — о Великом Законе и обороне своего беспредельно любимого Отечества.

Необходимо особо подчеркнуть при этом огромную разницу восприятия и ощущения акынами наших культурно-технических достижений с восприятием их индивидуальными поэтами. В отношении остроты, свежести и максимально действенного чувствования этих новых для них жизненных явлений акыны находятся в более выгодных, близко и глубоко роднящих поэзию с жизнью условиях. Они со всех сторон гораздо ближе индивидуальных поэтов к первоисточнику их вдохновения, они находятся на самой границе героической преобразующей облик земли и общества жизненной действительности и поэзии этой действительности. У них непосредственнее, глубже и почвеннее чувство жизни. Поэтому они просты. Они самые мудрые, непосредственные и оперативные в своих моментальных реакциях на все жизненные явления. Безусловно, что все эти особенности, темы и суть творчества народных акынов присущи не только казахским акынам, а свойственны и общи также для всех представителей народной поэзии Союза. Поэтому, изучая их историческое возникновение на народной почве с точки зрения взаимосвязи в прошлом, сегодня мы должны изучать наших современников народных поэтов главным образом с точки зрения взаимопроникновения, единства интернационально-народных черт и интернационального взаимодействия почвенно-народных культур (пример Джамбула

поучителен для всех). Наряду с этим необходимо конкретное изучение творчества и особенностей каждого акына в отдельности.

...и по своему возникновению, и по жизнестроющим функциям советский фольклор не является только объектом историко-литературного изучения, он давно уже и совершенно верно понимается нашей общественностью, как одно из самых действенных орудий художественно-воспитательного воздействия на массы. И не случайно, что интернациональный дружный хор народных акынов, ашугов, бахши — всех народов великого Союза — поет мощную песню народов, поет в ритм биений пульса всей нашей страны. И в центре этого хора один из ведущих — старый мудрый великан народной поэзии Джамбул, несущий золотую струю подлинно народных творений из середины прошлого столетия, из недр и глубин народного творчества.

Мухтар Ауэзов

ЖАЛОБА

Вьется у муллы в руках
Ивовый зеленый прут...
Вся спина моя болит,
Как теленок я избит,
Мое тело раны жгут.
Эти частые побои
Мне покоя не дают.

— Твой язык, мальчишка, злой,
Получай за это прут!
— Лучше б не учиться мне,
Путь не преграждайте мне...
В чем так провинился я?
Объяснение дайте мне.

Разве школа у муллы?
Скорбив плечи, ходит злынь,
Из халата, как из торбы,
Ловит жертву глазом злым.
В белой он чалме, урод,
Верблюдицей он ревет,
Что же это за урок?

Слово к сердцу не идет,
Школа горькая, прощай!
Мне во сне явилась песня,
Сердце, песней закипай!
Мой отец! К мулле насильно
Ты идти не заставляй!

ОТЦУ

В себе все лучшее поправ,
Надежде крылья обломав,
Не стану красть.
Конь вороной
Байгуса бедного — не мой.
Нам не к лицу зло совершать,
Должны мы слабым помогать.
Иначе каждый будет прав,
Меня гиеною назвав.
Продолжу лучше путь земной,
Домбру и песню взяв с собой.

Прошу, послушай наконец,
Благослови меня, отец.
Раз не спесив я, не гордец,
Найду тепло людских сердец.
«Джабая сын акыном стал,
Дорогу к правде он избрал,
Хвала!» — воскликнет стар и мал.

Нет, не хочу я воров слыть,
С домброй и песней мне дружить!

СТИХОТВОРЦУ ОМАРУ

Ох, зря, акын Омар, ты баю льстишь,
Не возрастет от этого престиж.
Тебя не бай, бедняк поймет, глядишь,
Мырзу ты похвалой не приручишь.

У нас в степи таких, как ты, не счесть.
Не спорь со мной, побереги-ка честь.
Как серый гусь, сидишь, ощипан весь,
Не то с тебя давно я сбил бы спесь!

САРЫБАЮ

Сареке, принес на суд я этот стих,
Взвесьте тайны наши, разберитесь в них.
В руки взяв домбру, желеньем я горю...
Сын ваш ждет оценки слов и дум своих.

У худого человека, Сареке,
Дума в небе, голова же на песке.
Ростом мал Макра, но в мыслях — исполин...
Дар почтенья разве будет им один?

Вот один сгибает всех казной своей,
Слово умное не терпит богатей.
Весь на свете черный мусор он собрал,
Ищет яму, где б свалить его скорей.

А другой вразвалку ходит, не поймет
Что же делать? Всем заглядывает в рот...
Третий знает все дороги и пути,
Но сарканенному можно ли идти?

А четвертый думой мчится в небосклон
И луну и солнце жадно ловит он...
Пятый сделал красноречие кнутом,
Сев на лебедя, кулана ловит он...

С кем из них мне быть у жизни на пиру?
Вы обидитесь, коль сам я изберу.
Сареке, подумав, скажете вы мне:
— Только песня в жизни самый верный друг!

АКЫНУ ЖАНЫСУ

Мой наставник Суюмбай
Пел и звал «Не унывай!»
Дар его сердечных слов
Я несу из края в край.
«Суюмбай»,— скажу лишь я,—
Черным вихрем пролетает
Слов гремучая струя.
От стремительного вихря
Встречному не устоять.
Вдаль лечу, не задыхаясь,
Я, похожий на коня.
Будь ты трижды иноходец —
Не ускачешь от меня,
Не считаю и за муху
Я хвастливого шпыня!
Ты меня не удивил,
Спой-ка, если хватит сил,
Иль считаешь ты Джамбула
За Шыбыл, что битым был?

ТАБУНЩИК

Долгий меня утомляет путь,
В ночь на пути ресниц не сомкнуть,
Днем на морозе уюта не знать,
Днем скитаться и ночью опять.
Как пес, безпризорен пастух от тоски,
Он ищет коня, он проходит пески,
Простор Саркемира, Сартау пески,
Эх, кочь не найдется — накажут меня,
Своя голова мне дороже коня.
От теплой постели на птичьем пуху
Придется отречься теперь пастуху.

ДЕВУШКА КАМШАТ

Красой Камшат душа моя хмельна!
В бобровой шапочке, кокетливо она
Лисицею алтайской изгибаясь,
Не подпускает близко скакуна.

Как сокол с высоты б ее схватил,
Была б лицом ко мне обращена!
К высокогрудой сердцем я взлетал,
В байге к копытам пыль не подпускал.

Стервятник падаль ел, а я, орлом
Взлетая ввысь, на выбор дичь хватал.
Для белой щуки в озере степном
Был смолоду упругим я крючком.

Непривлекателен я внешне, но душа
У вольного поэта хороша.
Лицо с душой не сходны иногда —
Должна она понять, моя Камшат.

Весенний не увянет ли цветок?
Красе прелестниц не пройдет ли срок?
Не кажется ли тусклым целый мир,
Когда закат приходит на порог?

Примером свою речь я украшал,
Словами говорит моя душа,
Язык мой неспокоен, о Камшат,
Что много думать, девушка? Решай!

Вечное создание красоты!
Взорами меня сжигаешь ты
И молчишь, а строгие черты
Укрывают страстные мечты.

Парчовым камзолом стеснена,
Смотришь, гордобровая, с коня,—
Знать, и ты стыдишься бедняка,
Отвернулась, вижу, от меня.

Я слышал о суженом твоём —
Зло и скупость совместились в нём,
Прозвище его Кас-Карымбай,
То-то будет сладко вам вдвоём!

Встретимся позднее — и поймешь,
Много ль с ним веселья ты найдешь!
Вспомнишь ты правдивые слова —
Будет поздно, счастья не вернешь!

ПОГОНЯ

У меня угнали двух коней,
Я в печали от беды своей.

Их с летовки — с майтюбинских гор
Ночью свел в лощине скрытый вор.

Я — за ними. Я скачу туда,
По пути чуть видного следа.

То ли это, Байеке? Не так
Прежде охранял Кыдыр косяк.

Я смотрю косяк его. Добро!
Здесь ли майтюбинское тавро?

Если я любимцев не найду,
Не забуду про свою беду.

ШАБДЕНУ

О великий хан Шабден!
Конь мой взмыленный устал,
Мой халат свободен стал,
Я в дороге отошал,
А угла в почетном месте
Мне никто не доставлял.
В белую твою орду
Я с приветствием войду.
Отдохнув, себя в порядок
Я с дороги приведу.
Здесь с тобой в хороших песнях
Свою душу отведу.
Солнце отойдет ко сну,
Встречу песнею луну!
Обольюсь ручьями пота,
Уподобясь скакуну.
Алатау гордо вырос,
С края света он заметен,
К вам пришел я, о батыры,
Руку дайте, друга встретив!
Мой аул в степных просторах,
Конь мой тощ, халат дырявый...
К вам, могучие, как горы,
Голод гнал меня костлявый.
Джут в степях моих гулял,
Скот приплода не давал.
Жалобу свою и просьбу
В этой песне я сказал.

ДОЛЯ БЕДНЯКА

Кара-Тас, Узун-Агач
Калкабая слышат плач:
Просит хлеба на пикетах
У почтовых передач.

От куска не будешь сыт.
Отбирает голод стыд,
Босоногий и без шапки
На снегу голодный спит.

Как не сжалиться над ним?
Время черное, тугое!
Труд и пот, пролитый им,
Ничего в степях не стоят!

Не идет и пища впрок,
Слабнут кости рук и ног,
И в глазах от доли страшной
Застывает огонек.

Безвозмездно что дается?
Даже близкий и родной
Скажут: «Он еще добьется,
Он не старый — молодой!»

СЫРТТАНУ

Сырттан мой, ты орел Кыдырылы,
Широк размах твоих свистящих крыльев.
Ты обгорал на солнце, жил средь мглы,
Ты многих мест дышал травой и пылью...

Не о тебе ли, смелый человек,
Побивши Эренталя при народе,
Воскликнул острословый Есимбек:
«Героя сын на что-нибудь да годен!»

Мамана род расчетами живет,
Привык он ложью черною кормиться.
Но ты, Сырттан, в орлиный взмыв полет,
Сумел от всех наветов оградиться!

Сынов ты хочешь грамоте учить,
В том городе, который сам не знаешь.
Таких, как ты, должны мы все ценить,
Ты на детей надежды возлагаешь!

Взрастишь сынов, их юность не губя,—
Они поддержат, будешь жить богато.
Я, сирота, надеюсь на тебя,
На старшего на опытного брата!

МАМБЕТУ

О почетный мой Мамбет!
Шесть ночей и дней
Славил твой аул поэт
Песнею своей.

Покорил тебя певец,
Песнями звеня.
Подобрел ты наконец —
Подарил коня.

Шесть ты месяцев скучал
И ко мне в аул
Ты впервые прискакал:
«Спой еще, Джамбул».

Но, увидев ветхий дом,
Испустил ты вздох.
Для тебя в дому худом
И хозяин плох...

Дом мой плох и нищ мой стол.
Нет на нем щедрот...
Почему ж сюда пришел
Мой степной народ?

Потому что я богат
Более тебя:
Мудрых слов и песен клад
Для народа я.

ПРИ ИЗБРАНИИ САТА

Ты расчесан, как ястребок,
И на вид ты наряжен, пригож,
Но опорой ты стать мне не мог,
Ветер весть мне несет: «Нехорош!»
У верблюдов зачали горбы,
И приплод не идет от кобыл.
Загружая поклажей народ,
Гололедицей зимней ты был.
От поборов устали твоих.
Опереться на что? — Всюду гнет.
Пусть не все я сказал. Ты притих.
Все поймет и рассудит народ!

ТЛЕМИСУ

Тлемис, Тлемис! Слова твои,
Как жало острое змеи.
Язык, притронувшись слегка,
Жжет крепким жаром уголька.
С тобой начать неравный спор —
Избитым быть наверняка.
И уstraшенные тобой,
Вступить не смея в устный бой,
И Ногайбай и Кебекбай
Идут, наполнив рот водой.

АБЫШКА

Раз в ауле Мамбетали
Меня приняли за старика,
Абышка меня нарекли,
Оскорбили меня свысока.

Я к насмешникам давно привык,
Погоди,— наш наступит срок.
Я-то вижу, что твой старик
Был от дома не так далек.

Ты не слышала голос мой?
Не охрипнет он до утра.
Нам с тобой на веселый той
Выйти вместе пришла пора.

Ты, как легкий тополь, стройна,
Твоя молодость победит.
Ты сама распознать должна,
Кто старик из нас, кто джигит.

ПРО МАНКЕ

Волостные Жангалыка всюду ходят
И курносый носом, как по ветру водят.
Ой, проныры все они. Глаза зажмурив,
Мзду везде себе находят.

Говорят они и хитро и протяжно,
Раздирая горло свое болью.
Где пожива видится неважной,
Там несут мешок, набитый солью.

И кряхтя под тяжестью убого,
Недовольных сладко ублажают,
А потом с поддержкою от бога
До краев карманы наполняют.

БУДЬ ГРАЖДАНИНОМ

Героем будет тот джигит,
Кто ярким пламенем горит,
Кто верность Родине хранит
И слово держит до конца,
На подвиг вдохновив сердца.
Кто каждый час

и каждый день,
Отринув прочь усталость, лень,
Вершит великие дела,
Сражаясь смело против зла.
Не только похвалы тот стоит,
Но и любви большой достоин.
Навек он дорожит свободой,
Батыр —
любимый сын народа!

Дав клятву, ближних не обманет,
Творить добро он не устанет.
Клич бросив, недругов кляня,
Стремительно погнав коня,
Он на врага как гром нагрянет
И, кинувшись в смертельный бой,
Один пожертвует собой.
И чтимы потому особо
Среди акынов ярким словом
Батыры Утеген, Саурык,
Шапырашты, Караш —

их зов
Как смерч преследовал врагов.
Батыров этих смелость зная
И гордо сердцем принимая,
Джамбул воспеть ее готов.
За честь, за верность голосуя,
Не проживет акын впустую.
Он поднял правды острый меч
И клятву дал — ее сберечь!
Так каждый, став
призывной песней,
Орлом взлетая в поднебесье,
С народом должен быть един,
Как верный сын и гражданин!

ШАЛТАБАЮ

Взором мрачным смотришь в дали,
Думая, что ты один.
Волостных мы повидали
И немало, господин!
Черным потом обливался
Ты на выборах своих.
И богатством ты швырялся,
Был приветлив, щедр и тих.
Был ты всем, как друг и брат,
Все кричал ты: «Жамагат!»
А когда добился власти,
Никому ты стал не рад.
Не приветлив ты, не мил,
У тебя не раз я был.
Как не гневаться Джамбулу,
Коль с обидой уходил?
Голова твоя вскружилась!
Как баксы, что не найдет
У больного жизни жилу,
Изумляешь ты народ!

К КАЛИ

Эй, мой Кали, сын Ордабая
Юрта белая большая
Над тобой кошмой блестит,
Рядом — черная стоит.
Слава громкая твоя
Не укрылась от меня.
И в подарок не прошу я
Ни верблюда, ни коня.
Сары-байбише ты сын,
Знаю я, что ты один
Из потомков Байдабека,
Сын Сартауских долин,
Ты кочуешь по степям.
Издавна живешь ты там.
Русские и волостные
Покровительствуют вам.

Странник мира — это я,
Низким ли сочтешь меня?
Если так, то сам ты низок,
Не боюсь, Кали, тебя!
Не обижен я никем,
А тебя, что на смех всем
Вышел в гордости кичливой,
Песней я в народе съем.

КОКИМУ

Садись поближе, мой Коким,
Давай с тобой поговорим.
Народом править кочевым
Решился ты путем каким?

Ты не криви свой хищный рот —
Ты продал совесть и народ.
Нажраться захотел, Коким,
За счет несчастных и сирот?

Ты захотел, чтоб не скучать,
Рыданье бедных услышать?
Но срок придет тебе, Коким,
Ответ по совести держать.

НУЖНА НАРОДУ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

...Усладу жыр приносит
И вдохновит тебя.
Джамбул,
Народ коль просит,
О правде ты трубя,
Не сдерживай себя.

Будь соловью подобен,
Слов звучных не жалея
И если так угодно,
Набрав накал особый,
Из сердца поскорей
Стих пламенный пролей!
Ждут люди с нетерпеньем.
Встряхнувшись,
на мгновенье
Охваченный волненьем,
С домброй на этот раз
В свой гордый,
Светлый час
Всех удивить сумей.

Чинили волостные
Бесчинства не впервые.
Страдал всегда от них,
Чрезмерно алчных,
Злых
Кедей —
бедняк несчастный,
И бай был безучастным
К судьбе,
слезам его.
О целостности богатства
Тревожась своего,
Он только пил
и ел,
И в лености жирел.
Но речи бая лживы,
Хоть и слывет счастливым,

Бай просто гной на теле.
Джамбул не из пугливых,
Когда коснется дело —
Раздавит гной
он смело.

Язык крылатый мой,
Лишь правду ты воспой.
Ты слабость не прощай,
Все вылив через край,
Коварство обнажай!
И источая жар,
Вновь вспыхни,
как пожар.

Чтоб поняли в народе
Кто прав,
кто виноват,
Кто душит год от года
Желанную свободу,
О ком нам говорят:
Он совесть и опора
Во всем степном просторе.
Кого как бога чтят.
А он?
Надменно ходит,

И важно верховодит,
На сердце копит яд,
На ближних смотрит
волком
Не разобравшись толком,
Всех обирает только.
В нем ни любви,
ни чести,
Он полон злобной мести.
Пора давно ославить
И наглеца поставить
Как следует на место.
И потому, доколь
Терпеть обиду,
боль?

Оборванную нить
С звущею мечтой?!

Да, нелегко никак.
Бай —
самый лютей враг

Тебе с утра ничуть
Не даст передохнуть,
Заставит спину гнуть.
Не рад ты будешь сам,
Что связан по рукам.
Но надо,
надо в бой

И жертвовать собой!
И ты поймешь тогда:
Не деться никуда
В потоке грозных дней
От совести своей.
Познаешь все сполна
И станет цель ясна,
И потому нужна
Народу, нет, не милость,
Лишь только справедливость!

Конь мой усталый разбил свои ноги,
Конь мой ослеп и оглох на дороге,
Конь мой голодный не может идти,
Конь мой вздохнул и упал на пути...
Где же коня мне другого найти?

Ноги коню я кошмой обвязал,
Дари-траву к ушам привязал,
Мух малахаем от ран отогнал
И раздавил на спине у коня
Жирного, как чиновник, слепня.

Старый колодец в жарких песках
Я по верблюжьим следам отыскал,
Друга холодной водой напоил.
Гриву погладил и раны промыл.

Конь встрепенулся, конь задрожал,
Конь мой любимый тихо заржал.
Я на потник заезженный сел,
В степь посмотрел и песню запел:
— Ты, мой любимый, терпи до поры,
Нет нам помощника, кроме домбры!

Солнце в далеких горах потонуло,
Вышла луна — вдохновенье Джамбула.
Вижу — с вязанкою саксаула
Едет джигит на буланом коне,
Громче запел я. Он едет ко мне,
— Шырагым о-эй, узнаешь ли Джамбула?
Кто ты, откуда, какого аула?
Хранит ли аллах у тебя табуны?
Хватило ль калыма тебе для жены?
Сыты ли дети в юрте твоей?
Много ли у тебя сыновей?
Пышна ли дочери старшей коса?
Много ли в юрте твоей кумыса?
Плюнул джигит и оставил коня:
— Нет ни жены, ни детей у меня,
Ты ли в воде раздобудешь огня?
Ты ли не знаешь нашего бая?

Мяса поешь ли у Кадырбая?
Ты ли, изведавший столько дорог,
Ступишь на Кадырбаев порог?
Зол Кадырбай и невесел с утра —
Сдохла у бая собака вчера.
Был он смертелен — укус каракурта,
Пес, завывая, метался у юрты.
Бай Кадырбай над подохшей собакой
Выл, как шакал, и ругался, и плакал,
И приказал, чтоб со всех концов
В аул хабарчи привели певцов.

Бай обещает полсотни баранов,
Двух иноходцев и море айрана,
Новый халат в серебре и парче
И чаю душистого сто кирпичей,
И третью жену он свою отдает
Тому, кто его доброту воспоеет,
И верность собаки его воспоеет,
И жыр о богатстве несметном составит,
И кюями байскую силу прославит.

Пели жырши, день и ночь голосили,
Пели жырши, Кадырбая хвалили:
«О-э-эх, заглянула б луна в табуны,
Зависть затмила б сиянье луны,
Меньше у неба звезд золотых,
Чем у тебя овец молодых.
Бай Кадырбай, ты молод и статен,
Род твой богатый и славен и знатен,
Сам губернатор тебя уважает,
Сам губернатор к тебе приезжает,
А губернатор приедет не зря:
В милости ты, Кадырбай, у царя.
И атаманы казачьих станиц
Охотятся вместе с тобой на лисиц,
В юрте богатой испив кумыса,
Пальцами круто ведут по усам...»

Пели жырши, Кадырбая хвалили,
Слезы они над собакою лили,
Вой разносили жырши по аулам.

Вспотели. Очередь за Джамбулом.
Бай приподнялся над белой кошмой,
Блещет нагайка с тесьмой золотой.
Бросил мне бай жирный мосол
И к сундукам своим отошел.
Лисьи свои прищурил глаза,
Выпил кесе кумыса и сказал:
«Слыхал я, ты вольные песни поешь,
Слыхал я, что ты не в ауле живешь,
А бродишь степями, как Коркут бродил,
Слыхал я, что зло ты в душе затаил.
Слыхал я, что ты, называясь горою,
В долинах народ возмущаешь домброю.
Иди же поближе да, скинув пайпаки,
Спой ты мне песню о верной собаке!»

Кюй по аулам кречетом взвился,
Песней своей я к жырши обратился:
«Льстивы, блудливы ваши слова,
Гнулись они как сухая трава,
Правда великая в них не жила,
Сила народная в них не цвела,
Горечь за вас мое сердце хлестнула,
Слушайте верную песню Джамбула:
Кто вольностью дышит — богатым не будет,
Кто лижет подметки — сапог не добудет,
Кто стонет да плачет над байским порогом,
Слез у того наберется немного.
Кто беден умом, тот овечкою блеет,
Кто песен не знает, тот жить не умеет,
Кто шею не гнул перед баем богатым,
Тот до могилы не будет горбатым.
Кто песню свою продает за барана,
Тот мухи ничтожней, трусливей кояна,
Блудливей хорька и трусливей тушкана.
Послушал, жырши, я ваши слова,
Они перед баем легли, как трава,
Злоба горячая в сердце хлестнула,
Бай Кадырбай, ты послушай Джамбула!
Собака твоя неплохая была,
Она табуны для степей берегла,
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал.

Собака твоя по зеленым увалам
Стаи голодных волков прогоняла,
С волком вступая в неравную схватку,
Зная собачью горячую хватку,
Волки боялись ее, как огня.
Она берегла и овцу и коня,
Хвост свой пушистый не поджимала,
Волчьей кровью ковыль поливала,
В сопки волчицы неслись впопыхах,
Оберегая свои потроха.
Собака неплохо степям послужила,
Радостью нашей она дорожила,
Она и под солнцем и при луне
О нашем заботилась табуне.
А ты, ненавистный, с ханскою сворой
Проходишь степями злодеем и вором,
Не дай тебе бог ничего, кроме блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох!

ЗАВЕЩАНИЕ

Эх-ма, эх, бренный мир — непокой,
Люди в нем — караван кочевой...
Мир веселый оставят. Пройдут
Через свой перевал вековой.
Входишь с голосом звонким ты в свет,
А при выходе голоса нет.
Колшибай оставлял для сынов
Образец поучительных слов:
«Чистым сердцем, приятель, дыши!
В добром деле ты счастья найдешь.
Славных подвигов не совершив,
Что из жизни с собой унесешь?
Все сокровища мира собрав,
Не найдешь ты в богатстве добра.
Светлой памятью, вечной, святой,
Будет жить и сиять над тобой
Лишь добро, что ты миру несешь!
Остальное в могилу с собой
В белом саване ты не возьмешь».

ЧЕРНЫЙ УКАЗ

Пастбища нашей родной стороны —
Карабастау и Кулансаз!
В светлые годы моей весны
Здесь я бывал не раз.
Скорби сегодня не утаю,
Будет печален сказ.
Слушайте:

падают в песню мою
Слезы из многих глаз.
Болью налившись, плачь, струна,
В этот тоскливый час:
Ты услышала, моя страна,
Черный царский указ!

Вам ли, сыны, надевать ярем?
Голову молча гнуть?
Перед разлукой язык ваш нем
Скорбь разрывает грудь.
Нынче с джайлау уйдут старики,
Вы же — в далекий путь...
Силою всей материнской тоски
Сына домой вернуть...

«Эй, от кибиток, — кричит
Волостной, —
По одному от пяти!»
Сам есаул к нам в полуденный зной
Мчит по степному пути...
Будьте вы прокляты, эти дни!
Что там еще впереди?
Сердце трепещет, в висках звенит,
Воздуха нет в груди.

Будьте вы прокляты, бий да бай,
За то, что в людских сердцах,
Ясных, как мир, как родимый край,
Вы поселили страх.
Слышу: по согнутым спинам бьет
Родственник и сосед;
Слышу: сегодня рыдает народ,
А в вас сожаленья нет!

Что ж остается? Куда идти?
Сдаться ли злой судьбе
Или на скорбном своем пути
Счастья искать в борьбе?..

Мух на спине своей терпит скот,
Тот, кто подобен ему,
Пусть пропадает, пускай умрет,
Смерть собачья тому!

НА ВЫСТАВКЕ

Пути вздымая в пыльный прах,
Во весь опор, во весь размах
На выставку в Алма-Ату
Спешат на легких скакунах

Уйсунов главы и Найман.
Слепит их в городе туман.
Они свою забыли степь,
Они в поклонах гнут свой стан.

Они склонились камышом
Под набежавшим ветерком.
Мы угадали их судьбу,
Взглянув на их позор тайком.

Вы оскорбили честь мою.
Горюю я и так пою:
«Чем эту выставку смотреть —
Уж лучше быть в родном краю.

В поклонах не согнусь, как вы,
Не нужно вашей мне жратвы.
Моя надежда — песнь моя,
С ней не склоню я головы!»

ПЕСНЯ
ГНЕВНОГО СЕРДЦА

В Верном пером подписал генерал,
Черный, короткий приказ подписал.
«Наших сынов из аулов угонят»,—
Вот что народ узнал.

Болью жестокой слова горят:
«Им никогда не вернуться назад!»
Сердце свое разрывая скорбью,
Старые матери голосят.

Нету лекарства от ран таких,
Солью слез растравляешь их.
Нынче вошло к нам в кибитки горе
Для стариков и для молодых.

Пристав явился, твердит об одном:
«Сам не пойдешь ты — потащат силком!»
Но отвечали на это джигиты:
«Лучше у дома родного умрем!»

Парни-джигиты горды и тверды.
И, обругав их на все лады,
Пристав ушел, не добившись толку
И пригрозив им: «Дождетесь беды!»

У Каргалы, торопливой реки,
Парни собрались и старики.
«Силой — и то не заставят идти нас»,—
Так говорят вожаки...

Царь не прощает бунтовщика!..
Помня в лицо их по именам,
Пристав в аул приезжает снова
Вместе с солдатами к нам.

Люди и скот не ели с утра.
Была ураза. И томила жара.
Бледные люди, гневные люди
Не ожидали добра.

Кончилась в этот день ураза.
В ауле безумная буря-гроза
Мимо промчалась, друзей вырывая
И ослепляя глаза...

Их увезли... Мой родной народ,
Ненависть в сердце твоём растёт!
Воздух горит, и пылаёт солнце...
Гнев твоё сердце жжёт!

Вот они за тюремной стеной,
Не совладать с гнетущей тоской.
Братья-друзья у ворот закрытых
Топчутся день-деньской.

Сколько часов им прождать пришлось!..
Вот заключённых ведут на допрос.
Сам губернатор явился: «Знамя
Кто на джайляу пронес?»

«Ну, отвечайте!» Но все молчат.
«Может быть, ты это, Бекболат?
Если виновен, то будешь повешен».
Слушают все — молчат...

Многим пришлось тогда умереть...
Долго над ними свистала плеть,
И перед скорбными их глазами
Стояла на страже смерть.

Вот и минута её пришла —
У двери большая арба ждала.
«Эй вы, несчастные, замолчите!
Нужен ли вам мулла?..»

В день тот в Самсу налетел Ботпай,
Звавший к восстанью родимый край,
Но опоздал он, и — казнь свершилась.
Бей же убийц, кара!..

Пристав с солдатами прибыл потом,
Встретил повстанцев ружейным огнём.

Сбившись в мечети ходжи Жаныбека,
Наши отбились с трудом.

Целую ночь не смыкали век,
Время тянулось, как долгий век.
Утром узнали: с друзьями своими
Ночью бежал Жаныбек...

Но поднимался народ простой,
Словно в озерах вода весной.
И прокатилась волна восстанья
По стороне родной.

Многих убили мы царских слуг,
Знает об этом и враг и друг,
Только падет ли вооруженный
От безоружных рук?!..

Был за повстанцев и млад и стар,
Долго еще полыхал пожар.
Светлое пламя пошло на убыль
В час, как погиб Саттар...

Перед палачами велик был страх,
Прятались люди в скалистых горах,
Там по ущельям, по горным тропинкам
Бродили киргиз и казах.

Снова и пристав и волостной
Гордо вернулись в мой край родной...
А кости борцов, не узнавших свободы,
Белеют в траве степной.

АЙТЫС С АЙКУМЫС

Д ж а м б у л

Коня я упарил, был путь мой далек,
Моя Айкумыс, моих дум огонек,
Весь пыл молодой для тебя я сберег,
Поспешность мою не считай за порок.

А й к у м ы с

Спеша, поздороваться даже забыл,
Никто тебя вежливости не учил!
Когда бы твой ум с расторопностью жил,
Сокровище неба рукой ты б схватил.

Д ж а м б у л

Я мог ли к тебе, Айкумыс, не спешить?
Я молод, о скалы я бьюсь, чтоб любить,
Я ночью и днем лишь тобою живу,
Тебе ль для худого добычею быть?

А й к у м ы с

Никто о своей не узнает судьбе...
Гулять по аулам привычно тебе,
А я для кочевий чужих рождена,
Себя не тревожь, хлопоча обо мне!

Д ж а м б у л

Пойдешь за плохого в нерадостный час.
Ты птице чудесной подобна сейчас,
Тогда ж до могилы пробудешь в беде,
И синие мухи забьются у глаз.

А й к у м ы с

Ты самоуверенным, милый, не будь,
Как будто всех девушек спас ты, Джамбул.
Зачем же расстался с родным ястребком,
Умеющий зорко предвидеть судьбу?

Д ж а м б у л

Несчастливы джигит и любимая с ним,
Коль смех и веселье неведомы им.
Душа ненасытная страстью горит,
И жду я, желанной надеждой томим.

А й к у м ы с

Надеждой джигит, как победой, живет,
Но дума покоя душе не дает.
Всезнайкой не будь и короче, мой свет,
Скажи поскорее желанье твое!

Д ж а м б у л

Хочу я не пуговицу надавить,
Хочу я не песней тебя удивить,
От слов не бежишь ты, а дело стоит,
Сама б поняла, не прося говорить.

А й к у м ы с

Джамбул на слова ты скупой. Не дрожи.
Проси же яснее, язык развяжи...
Ну чем я пленила сегодня тебя,
Желанье свое, не таясь, ты скажи.

Д ж а м б у л

Аул мой летует на Кок-Сенгире,
Иссякло терпенье там ждать на заре,
Поймешь, коль позволишь мне тронуть сейчас
Твой холм на груди, что укрыт в серебре.

А й к у м ы с

Не дам прикоснуться, Джамбул,— не вини;
Я с праздника честь доведу до родни.
Есть сказ: добрым словом будь сыта, душа,
А нрав твой хороший пусть память хранит.

Д ж а м б у л

Моя Айкумыс, что же делать, прости!
Разъедемся, тайну не выдав в пути,
Лицо твое в памяти я сохраню,
Пока огонек не погаснет в груди.

ДОЧЕРИ БОЛЕКА

Д е в у ш к а

С клячей серой на ходу,
А с гнедою в поводу
Ты ко мне не подъезжай
И верблюдов не пугай.

Д ж а м б у л

У саврасой бег хорош,
Да и ты мне любя тож!
Разреши подъехать ближе,
От любви бросает в дрожь.

Д е в у ш к а

Когда ж ты сватом стал для рода Балгалы?
Ты крутишься подобием юлы...
Нет, Балгалы благословения не даст,
Хотя б почтенно и со скотом явился ты.

Д ж а м б у л

Издревле в дружбе были роды мой и твой
И находили в дружбе радость и покой.
Дурным красавицам — ничто народный дух,
Гордятся легкомысленно собой!

В дороге дальней отощал, кочуя, я,
Одеждой тоже беден стал, кочуя, я,
К теплу красы твоей приблизиться хотел,
Ты оскорбила, горделивая, меня,

Д е в у ш к а

Я знаю, путник утомленный ждет покоя
С надеждою в семье ему чужой.
Ты к каравану, надоедливый, пристал,
Отстань-ка без обиды, светик мой.

Д ж а м б у л

Нет спора — путника дорога утомит,
Но утомленья он красотке не простит.
С саврасой если не поеду рядом я,
Мне той обиды дочь Болека не простит

Д е в у ш к а

Саврасая мой кош ведет и днем,
Сжав уши, схватки ждет она с твоим конем,
Коль не желаешь вдруг посмешищем ты стать,
Оставь мой кош и не показывайся в нем!

Д ж а м б у л

Как ни урямся, не уйду я от тебя,
Все больше, больше возгораюсь страстью я
И пусть твой конь укусит больно моего,
За божий знак укус коня приемлю я!

ЗНАКОМСТВО С АКЫНОМ БАКТЫБАЕМ

Б а к т ы б а й

Аул мой Каратал
В просторах Шанырака.
Хоть мне седин не спрятать,
Хоть немощным я стал,
Себя я вдохновлял
И встречи этой ждал.
Каков я, погляди:
И жара нет в груди,
И мой согбенный вид
О многом говорит.
А ведь взлетал, как сокол,
К вершинам гор высоко
И, слабости не зная,
В айтысах побеждая,
Акыном став крылатым,
Я первым шел когда-то.

И, словно ветер вольный,
Весь вдохновенья полный,
Соперников достойных
Искал.

Их неустанно
Бил словом ураганным.
И помню я доньше:
Одиннадцать акынов
Род славили Наймана.
С одним я — с Арыстаном —
Два дня вел спор,

две ночи.

И, к слову, между прочим,
Мнил о себе он очень...
На деле вот как случилось —
Победа мне досталась...
Сейчас, забыв про старость,
Впервые, лгать не стану —
То знает весь аул —
С тобой у Казыхана
Я встретился, Джамбул.

Д ж а м б у л

Как старший брат сперва
Салем примите мой.
На нужные слова
Я вовсе не скупой
И звонкою домброй
Бужу простор степной,
Коль быть певцом дано
Скажу вам заодно:
Наслышан я давно,
Хоть был и вдалеке,
Про ваш айтыс с Майке.
Да, песенный свой стяг
Несли вы не роняя,
И весь Абак, Тарак
Вас с честью вспоминают.
И потому пред вами
Я вспыхнул, будто пламя.
Привет ваш принимая,

Напев свой начиная,
Вам сообщу по ходу:
Шапырашты я родом,
Из Майтюбе я вышел
И песнею всех выше
Взлетел над Алатау.
Акыны и жырау:
Майкот и Кулманбет,
Майлыкожа почтенный,
И славный Кулыншак,
Даруя сердцу свет,
С далеких юных лет
Меня учили слову,
По ним я мерил шаг...
Но, вас сегодня встретив,
Остановлюсь на этом.

ИЗ АЙТЫСА С АКЫНОМ САРЫ

С а р ы

Ну, добрые мои друзья,
Теперь послушайте меня.
Вам скажет истину Сары:
Удача с нами — до поры.
Вот к Сарыбаю все спешат,
Его дела идут на лад.
Пока дела идут на лад,
Вам поклониться каждый рад.
Но лишь споткнетесь на пути —
И все скорей спешат уйти,
И разве можно где найти
Нам лекарей от зол и бед?
Ты, Сарыбай, давай ответ!

(После паузы)

Твои слова я слушать рад.
Ты, Сарыбай, умом богат.
А если мысль морщинит лоб,
То почему уста молчат?

Д ж а м б у л

По нраву будет или нет,
Но я хочу держать ответ.
Смутившись, Сареке молчит,
Тобой же Суйеке забыт!
Молчишь ты сам пред Суйеке,
Нет острых слов на языке,
«Его дела идут на лад».
Найдешь ли лекаря себе?
И о тебе не говорят:
Сумеешь победить в борьбе.
А не найдешь, то навсегда
Спина согнется от стыда.
Сумей же сам от зол в пути.
От неудач и бед уйти.
Здесь Суйеке сегодня нет,
Не то б тебе он дал ответ...
Но речь окончена моя...
Спасибо, добрые друзья!

ВСТРЕЧА С МАЙКОТОМ

Д ж а м б у л

Здесь, на джайляу Улькенсаз,
Где Сареке справляют ас,
Как крылья, руки распластав,
Всю степь в объятие вобрав,
Ни в чем усталости не зная,
Помчусь я, силу набирая,
Подобно быстрому тулпару
Батыра смелого Камбара.
И пусть узнает стар и млад,
Как песней я излиться рад.
И оживет в людских устах
Рассказ о добрых скакунах,
О беркутах, что в облаках
Парят,
не ведая про страх,
И встанут образы их в ряд.

Ликуя, много дней
Средь Шапрашты, Екей.
И песне той внимая
И в суть ее вникая
Запомнит каждый пусть
Всю песню наизусть!

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С КУЛМАМБЕТОМ

Ку л м а м б е т

Я — Кулмамбет, по кличке Кулан-аян,
Знает творец, что это мне не в изъян.
Роду Албан я, роду Дулат я петь
Буду сейчас, вниманьем их осиян.

Я, Кулмамбет, Кулан-аяном слыву,
Слушайте в сердце вписанную молву,
Вас я, люди родов Албан и Дулат,
Всех собравшихся слушать меня зову.

Род мой — Кулан-аян, я — Кулмамбет,
Песней увлечь вас ныне даю обет.
Пусть, если может, жалкий соперник мой
Даст мне достойный, даст мне смелый ответ.

Вызов мне слали певцы со всех сторон.
Быть мне рабами — общий для них закон,
Есть еще — как его? Этот, ну, Джамбул.
Он, мол, акын... — Зачем же таится он?

Ждет он, как бы врасплох застать меня,
Чуть зазеваюсь, начнет он таскать меня.
Мнит Сейтбатталом себя, самим Али...
Нет, не сумеет он запугать меня!

Вон курдюком не он ли, баран, тряхнул?
Нравится, что ль, вам скудный его нагул?
Пусть же выходит, коль вправду акын,
Этот — как его звать там? Ну, Джамбул!

Кликнул бы ты Джамбула, эй, куманек!
Мне на расправу живо б его привлек!
Я — иноходец в роде Албан-Дулат,
Сыщется ль равный мне по прыти конек?

Я ль не скакун на все четыре ноги?
С честью я выходил из всякой байги.
Если и он других обгонять горазд,
Кликни его и нам сойтись помоги...

Вызвал тогда Джамбула Худайберген,
Сдвинулись люди всех родов и колен,
И Кулмамбет среди них сказал, смеясь:
«Вот кто желает быть старшим — мне взамен!

Эй, — он сказал Джамбулу, — разинь-ка рот!
Многих акынов прошиб холодный пот;
Многим, тягаясь со мной, пришлось кряхтеть;
Многих, ловчей, чем ты, я брал в оборот».

Д ж а м б у л

Старшим — первое место в пору игры.
Жертву волчица ждет на склоне горы,
Стоит иных седин черный волос мой,
Я, чтобы честь снискать, прибыл к реке Или.

К у л м а м б е т

Рвешься ты в бой, приветом нас не почтив,
Вижу, что ты невежествен и спесив.
Долго ль в колодец упасть кувырком?
Что же, лети, уж если ты столь хвастлив.

Тут вот голь беспросветная сидит,
Зелень неразумная сидит;
Дерзко со мной соперничать норовя,
Руки свои почесывая, сидит.

Видишь, обсели меня, как мошкара.
Взять Кулмамбета вздумали на ура.
Деять их тут; пусть ты за троих сойдешь —
Будет битва и с одиннадцатью скоро.

Вздумал, ища траву, ты снег разгрести;
Грозным выглядеть хочешь в чужой шерсти.
Выдрин тулуп надев, не стал ты сильней:
Собственный мех для счастья отрасти.

О всемогущий творец! Видишь ли ты?
День Кулмамбета настал — в страхе шуты.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Там ковыляет жалкий Шапрашты!

Жалок тот род: в слезах молодуха там,
Баи там скот пасут, голодуха там.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Шапрашты не собратся с духом там.

Род Албан-Дулат всем родам старшина,
Будет речь моя всюду разглашена.
Если поднял шум род Албан-Дулат,
Песнь Шапрашты шумом заглушена.

Думай сейчас — потом меня не кори,
Если не дрогнул — вызов свой повтори.
Нет для меня помехи, бурею я
Несся не раз через мертвые пустыри.

Белый я лунь, а ты — петух на суку,
«Кукареку» кричишь да «кукареку».
Ровно из ваших шел один Суюмбай,
Каждому прочему надо бы дать клюку.

Эх, Джамбул, со мной ты не вкусишь удач,
Ждал ты веселья, но здесь ждет тебя плач.
Если б только Нуркан свой пригнал табун,
В землю б он втоптал шапраштинских кляч.

Вижу я сразу, что ты за соловей:
Станешь петь — ничьих не всколыхнешь бровей.
Голову ль мне твою с хилых плеч сорвать
Или втоптать в такыр глубже степных корней?

Нынче славу Джамбул мнил своей женой,
Завтра увидит он — есть жених иной.

Наши встретив стада, свой утратит след,
Скажет: «Стала степь с пятку величиной...»

Истинных богачей видел ли ты, прыщ?
Ваш богач Шолакпай в наших глазах нищ.
Вот аул Майлыбай — у себя ты хоть раз
Мог ли видеть такой плотный строй жилищ?

Вот Бектембай, Тарпан и бек Токсеит.
Кто из ваших так, как они, знаменит?
Вот Ниязбек, Сарсынбаев знатный сын,
Денег сто тысяч в сундуке хранит.

Вот с чьим акыном тягаться ты дерзнул!
Масло не для тебя взбили мы, Джамбул!
Выпрямлюсь я, как прежде, тебя побив,
Ты ж назад поплетешься хром и сутул.

Сын Утегенов был у вас Нуракан,
Дом их с ханом Шойбеком — черный курган.
Где Кобыкпай с Карабаем? След простыл.
Сатыбалды и Канаю стяг их дан.

Наш Усембай из рода Тлеукабыл,
Он соловьем народных сборищ прослыл,
Вам он давал коней для сбора плодов;
Разве, Джамбул, о нем ты теперь забыл?

Славен на весь Жайлымыс мулла Сатим:
Он, благоденствуя, нами всеми чтим.
Горд Сегизбек любим из тысяч коней,
Каждым из них, словно гранат, налитым.

Дал Ормакаю Кыдыр сокровищ тьму,
В Мекке был Исмаил и надел чалму,
Их восприемником стал храбрый Манке:
Должное в песне как не воздать ему?

Есть Алпыстай еще и Малик у нас,
Беден, чтобы их описать, язык у нас.
Братья Татыны, Идрыс, муж Шуманак —
Каждый из них богат и знатен у нас.

Есть Аманжол в Каскарау и Ногайбай,
Скот без счета у них, им на земле рай,
Рано ложиться, поздно вставать им не грех,
Масло вкушают они, смакуют чай.

Вва, Малдыбай, от Кыдыра взявший сан!
Вва, Ажибай, что на помощь мною зван!
Мне замухрышка несчастный вызов шлет.
Разве прольется на землю мой айран?

В роде твоём, Джамбул, будто малых нет;
Якобы резвы все, мол, отсталых нет.
Но угрожавших киргизам предков их
Нет на равнинах, на перевалах нет.

В гости придя, не молчи, бровей не хмурь.
Дерзок со старшим ты, это что за дурь?
Черноволос ты, с виду ты неказист.
Нет, не таков я: взглядишь, глаза прищурь!

Дерзок со старшим ты. Стыдно, Джамбул, юн!
Разве на твой кобыз бог не надел струн?
Что же молчишь ты, будто живот болит,
Будто во рту у тебя вырос типун?

Как бы там ни было, есть один исход:
Будет родом моим твой унижен род.
Все мы богаты, вы же все — бедняки.
Век вам питаться милостыней господ.

Ждет мой род, чтобы я всласть тебя отодрал.
Мне возражать не станет и генерал!
Ну, соберись же с духом и рот открой,
Если, певцом назвавшись, ты не соврал!

Д ж а м б у л

Чванство, скажу я тебе, немалый грех,
Нет у тебя, как видно, других утех.
Был я спокоен, зачем беснуешься ты,
Треплешь меня, кусаешь и рвешь при всех?

Я, коль заденут, грохну, как самопал,
Песни мои — ливень, пенный речной вал,
Речь моя льется из глубины души,
Кто мне перечит — наверняка пропал.

Вскачь помчится конь, возглас слыша «чу»!
Помощь от предков моих я получу.
Вихрем будет мне предок мой Карасай,
Смерчем клубясь, я недруга заверчу.

Пред Кулмамбетом мне вправду ль грош цена?
Мне ли отстать, как кляче, от скакуна?
В честь Карасая сбоку пойду в обгон,
Будет едва ли честь твоя спасена.

Птицы птиц не бьют, в небо не воспарив.
Ты, Кулмамбет, опрометчив, хотя сварлив.
Напустословил нынче ты сгоряча,
Шумной твоей похвальбы бесцелен разлив.

Я ведь тебе в отваге не уступлю,
Раньше тебя богатства я накоплю,
Я не теряю рассудка в час борьбы,
Я не подобен злобному кобелю.

Могут добром и дураки обладать.
Лживы, как лисы, счастье и благодать.
Хочешь ты, видно, про богачей бубня,
Им надоест, а нам посмешищем стать.

Сгинь, Кулмамбет, трескучий, сгинь,
Вместе с водой текучей сгинь!
Впрочем, не с ней: ведь воду пьют...
Лучше с попутной тучей сгинь!

Впрочем, тучи влагу дают...
С солнцем, чьи ласки жгучи, сгинь!
Впрочем, к утру и солнца ждут...
Лучше с пылью сыпучей сгинь!

Нет, пылинки к нам пристают...
Лучше со мглой ползучей сгинь!
Нет, ее объятия степь обовьют...

Лучше с высокой кручей сгинь!
Впрочем, и там для нас приют..
Хоть в аду, приставучий, сгинь!
Как мне быть с тобой, Кулмамбет,
С лысой твоей башкой Кулмамбет?

Что мне твой скот и твой приплод?
Я тебе, лысому, доложу:
Если за мной стоит народ,
Я всех баев превосхожу.
Зачинаются наши стада,
Где озера Алма-Ата.
До Кастека степь занята.
Нет рубежного знака нам:
Все до Каракыстака нам
Табунами занять пришлось.
Чтоб во лжи уличить меня,
Своего бы тебе коня
Десять дней подгонять пришлось,
Чтобы найти наш крайний табун,
Чтоб увидеть, что я не лгун.

Ку л м а м б е т

Ишь, задрать норовит меня, озорник!
Хватит ли сил у него сломить тростник?
Он бы подался назад, молокосос,
Если бы знатность и мощь наши постиг.

Лезет спорить со мной, словно сам богат!
Знаешь ли, сколько на той нужно затрат?
Кожа да кости — все, что ты накопил.
Чем ты похож на людей рода Дулат?

Овцам счет потеряло племя Баба.
Что ты пред ним? Подпруга твоя слаба.
Чем ты кичишься, жалкий Шапрашты?
Не смехотворна ль вся твоя похвальба?

Д ж а м б у л

Будь то Асыл, будь Шибылга,
Всюду моя ступит нога.

Если мощен ты, Кулмамбет,
Должен принять вызов врага.
Знатному роду ты слуга,
За богача прячешься ты,
С ним еще наплачешься ты.
Пусть у Бабы вдосталь ягнят —
Предки плохо тебя хранят.

Нечем, пока я здесь, козырнуть тебе,
Трудно из рук моих ускользнуть тебе.
О Карынбае не пой, о скряге нам,
О богатырской спел бы присяге нам.
Нам о народном единстве лучше спой,
Спой о доблести ты, об отваге нам!

Ку л м а м б е т

Кто богаче Дулата! Скажи, грубиян!
Даже Баба беднее, даже Албан.
Мыкают горе все твои земляки,
Нам богатейший край во владенье дан.

Овцы семь тысяч спин об изгородь трут,
Кони пять тысяч привязей буйно рвут.
Десять верблюдов золотом нагрузив,
Вьет Абеке шатер из шелковых пут.

Сын Утегена, бай Нуракан, гляди,
Сотни коней не у него ль позади?
Золотом я лохмотья твои набью —
Песня сама умолкнет в твоей груди.

Многих еще восславлю я, погоди!
Есть Шенет еще — речь о нем впереди.
Сатыбалды, Эстемес, Ламак, Салмак —
В силу богатства наши они вожди,

Д ж а м б у л

Мог бы и я поведать тут,
Как лопатой деньги гребут,
Как в мешки их сыплют у нас,
Как, самоцветами их покрыв,

На шестьдесят верблюдов кладут.
Даже верблюжий повод у нас
Из дорогого шелка плетут.

Но не об этом я петь хочу,
Я о богатстве таком смолчу.
Вдоль Алатау мы полетим,
Мой родной Кастек посетим
И на другие богатства там
Мы с удивлением поглядим.

Славен не золотом мой Кастек:
Слава его — живой человек,
Слава его — батыры-друзья,
Мощные, как весений поток
Спрячешь ли мощь такую в мешок?
Не загрести лопатам ее,
Не обрести захватом ее.
Славятся благородством души
Наш Саурык и наш Суранши,
Копья сверкают у них в руках,
Луки и стрелы на кушаках,
Ткань их одежд чиста и бела,
Песни поются про их дела,
Нас в обиду они не дадут.
Каждый из них — подобье орла,
Плохо тому, кто мучит народ,—
Если мечами они взмахнут,
Если очами они сверкнут.

Надо, чтоб стих мой дальше откочевал:
Я Сыпатая славного не назвал.
Кто, как не он, для Великой Сотни вождь,
Кто из батыров столь бесстрашен бывал?
Ласку его из вас постиг не один.
С вами не раз он сладкий чай распивал.
Духом богат он — бедных при нем не тронь,
Меч, а не деньги любит его ладонь.
Подвиг он любит, а ты здесь лень воспел,
Славишь никчемность, славишь байскую вонь.

Нет Сыпатаю равного молодца,
Пешему он, не моргнув, даст жеребца,

Даст и пешком пойдет — Сыпатай таков.
Вот отчего влекутся к нему сердца.
Вдоль Алатау имя его гремит,
Мир не видал подобного храбреца.
Мой земляк не чета твоим.
Ну-ка, давай на юг поглядим,
Там один старик проживал,
Беден он был, любил он труд,
Сыр из Туркмении добывал.
Не Желмая, а простой верблюд
Скудную ношу таскал за ним.
Подвигами своих сыновей —
Вот чем славен тот человек:
То Байтеле, Камен, Джапак
И Даулет, четверкой всей
Ставшие частью земли своей.
Слушай меня, не перебивай,
Слушал ведь я тебя, Кулмамбет,
Ты мне успеешь дать ответ.
За Мырзабеком наши живут,
Иссиня-черными все слынут.
Хан их вышел из бедняков —
Разумом крепок народным он,
Духом тверд благородным он.
Весь Абельпейс у нас таков.
Слушай меня, не перебивай —
Есть у нас батыр Нурабай,
Есть его брат, батыр Али,
Род от Кашке они повели.
Низменность их народ заселил.
Был Кашке по-народному прост.
Если он врага примечал,
Он коню подвязывал хвост,
Радостным криком степь оглашал,
Объединил он свой народ...
Что ж, моя песня, продолжим поход!

Стой, Кулмамбет, наступил мой час.
Станет твой взор могилы мрачней,
Если ты взглянешь на Серектас,
Грозное чудо наших дней.
Там Килыбаев сын, Кожамбет,
Мощи его пределов нет,

Он — огнедышащий самопал,
Он с небесами в бой вступал,
Он на луну скалил клыки.
Благословенные огоньки
Взорам его бог даровал.
Коль на рассвете свой путь начну.
Я и к полудню не отдохну.
Даром ружья не вскину я,
Даром рукой не двину я.
Про Утеген и Казбек-страну
Я мимоходом упомяну.
Эти возвышенные места
Родиной были предкам моим.
Вспомнил о них я здесь неспроста:
Там шестерых своих сыновей,
Храбрых, как львы, взрастил Ибрагим.
Били врагов без страха они,
Были оплотом казахам они,
Каждый когтист и каждый зубаст —
Разве наш род таких создаст?

Эй!.. Прислушайся, Кулмамбет,
В баях твоих смысла нет.
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и на ослов.
Дрязги, сплетни и клевета —
Вот чем ваша знать занята.
Тень на народ баи кладут,
Будешь и ты в этой тени,
Баям вовек не буду сродни
Байским добром не бахвалюсь я,
Бедностью не опечалюсь я,
В мощи народа — сила моя,
Цель народу ясна моя.
Богатырям я честь воздаю,
Вот на какой я земле стою!
Не уступлю, Кулмамбет, тебе.

Ку л м а м б е т

Наш Бекетбай в Каскарау — с ним сравнись!
Наши Тарпан с Токсеитом — вот дивись!

Бай Телитай, многоконный, тоже наш.
Ну, откуда б у вас такие взялись?

Много ль у вас таких, скажи, богачей,
Как Шоманак, Шоранбай, Сеит, Шекей?
Есть на Шокпаре у нас даже султан...
Ва, молись о продленьи жизни своей!

Шапрашты, ты жалкий бесхвостый пес!
Вот скovyрнешься в яму — расквасишь нос.
Спесь нам твоя, заплатанный, не страшна,
В песне своей ты околесицу нес.
Буду сидеть в печенке я у тебя.
Песни мои забурлят, как вешний плес.

Думал меня запугать ты — нет, шалишы!
Бая никем из бедняков не затмишь.
Лебеда наши орлы с лету когтят,
Вашим стервятникам гнать разве что мышь.

Кем ты кичишься, кем послан на бой?
Вашей кишмя кишашею голытьбой?
Лучше б веревкой живот ты свой стянул —
Твой измочалю чепрак я под тобой!

Д ж а м б у л

Всякий соперник кажется мне смешным.
Власть мне дана над всяким зверем степным.

Брось! Не бесись, ленивцев не восхваляй,
Целые дни вдыхающих черный дым!

Знают все: народ трудолюбивый мы,
Но и не бредим, как вы, наживой мы.
Все мы в ремеслах искусны, знаем все,
Видели степи, горы, заливы мы.

Кровель столько в Алма-Ате,
Что с непривычки в глазах рябит.
Город Семей снегом скрипит,
И на кочевье пастух-овчар

Слышит, как строится Кызылжар.
К югу раскинулись — Наманган,
И Андижан, и Маргелан.
Связаны торгом с Ташкентом они,
С нами ведут обмен там они.
Русский с казахом дружен теперь,
Локоть к локтю идет он с ним,
Этот союз нужен теперь,
Это мы всем теперь объясним,
Всем, кто захочет слушать нас.

Ку л м а м б е т

Я, иноходец, чуть лишь заслышу «чу»,
Жалкого Шапрашты к могиле домчу.
Храбрость твоя ни к чему, шалый козел.
Сын нищеты вздумал дерзить богачу!

И Суранши наказан и Саурык,
Про остальных не стоит чесать язык.
Твой Суранши сайрамским сартом сражен,
Надо ли было дразнить баев-владык?

Все, что ты плел про мужество, — дребедень.
Твой Суранши не к добру поднял кистень.
Тюкнул его хлипкий сайрамский сарт,
Шкуру снял с него в благословенный день.

Спели ль что во спасанье его души?
Был погребен, как падаль, твой Суранши.
Страхом проникнись перед таким концом,
Лучше обряд молитвенный соверши...

Д ж а м б у л

Зло проверяют люди только добром.
Я — скакун пред тобой, облезлым одром.
Горд я делами наших богатырей,
Недруга нашего верный ждет разгром.

Да, Суранши с Саурыком — ныне прах,
Но не срамит их это в наших глазах.

Кровь за народ пролить — есть ли выше честь?
Чтит их память недаром бедный казах.

Был твой родич, Максут, как ты, пустобрех,
Жадный, он с ближним грызться мог из-за крох.
Разве, как вол, наевшийся белены
В корчах у всех на виду он не издох?

Дней не продлишь, хоть мир весь съешь, Кулмамбет,
С байством своим поберегись, Кулмамбет!
Хуже ты Карекула. Шайтан твою
Выгладил, мне сдается, плешь, Кулмамбет.

Отпрыск Уака, грех твой слишком велик:
Ты, человека убив, сюда проник.
Кто воспретит мне голову снять с тебя?
Много в траве Арки осталось улик.

Я, Кулмамбет, громом тебя поражу,
Руки твои за спиной крепко свяжу.
Беглый убийца, тебя на травы Арки
К судьям твоим я завтра препровожу.

Был ты певцом шаншарским — дулатским стал,
Прежде худой, толстяком ты спесивым стал.
За три бешмета баям себя продав,
Сам глумиться над горем бедняцким стал.

Совести нет у тебя, как нет волос.
Скрыл ты и то, что сделал, и то, где рос.
Пусть разберут Дюсенбай, Сат и Манке,
Правда ль в моих словах иль ложный донос!

* * *

Лопнули струны у Кулмамбета тогда,
Он не нашел сил для ответа тогда.
Спас от позора домбру свою Джамбул,
Честь он спас — и мир это понял тогда.

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ДОСМАГАМБЕТОМ

Д ж а м б у л

Взмахнув крылами, песня смело ввысь летит,
Пусть в славном споре зычный голос загремит.
Тебя словами я пробью, Досмагамбет,
Твоя нога, земли касаясь, задрожит.

Коварством, хитростью меня не проведешь
И с четырех сторон ко мне не подползешь.
От Жалаира добра не получал
И, озираясь, как голодный волк, бредешь.

Благословенен прадед мой Ер-Карасай,
От слов его качались горы и леса,
А мой наставник, ливней песенных краса,
Орел, клекочущий в выси, — Ер-Суюмбай.

Свой век давно Шоже с Балтою провели,
В отчаянье Бухар и Асеке ушли,
Их светлый дух в моих желаньях воплощен,
В народной горечи, в стихах родной земли.

Когда я в злобе, голос грозен мой, как гром.
Стрелами молний он встречается с врагом.
Слова, как пламя, а домбра моя — копье,
Чекмень, как панцирь, отливает серебром.

Сын Улы-жуза, предок мой Абак-Тарак,
Меня возвысил и в советники избрал.
И если к нам акын бродячий забредал,
Его Джамбул горячим словом избивал.

Я — в небо гневно поднимающийся смерч,
И расстоянье между нами ты не мерь.
Ты — воробей, чирикающий там, внизу.
Мой свет, в айтысе я сразу тебя, поверь!

Д о с м а г а м б е т

Ой, Джамбул, ты мой Джамбул!
Слово я тебе скажу:

Я — ручей горы высокой,
Молод я и тем горжусь.
Я — камыш, листвою расцвел,
Ты же — блеющий козел,
Ты нарушил мой покой,
Рядом я сижу с тобой,
Слов твоих не разделяя
Чистою своей душой.
Укроти ты норов свой,
Не тяни за упокой!
Задушу тебя я песней,
Замолчишь, баран седой.
Мой капкан — тебе гроза,
Мигом выпучишь глаза.
Так сдавлю твою я глотку,
Чтоб и слова не сказал.
Факелу подобен я
Ночью около тебя.
Я поэт среди поэтов,
В облаках душа моя!
А твои слова, как ртуть,
Не находят, где прильнуть.
Ты со мной схватился в песне,
О победе позабудь!
Спорить с сильным не берись,
Не догонишь, — не гонись!
Не догонишь, даже плача,
Подтянувшись кушаком,
Ты — откормленная кляча,
Я рожден аргамаком!
Чем же ты меня возьмешь?
Разве лучше ты споешь?
Сам себя, бедняк, погубишь
И отсюда не уйдешь!
В этой схватке побежденным
Ты в отчаянье умрешь!
Не смущайся, — видит бог, —
Ты в искусстве очень плох.
Запоешь и убегаешь,
Как настигнутый врасплох.
Смелой схватке ты не рад,
Крыльям сломанным не рад.

Ты, как вор, попавший к вору,
Отдаешь с конем халат.
Плох твой облик, Кейкуат,
Плесневелый ты медяк,
И поешь ты кое-как.
Не имеешь даже шапки,
Голоногий ты бедняк.
Нет скота, чтобы продать,
Силы нет, чтоб воевать.
Ты — баксы, для мира лишний,
Что тебе еще сказать?
И баксы совсем плохой,
Не справляешься с домброй,
Похудел, бродя в аулах,
Богу лик противен твой!
На злодея ты похож,
Хоть и в род Абаков вхож;
Где ночуешь — неизвестно,
Неизвестно, где живешь!

Про тебя твердит народ:
— Землю русским отдает,
Сам живет в худой землянке,
Оттого и беден род!
Там, где варится сурпа,
Собирается толпа...
Как ночной баксы с кобызом,
Ты поешь, и песнь тупа.
На тебя гляжу скорбя
И горюю тихо я.
Ты, как вылинявший филин,
Сделал бог таким тебя!
Как отважилась родня
За певца признать тебя?
Будь у нас такой бездомный,
Он бы выдохся, бродя!
Коль джигит ты — не беги,
Силу к схватке береги,
Размахнись смелее песней,
Чтобы вздрогнули враги,
И отвагой их вали!
Как задиристая баба,
Жар свой даром не пали!

Ой, Джамбул, не торопись,
Я пою, а ты дивись
И вперед не лезь на небо,
Очереди подожди!
Сожаленья не ищи,
Будешь битым — не взыщи!
Кто из нас с победой выйдет —
Спора соль в конце ищи!
Ненасытен в слове ты,
Вижу наготове ты —
До седых волос гогочешь,
В песне ж мне неравен ты.
Если в дом твой гость войдет —
Мышь крупинки не найдет,
Захудалого козленка
Нож для гостя не найдет!
Ты ж таким хвастливым стал,
В облаках бы все летал...
Ты б довольствовался лучше
Тем, что бог тебе послал.
По аулам ты юлишь,
На боку беспечно спишь,
Смолоду живешь бродягой,
Чем ты в жизни дорожишь?
Голый на земле лежишь,
Ни седла, ни бегунца,
Ни духовного отца!
Ты с душою беспокойной
Только бродишь без конца.

Все слова твои — зола,
Нет бесспорных, как скала,
У тебя есть только двери,
Нет почетного угла.
Чем ты будешь побеждать?
Нет, в борьбе меня не смять;
Я скала перед тобою,
И вершины не видать!
Жизнь твоя вся позади,
Возвращения не жди!
Не боишься ли, несчастный,
Смерть завидев впереди?
Я б добил тебя один,

Но боюсь твоих седин,
Ты сидишь такой горбатый,
Как пастух в кольце теснин.
Слушай, сгорбленный урод,
Как живет мой славный род:
Калибай,

Калдай

с Маманом.

Кто сочтет их тучный скот?
Не хватает им земли —
Перешли через Или.
Их стада необозримы,
Как степные ковыли.
Счастье светит над Калдой,
Будто солнце над водой;
Табуны неисчислимы,
И приплод у них двойной,
Шерсть с верблюдов не снимают.
Славен край богатый мой,
И воспеть его, пожалуй,
Слов не хватит, как ни пой!
Пересохла даже глотка,
И язык совсем сухой.
Если ты акын, попробуй
Так же край прославить свой.
Бедность я зову пороком —
Чем же ты богат, седой?

Д ж а м б у л

Так ли, парень, разве так?
Самолюбие Джамбула
Не заденешь ты спроста,
Я послушал хвастовство,
Ты услышишь мастерство!
Песня ввысь моя взлетает,
Будто море закипает,
И слова жемчужин ярче
На волнах своих качает.
Вышел я в словесный бой...
Я сверкну перед тобой
Грозной молнией в раскате,

Потеряешь разум свой
И забудешь про могилу,
Где отец схоронен твой.
Презирая мою бедность,
Разве побеждаешь ты?
Кроме ругани, мальчишка,
Слов других не знаешь ты!
Будто сам ты без изъяна,
Всех не уважаешь ты!
Не хвалился б ты скотом —
Счастье у людей не в том,
А хвалился б ты батыром,
Смело дравшимся с врагом.
У народа скот не в счет,
А батыр, что в бой идет, —
Вот краса и честь народа,
Сила, слава и почет.
В смелых подвигах батыра
Счастье черпает народ.
Песня вольная, взлетай!
Воспою я светлый край,
Где рождались батыры
С вольным кличем «Карасай!»
Шел на степь калмыцкий хан
С войском черным, как туман,
Кто его, как дым, развеял,
Кто прогнал через Каган?
Без оглядки хан бежал,
Меч в дороге потерял...

Кто ж прославил степь родную?
Кто народ свой отстоял?
Светлый дар тебе не дан,
Надо мной подняв коран,
Ты не знаешь кары бога,
Самохвальный мальчуган!
Сам себя лишь мучишь ты,
Старших не научишь ты,
Благодарность от народа —
Знаю — не получишь ты.
Мой батыр врагов сражал,
Их за Алатау гнал,
Свой народ и степь родную

В битве он оберегал
И на солнце он сверкал,
Как отточенный булатный,
Нержавеющий кинжал!
Кто, как он, в пылу огня
С гиком сядет на коня
И помчится в бой, отважный,
Тот мне — первая родня!
Он и славен и суров,
За народ на смерть готов.
Он, как яблоки, снимает
Головы с плечей врагов.
Много ли в родне твоей
Есть таких богатырей?
Если нет, не спорь со мной,
Битый клятвой лиходея!
Ты с трусливою душой
На айтыс пришел со мной.
Сморщенный, седобородый
И с плешивой головой,
Мать с отцом не почитаешь,
С детства глупый и тупой.
Ты бродячая сорока,
Облик мне противен твой.
Зла в себе собрал ты, бедный,
Больше самого себя.
Споров вел немало я,
Видел посильней тебя,
Ты ли победишь меня?
В руки я, Джамбул, беру
Звонколадную домбру,
Много ль ты найдешь шаиrow
В пару к моему костру?
Я — костер, горю в выси,
Буря слов — врага коси!
Ты, глупец, возьми хоть искру
И с собою унеси!
Суюмбаю я внимал,
На врагов он налетал,
Из души горячей вынув,
Свое слово, как кинжал.

...День и ночь я в споре был,

Не жалел кипучих сил,
Кулмамбет меня почтенный
В споре том не победил!
В Жалаире и в Тубеке
Славен песней я навеки,
Так никто не смел тягаться,
Зная силу в человеке!
И с того большого дня,
Как Джамбул сел на коня,
Остается он Джамбулом,
Честь высокую храня.
Я с народом вместе жил,
Честно я ему служил,
И народ меня за это
Осчастливил, полюбил.
Ты слюну напрасно льешь,
Криком много не возьмешь,
Я наставник твой, но вижу:
Ты меня не признаешь.
Коль в искусстве ты знаток,
Как же смел и как ты мог
Без почтительного слова
Приходить на мой порог?
Как мулла в народ с обманом,
Прикрываясь кораном,
С песней ложною идешь,
Ты, беснуясь, горлом драным
Лечишь наговором раны,
Ты с муллою этим схож.
На змею мулла похож!

Если ж силою богат,
Покажи ее стократ,
Засучив рукав повыше.
Ну, а я тебе — не сват.
Ты, как пигалица, хил,
Я же — сокол, полный сил,
Шел бы ты своей дорогой,
Говорить бы не спешил!
Силы ты не рассчитал,
От упорства бледен стал,
Ты б сынов Абака в помощь
При беде своей позвал!

Эхом горным соколиным
Голос мой передадут
Алатауские долины
В состязании акынов.
И в могучем этом пенье
Ты услышишь вдохновенье,
А моей, мулла лукавый,
Не увидишь даже тени!
Я взгляну — и ты дрожишь,
Весь от злобы ты кипишь,
Моего обидев деда,
Ты живьем в огне сгоришь!
Ты толково говори —
В пухлом слове пользы нет,
Лишь в отборном — ум и свет,
И о баях и о бедных
Ты мне ясный дай ответ.
Вот тогда народ узнает,
Кто побит, и кто поэт!

Клад народа — это я,
Речь народа — это я,
А меня ты нищим кличешь,
Ты клеветцешь на меня!
В смелом споре,
В смелой схватке
Размахнусь я, ложь разя,
И душа твоя худая
Мигом выйдет из тебя!

Не скотина ты — слепой,
Ты поешь за упокой,
Для покойников читаешь
Ты псалом отходный свой,
Откупные ты собираешь
За грехи с души живой.
Темный люд ты обираешь,

Шарлатан и вор святой.
Если бедный умирал,
Ты кряхтел, едва шагал,
А на похороны бая
Ты, как гончий пес, бежал.

Не дурак в расчетах ты,
День и ночь работал ты,
Пел коран над богатеем
До седьмого пота ты.
Сколько зла мулла несет,
На обмане он живет,
Лишь злодей муллу уважит,
А народ муллу клянет!

Д о с м а г а м б е т

Очередь пришла моя,
Выслушай, Джамбул, меня.
Знатный мой скакун Джамбул,
Шесть десятков проживя,
Как Дарья разлился ты
И угомонился ты!
Не вина, что я мулла
И тебя, Джамбул, без зла
Приобщил к познанию бога,
Разве в том беда была?
Мулл поносишь рьяно ты,
Не познал корана ты,
В том расквасишься, невежда,
Поздно или рано ты.
Скот мулла не зря берет,
Право бог на то дает,
Не мулла ли отправляет
В место райское народ?
Этот дар мне богом дан,
Не тарашь глаза, буян,
Ты ж у сатаны учился
Поносить святой коран!
Ты пропащий человек,
В порче слов проводишь век.
Говорю я снова: Знатен
Жалаир, почтенный бек.
Родом знатным я горжусь,
Слов возвышенных держусь,
Об Абаке и Тараке
Тоже что-нибудь скажу.
Род Дулата разберем:
Мы его не перечтем,

Муравейнику подобен,
А какая польза в нем?
И в Мерке их жизнь пуста,
И в Аулие-Ата,
И в Чимкенте вся их пища
Лишь бузою и густа.
Будто ветер злой занес
Их на каменный утес,
Все повыпеклись на солнце,
Все девицы без волос.
И от злости все дрожат.
С бозахарами дружат,
Ближний ближнего боится,
Ненавидит брата брат.
По ту сторону Мерке
Твои родичи в песке
Понастроили зимовок
И живут в глухой тоске.
Их богатство с давних пор —
Пять курчат на каждый двор.
А придет зима — и возят
По кусочку камень с гор,
На базаре продают
За пятак и очень рады,
Будто золото берут.
А теперь взгляни, Жаке:
С этой стороны Мерке
В хлеборобы записались,
Все у русских в кулаке.
Ты о прошлом говоришь,
Свою душу веселишь,
Хвастовство твое напрасно,
Если лучше поглядишь.
Прежних нет богатырей —
Спят в могильниках степей.
Боль-надежду не тревожь ты
И о прошлом петь не смей.

А теперь живется как?
Разрушая наш очаг,
Захватил родные земли,
Ополчась походом, враг.
Ты скажи, Джамбул-акын,

Есть ли у Абака сын,
Чтобы мог спасти народ твой
В тягостную из годин?
От тебя не отступлюсь,
Без испуга в схватку рвусь,
Обогнать себя не дам я,
Ты — скакун, я тоже мчусь!
Силу я в руках собрал,
Я мечом алмазным стал —
Нет такого, чтобы в схватке
Мой удар не убивал.
Дряхл ты и бестолков,
Задних нет уже зубов.
Укрепи свои суставы,
Ноги выпрями без слов,
Коль в айтысе ищешь славы
И награду взять готов.
Я на спор тебя не звал,
Ты приехал, сам напал;
Много видел я акынов,
Но такого не видал.
Ты, Джамбул мой, не кичись,
Песню петь не торопись,
Дочь свою продав калеке,
Ты в беду не попадись!
Беден, беден твой народ!
Рыба, что кладу я в рот,
Хуже ли того, кто тихо
Дочь за деньги отдает?
В скакуны ты не тянись,
Ты не первый, не гордись,
Сотни вас, зазнаек гордых,
Вы, как змеи, расползлись.
Чем ты славен, чем богат?
Продав девушку и рад,
Твой джигит один пригожий
Опозорил весь Дулат!

Алпыспай твой водку пьет,
В русском доме он живет,
Деревянный стол поставил
И сидит, свинину жрет.
Ты — Абака бегунец,
У Тарака я — певец,

Где же есть такой обычай?
Отвечай же наконец!
В Каскелене твой джигит
В кабаке весь день сидит,
Если водки он не выпьет,
Голова его болит.
Возглавляющий твой род
Рядом с городом живет,
Всех поборами он душит,
Плачет от него народ;
Покрывая долг начальству,
Свою землю продает.
Азраил твой отличился —
На родной сестре женился,
Тем неслыханным злодейством
Род Дулата возмутился.
Вот на том кончаю я,
Хватит этого с тебя,
Справедливость знает меру,
И границу знаю я.

Д ж а м б у л

Ты, беспутный Жалаир,
Если твой безгрешен мир,
Почему же любит водку
Кажакан, святой шаир?
Все святые, весь твой род
Кличут беды на народ.
Если муллы лезут в беки,
Степь покоя не найдет.
В сыновьях отцов богатых
Мечь запретная живет,
А муллу с душой нечистой
Сатаной народ зовет.
Кожакан был волостным,
В Мекку съездил — стал **святым**
Пьет бузу, лакает водку,
Как на это смотришь ты?
Стал хаджи, нашел почет,
Взятки сотнями берет,

Белоручка и бездельник
На чужой спине живет,
Грабит всех кого попало
И судьей себя зовет.
Разве будет люд счастлив,
Если вождь несправедлив?
Враг вломиться не посмеет,
Коль батыром сын рожден,
Если этот сын умеет
Постоять за честь племен!
Если ты в удаче плох,
Не поможет тебе бог,
Моей пыли не увидишь,
Хоть разбей суставы ног!
Торт-тулик имею я,
У тебя ж в сугум — свинья.
Разве так по шарияту?

Ты не знаешь — знаю я.
Копшыбая дед, Калдай,
Бай и первый скупердйай,
Воробья зерном обидел,
Вот и честь ему отдай!
Мог ли этот честно жить?
Скот не мог он различить,
Что запрещено в шарияте.
Слушай дальше... Ты молчишь?
В холе девушек растишь
До поры, пока заедет
В твой аул торговый ниш.
Он товар тебе дарит,
С дочками твоими спит,
Наслаждается мошенник
И в обратный путь спешит!
Ты, мулла, злодею сват,
Страсть свою насытив, рад,
Отведешь глаза народу,
Сам же канешь, будто в воду.
Вот, давай поговорим,
Что о ханстве мне известно,
Ничего не утаим!
Хан народ клещами сжал,
Разорил, обворовал,

Кровь и слезы льются густо,
Кто же хану помогал
Стать владыкою степей?
Посадил его злодей
С черной кровью, с черным сердцем,
И к нему с нуждой своей
Обратиться не посмей.
Если жалобу имеешь,
Не найдешь ответа ей!

Весь свой скот народ зарезал,
Коз, коров и лошадей,
Ненасытному в угоду,
Силой он его забрал,
Стариков заставил плакать,
Мольбам женщин не внимал.
Говорил он, змей поганый:
— Таково веленье хана!
Земли наши сузил он,
В Бухару собрался он.
А почтенные мужи
Шли к нему и, как ужи,
Называли алдияром...
Им ли честью дорожить?
Как стервятник, рвущий падаль,
Каждый в ноги ему падал,
Край свой бросили врагам,
Что еще бесчестным надо?
Чернокровный тот злодей
На спине сидел твоей,
И не смел ты даже пикнуть,
Боли высказать своей.
Хану был покорен ты.
В смелом честном споре ты
Свой народ не защитил,
Стал слугой при воре ты.
Что ж ты власть себе не взял?
Где святой твой пропадал?
Бий же ваш, Ескельды
В кабалу народ отдал.
Свой народ он не любил,
Он в крови его умыл,
Горем, голодом, слезами
Он аулы наделил!

Спорить ты со мной кончай,
Ты халат с конем спасай
И к себе, мой сват, скорее
Поздорову уезжай.
Балгалы — твой дед, и он
В Жалаире был рожден,
Может, ты его богатства
Нынче выставишь на кон?
Коль богат ты, старый плут,
Что же ходишь, ищешь тут?

Жалаира каргалинцы
«Битым клятвою» зовут.
Правда мне в словах мила,
Только вижу, ты, мулла,
Не живешь в согласье с правдой,
Полный желчи, полный зла.
Кто из сильных пожелает,
Чтоб отделившись от баев,
Стала сильной беднота?
Бай того не пожелает!
Ты не можешь ли сказать
Про Мамана и Кольбая?
Ты не прячь от них глаза,
Жалаир-Кушик мурза
О себе одном болеет,
Бедноту он не жалеет.
Чтоб Маман не наказал,
Перед ним он робко блеет,
Сильному противоречить
Сил щедушный не имеет...
Мы зовем клеветниками
Тех, кто знается с волками
И раздор в народе сеет.
Пристав, князь и волостной,
Бай, манап, судья с муллой
Целый свет заставят плакать,
Кто же есть у вас такой,
Чтобы вышел смелый в бой,
Чтобы мог отпором встретить?
Я, старик, прошу ответить,
Говори, болтун худой,
Называемый муллой!

Что же смотришь ты несмело?
Нет ответа, спесь заела?
Ну, тогда совет послушай:
Не в свое не суйся дело!
Посмотри, глаза раскрой,
Не сравнишься ты со мной,
Я пою — хозяин слова,
В споре честный и прямой,
И таким, как ты, акынам
Душу лечит голос мой!
Если песней разольюсь,
Половодьем я кажусь,
Если многого не знаешь,
Слушай дальше, я скажу!
Если голову бесчестишь,
От людей не будет чести,
И тебя не похоронят,
Будешь гнить с халатом вместе.

Если ты не ошалел,
Как народ ругать посмел?
Ну, а если не двуличный,
Почему для баев пел?

Хана хвалишь ты, а он
Жмет народ со всех сторон,
Вместе с баями своими!
Он ворует наших жен!
Ненавидимый в аулах,
Хан презренным окружен!

Ты же хана превознес,
Ты ему как верный пес.
У тебя, лукавый, взятки
Больше, чем твоих волос,
У тебя, разбойник старый,
Всех грехов не считаешь,
Ты себя не оправдаешь,
Ты лишь воздух отравляешь
И напрасно обе щеки
Ты от злости раздуваешь.
Не подумав, говоришь,
И с вопросами спешишь,

Лезешь спорить о героях,
А прижмут — и замолчишь.
Закипает мой народ,
Совещаться он идет,
В благородном этом гнев
Он не мужество ль берет?
Лишь герой народ спасает,
Местью он позор смывает,
А земли большую жажду
Бурный ливень утоляет,
Тучу грозную, густую
Только буря разгоняет.
Всех врагов народ побьет,
Солнце яркое взойдет.
В пламенеющем восходе
С Алатауских высот
Клич раздастся соколиный,
И алмазный меч сверкнет,
Степь родившегося сына
Карасаем назовет!

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ШАШУБАЕМ

Ш а ш у б а й

Остер и находчив акына язык,
Он песни слагать без задержки привык.
Здоровы ль батыры степей Джетысу,
По-прежнему ль, ты, Буланбай, светлолик?

Повсюду известен певец Шашубай.
Сердечный привет, как письмо, прочитай.
Я рад, что нам встретиться здесь привелось.
Здоровы ль батыры степей, Буланбай?

Сатим, мой батыр, ты меня узнаешь?
Ты лучше болысов и беков живешь,
Ты соколом от Ниязбека рожден,
Начало ты от Есенгула берешь.

А дед твой Жаныс не украсил ли род?
Его наградил уваженьем народ.
Нечасто бывает у вас Шашубай —
Певец у далекого взморья живет.

Как смерч на ветру; беспокойный я вьюсь.
Не сделано мной ничего, — признаюсь.
Я — Средней орды соловей. Горячусь,
В горячке находчивей я становлюсь.

Я вижу Абдана, пришел и Жайнак
Сатим величавый пришел и Абак.
От них в восхождении я, Шашубай;
И песня для них начинается так:

Из Средней орды переход мой немал,
В пути восемнадцатидневном шагал,
Добрался едва. Песню сложил в пути
И лучших людей Джетысу увидал.

На долгие здравствовать вам времена,
В байге не догнать моего скакуна.
Мы весело время проводим. Душа
И былью и небылью восхищена.

Базару вечернему скоро конец,
Но разве в азарте замолкнет певец?
Края мои — Каркаралы, Акмола,
На песни о них Шашубай не скупец.

Стремительно мчусь я в песне своей,
И здесь среди вас повстречал я друзей.
Я — резвый скакун, обгонявший толпу,
В кругу вашем тесном один из гостей.

И все нипочем, если он на скаку,
Горячему рыжему аргамаку.
Я сладость в скитаниях дальних вкусил,
Как смерч я взвиваюсь, на слово не скуп.

Меня Шашубаем зовут, и на той
По прихоти судеб я прибыл с домброй.

Здесь дух моих предков издревле живет,
Народ Семиречья здоров ли, родной?

В здоровье ли славный джигит Сарижан?
И ты, мой почтенный батыр Самасан?
На льду аргамак без подковы скользит,
Я песней подкован, и голос мне дан!

Голодный, гонимый ваш род не сдает,
Как щука, он против течения плывет.
Вам ведомо много о разных краях...
Здоровы ль Манке, Алпыспай? Им почет.

Меня попросили — и заговорил,
Бог песенным даром меня наделил.
Устроил нам дружеский пир Буланбай,
Он лучших сынов Алматы пригласил.

Знайте же имя мое — Шашубай,
В ауле я нищий, а в песне, как бай.
Вся Средняя сотня просит меня:
«Нам песню веселья скорее давай».

На пули бросался батыр Суранши,
А я не жалею для песен души.
Скажи, Буланбай, не найдется ль акын,
Чтоб в песне со мной состязаться решил?

Джамбула какого-то хвалите вы,
Запятав его, не печалитесь вы?
Коль ты не доставишь его, Буланбай,
То честь Семиречья запятнаете вы...

Э, Средняя сотня Большой не чета —
Ведь сотня Большая травой лишь сыта.
А Средняя сотня трехдневный кумыс
В богатых своих попивает местах.

Э, Средняя сотня богата, сильна,
Призы на байге — для ее скакуна.
Для всех самоваров наваристый чай
Везет из Ирбита тюками она.

У сотни Большой и скакун на беду
Короткохвост и не скор на ходу.
На кашу густую, известно давно,
Обиделась сотня Большая, к стыду.

Э, Средняя сотня и в славе сильней:
Есть четверо знатных ее сыновей.
Они друг от друга, считай-ка, народ,
На расстоянии десяти дней.

Я Среднюю сотню с Большой не сравню,
Скакун из народа — я всех обгоню.
Повсюду несет Шашубай-соловей
Непобедимую песню свою.

Гонца за Джамбулом пошли, Байбулан,
Подкованный и быстроногий кулан
Достоин, чтоб в улицах тесных ему
Промчатся. Зовите и его на котан.

Я Среднюю сотню в словах вознесу.
Вы, люди чиновные из Джетысу,
Теряться зачем? Коль Джамбул ваш — акын,
Пусть явится он, пусть домбру принесет.

Как Сейтбаталла в храброй схватке с Али,
Мы скрестим в айтысе напевы свои,
А в песнях нам много есть что рассказать.
Скорей, Байбулан, ты Джамбула зови.

Буланбай посылает за Джамбулом. Акын приезжает.
Гости на пиру у бая хмельны от выпитой водки. Шашубай также разгорячен вином. Увидев Джамбула, он поет:

Поет Шашубай, не боясь никогда,
Он сборищ подобных немало видал,
Но кто это там с деревяшкой в руках.
Подогнанный мукой, явился сюда?

Один из присутствующих на пиру отвечает Шашубаю:
«Вот это и есть тот самый Джамбул, которого ты приглашал». Шашубай обрушивается на Джамбула следующей песней:

Хребты Алатау достают облака,
Они величавы, и степь широка.
Несчастный, придавлен ты днем роковым,
Один Шашубай запекает пока.

Здоров ли, Джамбул? В Семиречье живешь,
Ты мастером песен не с детства ль слывешь?
Молчишь, будто чем-то придавленный ты?!
Чтоб бог тебя взял, видно, этого ждешь?

Я, водкою разгоряченный, готов
Нанизывать жемчуг сверкающих слов.
А ты овдовевшей подобен жене,
Язык развяжи, если в песне толков.

Мне ль Среднею сотней не дорожить?
Привыкли в ней родичи беками жить.
О-ей, Шашубай, ты силу свою
К седлу поскорей, как халат, привяжи.

Известно мне все, моя кровь горяча,
Как сокол, блистаю я в смелых речах.
А здесь превозносят, я знаю, тебя,
Пригодного на мышей лишь сыча.

На севере славил родню я свою,
У вас, в Джетысу, я о ханах пою.
Рассердишься, небо возьми опрокинь,
Коль можешь, на голову ты мою.

Мой светик, Джамбул, Шашубая узнал?
Асая-Мусая я палкою стал.
Пока Турлыбек с Барлыбеком живут,
Не страшен мне, вольному, и генерал.

Я песней подкован на славу. Я рад.
Слова моих песен несутся впопад.
Курносы твои Байбатша и Манке,
А Сами, мне кажется, подслеповат.

Сошлись же такие на той из низин!
Смотреть на вас страшно. С изъязном один,

Другой плохоносый, а третий слепой.
И где вы набрали таких образин!

Д ж а м б у л

Ты бродяга, не акын,
На вершину из вершин
Вознамерился взобраться
Вспетушившийся Аргын.

Трепку я тебе задам,
По рукам и по ногам
Я свяжу тебя, дурного,
И вздохнуть тебе не дам.

У народа я — скакун,
Ты ж — бродяга и хвастун,
Бесприютный, босоногий,
Как сорока на кусту.

Задыхаясь, брел ко мне
Ты в дырявом чапане.
Как бы палка не прошлася
По худой твоей спине!

Стрелы смерти всюду злы,
Не спасет и щит скалы.
Беспощаден он и грозен
Заостренный клюв стрелы.

Благоденствует мой край,
Ты его не задирай,
Ты провалишься с позором,
Недостойный Шашубай.

Ш а ш у б а й

Аргына не трогай, он старший твой брат.
Дорогу тебе проложил он стократ.
Землей бы засыпал я глотку твою
За то, что ты в песнях Аргыну не рад.

Слова мои льются смелы и остры,
У беков моих — золотые шатры!

Себя восхваляя, ты не горячись,
С оглядкою пой ты, Джамбул, до поры.

За словом, батыр, ты позорче следи,
Посмотрим, кто в песне из нас победит!
Свое состязание мы завершим,
Посмотрим, чей будет скакун впереди.

Неплохо живет в наши дни Буланбай,
Ест жирное мясо, пьет с сахаром чай.
Чиновный Бакия, Барлибек, Турлибек
С ним вместе. Богатства их хоть отбавляй...

Мечты Семиречья сбылись давно:
Над сотней Большой баи властны давно,
Над вами они, управляя, сидят,
Сияние славных повсюду видно.

Находит для песни слова Шашубай,
На них ты, мой милый, скорей отвечай.
Богатства степные мои велики,
Ты легок, Джамбул, словно выпитый чай.

Живу я в далекой родной Акмоле,
Искусством на много прославился лет,
И мне недоноском не быть в Джетысу —
Я вихрями песен лечу по земле.

Богач твой нашелся ль? Его покажи,
Сравнится ли он с Буланбаем, скажи?
Джамбул, ты задорист, но песня твоя
За песней моей спотыкаясь бежит!

Я бег твой напористый остановлю,
Я золото с уст в состязании лью.
А ты овдовевшей подобен жене,
Я глотку тебе, как птенцу, придавлю.

Д ж а м б у л

Пусть Джамбул заговорит,
Он, как ветер, загудит.
Кто в горячке зазнается,
Никогда не победит.

Как бы глотку ты ни рвал,
Сам себя ни восхвалял, —
Для тебя, батыр, я всюду
Недоступный перевал.

Мои песни горячи,
Золотые в них лучи,
Я подобен океану:
Слушай песни и молчи!

Я, как Волга, как Яик,
Дар мой песенный велик.
Кораблю, что режет волны,
Он подобен, мой язык.

Пусть народ расценит нас,
По заслугам пусть воздаст
Он хвалу тому акыну,
Чей мудрее будет сказ.

В лучших людях Джетысу
Вижу я степей красу.
Вот они сидят со мною,
Их я в песнях вознесу.

Ты напрасно, милый мой,
На айтыс дерзнул со мной,
Подыскал бы ты скорее
Лучше равного с собой!

Будет песней славен той,
Песней смелой и большой,
Я, как молния, ударю
И хребет сломаю твой.

Кабанбай меня слышал,
Богемай меня слышал,
На айтысах смелой песней
Я им ходу не давал.

Я в Большой орде один
Карасая вольный сын.
Карасай — мой клич и знамя
Семиреченских долин!

Я повсюду знаменит,
Я ковер, что степью сшит
Из живых цветов и песен.
Мой язык, как меч, разит.

Я, как буря, налечу,
Руки я тебе скручу
И, не дав шагнуть зазнайке,
При народе проучу.

Я — источник вольных слов.
Реку ты к гнезду орлов
Не протягивай, вспяенный
Хмелем байских турсуков.

Буланбая славишь ты,
Много зла оставишь ты.
Бейбулана, как я вижу,
Хорошо не знаешь ты.

Он приехал к нам босой,
Хромоногий и косой,
Он на пегой серой кляче
Хитрой выглядел лисой.

Он приехал на Тастак,
Снял оборванный тымак
И на пустоши построил
Он лачужку кое-как.

Сладость он у нас вкусил,
Года три у нас он жил.
К нам нужда его загнала,
Знаешь, кем он раньше был?

Он повсюду с давних пор
Слыл как самый первый вор.
К нам приехал и в лачуге
Наточил он свой топор.

Шкуры крал, потом сбывал,
Нас он всех обворовал,
И завел свое богатство
Возгордившийся шакал.

Не хвались ты, Шашубай,
Старый вор твой Буланбай.
Ты следи за словом в песне,
Вора ты не прославляй!

Шашубай, опомнись, друг.
Есть примета, милый друг,
Что к недугу темный знахарь
Прибавляет свой недуг!

Ты из кожи лезешь вон,
Ты в чиновников влюблен.
К Бакии и Барлибеку
Ты приходишь на поклон.

О несчастный! Навсегда
Ты сгоришь в огне стыда.
Не тебя ль шакалы эти
Всюду грабили всегда!

УТЕГЕН-БАТЫР

Вольно, просторно, вдохновенно,
Как арык играет пеной,
Я, Джамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.

Я не сам ее слагаю,
Где я взял ее — не знаю.
Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.

В криках дикого оленя,
В соловьином нежном пенье,
В гордом клекоте орлином
Я слышал об Утегене.

В плеске волн и в шумной пене,
В тихих шелестах растений,
У зари, у звезд падучих
Я узнал об Утегене.

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жырши и от акынов.

Век за веком шли бессменно,
Но хранила Утегена
Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,
Но к народному преданью
Я ни слова не добавлю.

Не лукавя, буду петь я,
Чтобы встал в правдивом свете
Этот образ величавый,
Пронесенный сквозь столетья.

Утеген родился летом,
Теплой ночью пред рассветом,
В Джетысу, в роду Дулата
И в семействе Сырымбета.

Ветры теплыми ночами
Колыбель его качали.
Два крутых, упрямых рога
Ясный лоб его венчали.

С детства счастье с ним дружило.
Говорили старожилы,
Что рога его крутые —
Верный знак батырской силы.

Светлый ум и жар стремлений
Покоряли в Утегене,

Статный, гордый и красивый,
Был похож он на оленя.

Развились в батыре рано
Ловкость барса, слух джейрана,
Зренье беркута и сила
Непокорного арыстана.

Был он первым среди сотен
На байге и на охоте,
А в кругу друзей на тое
Весел, прост и беззаботен.

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Джетысу, земля казахов,
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.

Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.

Сабли острые свистели,
Кони ржали, стрелы пели.
К свежим трупам после сечи
С криком коршуны летели.

В восемнадцатом столетье
Степь постигло лихолетье:
Белый царь грозил походом,
Кандалы суля и плети.

Над кочевьями, как птицы,
Вились крыльями зарницы.
И в зловещих предсказаниях
Быль сплеталась с небылицей.

Стоны плыли над степями,
Над джайляу, над горами:
«Джетысу к царю отходит.
Горе нам! Что будет с нами?»

В Утегене зазвучали:
Струны гнева и печали,
Но в огне беды народной
Воля стала тверже стали.

То, о чем не знали люди,
Утеген, бывало, судит —
Он имел в себе чудесный
Дар предвидеть то, что будет.

Он предвидел: царь с ордою
Кровь в степях прольет рекою,
И народ родной застонет
Под тяжелою пятою.

Ханы, хитростью богаты,
Предадут народ за плату —
За кокарды, за медали,
За парчовые халаты.

Страху он не предавался,
Только силы набирался
И в далекие походы
Терпеливо собирался.

И когда закончил сборы,
Засверкал орлиным взором,
Как батыр, повел с народом
Он такие разговоры:

«Мой обьятый тревогой народ,
Белый царь собирает поход,
В Джетысу его войско придет
И казахов в бою разобьет.

Кровь джигитов он хищно прольет,
Жен и девушек в плен уведет,
Скот угонит и землю возьмет,
Оттеснит тебя, бедный народ,

В глубь страны, где трава не растёт,
Где лишь солнце с бескрайних высот
Беспощадно и гневно печёт,
Где вода и весной не течёт,

Где лишь огненный ветер плывёт
И песок по барханам ползёт,
Где мираж над песками цветёт,
Обещая журчание вод.

Кто же к призрачным водам пойдёт —
Тот могилу в пустыне найдёт.
Мое сердце тревога берёт —
Неизбежен царя к нам приход.

Кто из вас в себе силы найдёт
Разорвать паутину дремот?
Кто коней в табунах отберёт
И пойдёт с Утегеном в поход?

Утегена не слава влечёт
И не кровью добытый почёт —
Утеген целый свет обойдёт,
Но удобные земли найдёт,

Где вода ключевая течёт,
Где трава, зацветая, растёт,
Где невиданный даст приплод
Потучневший на пастбищах скот,

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилье и гнет
И заветное счастье найдёт
Мой любимый казахский народ».

Смолк батыр, зовущий к славе,
На конце седло поправил.
Речью жаркою он многих
Призадуматься заставил.

Речь держал он не напрасно,
Призывая в путь опасный.

Вышли пятьдесят джигитов
И сказали: «Мы согласны».

Сразу смолкли разговоры,
Сникли ссоры, стихли споры,
Зазвучали причитанья
Начались в кибитках сборы.

Утеген для нужд похода
Взял с собою много меда,
Чая, риса, белой соли,
Чтоб хватило на два года.

Взял табун коней ретивых,
Тонконогих, длинногривых,
Как джигиты, огнеглазых,
И, как девушки, красивых.

Звонко цокнули копыта —
Начал путь батыр со свитой,
Воздух подвигов вдохнули
Утеген и с ним джигиты.

Пылью путников встречая,
Шла дорога в царство чая,
На восток, где солнце всходит,
В ~~земли~~ желтого Китая.

Ехали, как едут в Мекку,
Через горы, через реки.
Наконец предстал их взорам
Золотой от солнца Пекин.

Там, как пышные павлины,
Восседали мандарины.
На полях под жарким солнцем
Земледельцы гнули спины.

И земли там мало было,
А людей так много было,
Что в глазах у Утегена
С непривычки зарябило.

Там народ, терпя невзгоды,
Вел борьбу за рис и воду.
Места не было в Китае
Для казахского народа.

Хоть джигиты утомились,
Пылью серою покрылись,
Не найдя земли заветной,
Все ж в обратный путь пустились.

Степи, горы, перевалы,
Свет от звезд да тень от тала.
В Утегене и джигитах
Сила воли не упала.

Путь они держали долго...
Наконец, в долине волглой
Запылал большим пожаром
Широко закат над Волгой.

Вот отсюда в путь разбоя
Белый царь пойдет с ордою,
Чтоб казахские кочевья
Сделать вечною тюрьмою.

Жаден царь, свиреп и страшен,
Табуны угонит наши,
Уведет с собой в неволю
Стройных девушек-казашек.

«Дальше, дальше!» — крикнул страстно
Утеген, и окрик властный
Послужил для всех сигналом
Продолжать поход опасный.

Снова горы-перевалы,
Ветер горький, одичалый.
Где кибитка Утегена
В эти дни не побывала!

Утеген бродил по свету
В стужу зим и знойным летом,
Как Коркут, домбрист чудесный,
В песнях родины воспетый.

Розоватой росной ранью
Гасло в небе звезд сиянье.

В земли бедные хазаров
Привело его скитанье.

Увидал вожак похода:
Тоши травы, ржавы воды...
Нет и здесь земель привольных
Для казахского народа.

Накормив коней досыта,
Наварив побольше жита,
Утеген неутомимый
К Актюбе повел джигитов.

Кони тронулись, гарцуя.
Словно жар, горела сбруя,
И отточенные сабли
Засияли, словно струи.

Степи, балки, перевалы...
Дальний крик гусей усталых...
Как серебряные слитки,
Актюба им засверкала.

И тогда косем упорный,
От дорожной пыли черный,
Приказал разбить кибитки
У реки в степи просторной.

Сел косем. Река бежала,
Степь прохладой дышала.
И кумыс струей душистой
Лился, горло освежая.

Утеген молчал. Как птицы,
Мысли легкой вереницей
Отгоняли сон и дрему,
Трепетали, как зарницы.

«Я жену оставил дома,
И, пространствами влекомый,
Как Коркут, в степях скитаюсь
В блеске молний, в гулах грома.

Но народ родной люблю я,
Землю для него найду я,
И земля удобной будет,
Как коню седло и сбруя».

Так он думал, и молчали
Степи, полные печали.
Под шатром ночного неба,
Утомясь, джигиты спали.

Месяц строен был и тонок,
Как красивый жеребенок.
Он по звездному джайляу
Набирался сил для гонок.

Тишина весь мир обвила,
И, казалось, слышно было,
Как звезда с другой звездой
Тихо в небе говорила.

Вдруг все травы зашумели,
Кони жарко захрапели,
И джигиты, просыпаясь,
Поднялись с своих постелей.

И почувствовали сразу,
Как глетворную заразу,
Душный, чадный запах гнили,
Не дающий видеть глазу.

Запах едкий и смердящий,
Словно дым кошмы горящей,
Слезы вызвал у джигитов.
В темном ужасе дрожащих.

Тяжело дышать им стало,
Сердце каждого шептало:
«Ойбай-яй! На чужбине
Смерть меня подстерегала».

Все джигиты вокруг косема
Собрались, от страха немые,

И один джигит промолвил:
«В эту ночь погибнем все мы».

Утеген, стрелок отличный,
К бедам с юности привычный,
Не дрожал, не волновался,
Вид имел совсем обычный.

Как батыр, прошедший войны,
Уважения достойный,
Утеген сказал джигитам
Тоном ровным и спокойным:

«Клубы гнилостного пара —
Это запах айдахара,
Но чудовище, должно быть,
Не затеет с нами свары.

Айдахар пришел к нам сытым,
Где-нибудь поодаль спит он.
Подождем. А страх впустую
Непристойен для джигита!

Будь он зол — давно напал бы,
Растрезал и всех сожрал бы,
Как пылинка пред горою.
Пред чудовищем мы слабы.

Если ж нас он не тревожит,
Значит, можем мы спокойно
Отдыхать под синим небом,
Положив на землю войлок.

Задымит восток пожаром,
Мы увидим айдахара,
Я его повадки знаю,
Он пришел сюда недаром».

Безотчетный темный ужас
Поселил в джигитах стужу,
Утро ясное им стало
Черной, страшной ночи хуже.

Трясь коней смертельный ужас,
Круг сжимался уже, уже,
И моча коней дымилась
Кровяной багровой лужей.

Утеген, батыр казахов,
Без сомнения и страха,
Даже брови не нахмурил,
Сел в седло свое с размаху.

С видом гордого батыра,
Кто хранит желанья мира,
Он подъехал к айдахару,
Как таксыр в аул к таксыру.

Осадил батыр тулпара,
Грозен вид у айдахара.
Он дышал, и жаркий ветер
Из ноздрей клубился паром.

Вид горы большой имело,
Было влажно и блестело,
Вздыбленной сто раз волною
Громоздилось его тело.

Он пестрел, лучом пригретый,
Шерстью всех цветов одетый.
Два стеклянных мертвых глаза
Зеленели тусклым светом.

Приготовившись к удару,
Глаз рукой закрыв тулпару,
Утеген сказал спокойно,
Обращаясь к айдахару:

«Эй, чудовище, мощен твой род!
Ты лежишь, подперев небосвод.
В твой разъятый дымящийся рот
Весь табун лошадиный уйдет.

Твой тяжелый медлительный ход
Степь от края до края трясет.

Почему ты закрыл нам проход,
Не пускаешь джигитов вперед?

Я — батыр Утеген. Мой народ
В Жетысу изумрудном живет.
Я пустился в далекий поход,
Как орел в поднебесный полет.

Меня знойное солнце печет,
Меня дождь беспощадно сечет,
Суховой меня пламенем жжет
И песком набивает мне рот.

Я брожу не один уже год
Средь степей, диких гор и болот,
И где желтого солнца восход,
И где красного солнца заход.

Я ищу не один уже год
Край, где жизнь без насилья цветет,
Где родной мой казахский народ
Землю, воду и счастье найдет.

Ведь печаль в твоём сердце живет,
Как во мне. Дай свободный проход.
Новый путь меня властно влечет,
И народ моих подвигов ждёт...»

Приоткрыв глаза и уши,
Айдахар батыра слушал,
Развалясь цветисто-пестрой,
Как гора, огромной тушей.

Он одобрил в Утегене
Смелость, ум и жар стремлений
И, собрав все тело в складки,
Дал дорогу в две сажени.

Солнцем радости облиты,
Поскакали в путь джигиты,
Страх и горе темной ночи
Были сразу позабыты.

Но шесть верст не проскакали,
Словно вкопанные встали —
Снова прямо пред собою
Айдахара увидали.

Утеген, грозы суровой,
Меч для битвы приготовил
И к чудовищу подъехал,
Смоляные хмурия брови.

А чудовище лежало,
Воздух свистом оглашало,
По земле хвостищем било
Так, что степь под ним дрожала.

Брызжась яростно и гневно
Ядовитой теплой пеной,
Айдахар стремился в горы,
Увлекая Утегена.

Утеген с надежной свитой
Из пяти своих джигитов
В горы синие поехал
За чудовищем сердитым.

Перед их спокойным взглядом
Встали дикие громады.
С гор спадали в блеске радуг
Два кипящих водопада.

А в седых горах открылся
Вход в пещеру. Пар клубился.
Айдахар перед пещерой,
Задрожав, остановился.

Утеген подъехал ближе
К валунам, что пена лижет,
И, блеснув ружьем на солнце,
Поддал знак: «Входи! Входи же!»

Айдахар вошел и воем
Известил начало боя.
Шум и свист, и хруст, и скрежет
Стали слышны под землею.

Утеген был наготове —
Смел, могуч и хладнокровен.
Бой затих. На воздух вышел
Айдахар, залитый кровью.

После этой страшной сечи
Айдахар боялся встречи,
Но батыр тут обратился
К айдахару с тихой речью:

«Смой водою крови пятна
И скорей ступай обратно.
Выгоняй врага смелее —
Я готов на подвиг ратный».

Айдахар ушел. И снова
Вой и скрежет с силой новой
Раздались, и из пещеры
Кровь пошла рекой багровой.

Появились в клубах пара
Два свирепых айдахара,
Нанося друг другу в гнев
Беспощадные удары.

Был один из них моложе —
Белоклыкий, пестрокожий,
Он хотел отбить пещеру
Ту, где старый юность прожил.

Бил он старого клыками,
Злобно рвал его когтями,
Старый, кровью истекая,
Утегена звал глазами...

Утеген, следя, как старый
Получает в грудь удары.
Выстрелил, пуская пулю
В молодого айдахара.

Пуля лоб ему пробила,
Сразу наземь повалила.
Эта ловкость Утегена
Всех джигитов восхитила.

Айдахар, что жив остался,
В водопаде поплескался
И, водой омывши раны,
Провожать гостей собрался.

По отрогам и камням
Он повел их с уваженьем,
Воздавая Утегену
Славу, честь и восхищенье.

Шли они дорогой ровной,
Степью знойной и огромной,
И увидели под вечер
Хвойный лес, густой и темный.

Айдахар тут встрепенулся,
В горы синие вернулся,
На батыра и джигитов
Не взглянул, не обернулся.

Лесом шла тихонько осень.
Тих был вечер, хмур и росен.
Утеген-батыр заметил
Белый дом средь стройных сосен.

С темным страхом незнакомым
Утеген подъехал к дому
И услышал тихий голос,
Словно дальний рокот грома.

«Ты ли это, герой Утеген,
В хвойной чаще у каменных стен?
Ты ли это, кто тысячный день
В мире странствуешь, словно олень?»

Отчего потерял ты покой?
Почему ты не едешь домой?
И везде, кроме сизой воды,
Ты свои оставляешь следы?

Пусть джигиты тебя подождут
Под сосновый размеренный гуд,

Если смелое сердце в груди —
Слезь с коня ты и в дом заходи».

Слез с коня батыр бесстрашный,
В белый дом вошел отважно,
Там его радушно встретил
Гаип-ерен седой и важный.

Были в этом доме стены
Белоснежной пышной пены.
Утеген с поклоном низким
Обратился к Гаип-ерену:

«Слушай исповедь сердца, отец,
Сединой убеленный мудрец:
Преодо мною дорог миллион,
А в дороге и я утомлен.

Да, ты прав — потерял я покой,
Нет пути мне обратно домой.
Нет мне в мире иного пути:
Иль погибнуть, иль землю найти.

Я в родные края — в Джетысу,
На коне своем весть принесу,
Весть о новых цветущих краях,
Где найдет свое счастье казах.

Муравей, жук, кузнечик — и те
О своем помышляют гнезде.
Даже серенький воробей
Ищет лучшего места себе.

Цапля ищет зеленых болот,
Рыба в синие глубины плывет,
Как же лучшего мне не желать,
Для народа земли не искать?

Я, как странник, по свету брожу,
Ни здоровья, ни сил не щажу,
Горе, боль, даже смерти приход —
Все приму за родной мой народ...»

И ответил ему Гаип-ерен:
«Честь и слава тебе, Утеген!
Ты, как беркут, могуч и удал,
Быстроног, как алтайский марал.

Тебя ждут по дороге бои,
Ты послушай советы мои:
По ночам не являйся ты в дом,
Приезжай обязательно днем.

Будь в работе, в боях и в беде
Хладнокровным всегда и везде.
Удержи, если гневен собой,
Руку правую левой рукой».

Утеген пред ним склонился,
По-сыновнему простился,
Старику сказал спасибо
И в обратный путь пустился.

Снова степи, перевалы,
Ветер горький, теплый, шалый,
Черно-бурое предгорье
Перед ними поднималось.

И по ветру над предгорьем
Лился, плакал на просторе —
Не людской и не звериный —
Дикий голос, полный горя.

Утеген сказал джигитам:
«Слышен голос страшных пыток.
Я один во тьму поеду
И узнаю, что там скрыто.

Если враг — убью на месте,
Если друг — вернемся вместе,
В темноте на крик ответить —
Это долг батырской чести».

Взяв ружье и саблю в руки,
Утеген пошел на звуки
И увидел айдахара,
Что стонал от страшной муки.

Он изранен был поганым
Белым змеем — акжиланом,
Что стрелой в него вонзился,
Углубляя к сердцу рану.

Если сердце змей достанет —
Сердце биться перестанет.
Айдахара, чудо-зверя,
На земле тогда не станет.

Утеген подумал быстро:
«Если зверя сгубит выстрел,
Белый зверь тогда метнется
На меня, подобно искре.

Если ж выстрел сгубит змея,
Белошкурого злодея —
Айдахар освобожденный
Благородным быть сумеет».

Грянул выстрел. С дикой силой
Эхо грохот повторило.
У злодея-акжилана
Пуля голову пробила.

Утеген-батыр вернулся
И джигитам улыбнулся.
Стали спрашивать джигиты:
«С кем же ты, батыр, столкнулся?»

Отвечал батыр им с жаром:
«Я во мрак ходил недаром,
Погубил я акжилана,
Спас от смерти айдахара.

Спите мирно. Ночь в разгаре.
Я уверен в айдахаре —
Чудо-зверь до смерти будет
За спасенье благодарен.

Если ж воздух будет жарок
От дыханья айдахара —
Не тревожьтесь. Это значит —
Он принес нам свой подарок.

Благородно сердце в звере.
Впрочем, мы его проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В степь мы дерево положим,
Что с джигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
Тихо в травах притаились
И, огня не зажигая,
Ожиданием томились.

Ночь. Возня мышей летучих,
Тихий шорох змей ползучих.
Ни одной звезды не видно,
И луна в косматых тучах.

Показались клубы пара —
Верный признак айдахара.
Затревожились джигиты:
Смерть несет он? Иль подарок?

Утеген, могучий, стройный,
Как батыр, прошедший войны,
Не дрожал, не волновался,
Ожидал зари спокойно.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Человек-бревно был виден
Все на том же самом месте.

Подошли к нему джигиты.
В изголовье были скрыты
Голова змеи и с нею
Золотой тяжелый слиток.

Светлый слиток подняв золотой,
По размерам, как чайник большой,

Утеген им сказал: «Этот дар
Благодарный принес айдахар.

Если мы совершаем добро,—
Шлют нам золото и серебро.
Если ж зло совершаем,— тогда
Ожидает нас зло и беда.

Надо быть справедливым всегда —
Не страшно тогда будет беда.
Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.

Всем, кто трудится, жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет.
Им везде уважение всех,
А лентяям — презренье и смех».

Перевалы, перевалы,
Горный кряж гнедой и чалый...
Утеген повел джигитов
По дороге к Кент-Аралу.

В Кент-Арале пастбищ мало.
Через камни Тас-Арала
Утеген повел джигитов
По пустыням Кун-Арала.

Сквозь пески и волны зноя
Он дорогою прямою
Вел их к водам в царство цапли,
В синий край Бирказантоя.

В глубине большой долины
Встали сосны-исполины.
Лес густой, нахмутив брови,
Пел старинные былины.

Быстро сумерки сгустились,
Травы росами умылись.
Утеген и с ним джигиты
На ночлег остановились.

Лес в дремоту погрузился,
Над костром дымок струился,
Казаны дышали жаром,
В них баран в сурпе варился.

Вдруг из тьмы лесной и черной
Подошли к костру проворно
Две красавицы, чудесней,
Чем рассвет степной и горный.

Щеки их зарей пылали,
Звездами глаза сияли.
Их прекрасные одежды,
Как жемчужины, мерцали.

Было много нежной лени
В обольстительных движеньях,
И журчали голоса их,
Как ручьи среди каменьев.

У костра они сидели,
На джигитов не глядели,
А джигиты от красавиц
Отвести глаза не смели.

Хлебосолен и радушен,
Предложил батыр им ужин,
Но красавицы сказали:
«Жирный ваш баран не нужен!»

Золотилось мясо в сале,
Все джигиты мяса взяли,
А красавицы с насмешкой
За едою наблюдали.

Вот джигиту кость попалась,
А красотка засмеялась:
«Почему живую костью
Неживая кость ломалась?»

О траву он вытер сало,
А красавица напала:

«Почему джигит неумный
Вытирает сало салом?»

Посмеялись и в мгновенье
Скрылись, словно сновиденье,
Лишь манили, удаляясь,
Звоном струн телодвиженья.

И когда затихли в мраке
Шелест, шепот, шорох всякий,
Утеген сказал джигитам:
«Это были жез-тырнаки,

Племя их порой ночью
Манит светлой красотой
И алмазными когтями
Жадно губит все живое.

Жизнь идет у них ночами,
Рвут сердца они когтями
Когти их острее булата,
Тронут — прахом станет камень.

Мы беседуем. Однако
Их глаза горят из мрака:
Будьте бдительны. Настала
Ночь охоты жез-тырнаков.

Жез-тырнаки злее зверя,
Мы коварность их проверим,
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В лес мы дерево положим,
Что с джигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
На деревьях притаились...
В темноте, держась за ветки,
Ожиданием томились.

Ночь. В дупле пищат совы,
Серый волк бредет куда-то.
Звезд не видно. Бледный месяц
В тучах рваных и косматых.

Утеген, укрытый тьмою,
Дождался под сосною,
Он ружье свое проверил,
Был готов к ночному бою.

Вот в густом зловещем мраке
Свет взметнулся, словно факел.
Выстрел грохнул. Снова выстрел —
Так погибли жез-тырнаки.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Ни седла и ни халата,
Больше не было на месте.

И бревно, и ткань халата,
И седла наряд богатый
Под когтями жез-тырнаков
Стали пылью сероватой.

Утеген собрал джигитов,
Снова вспомнив про Коркута,
В путь пустился. Жез-тырнаки
Скоро были позабыты.

Степи, реки, перевалы,
Лес и горные увалы...
Море темной синевою
Перед ними засверкало.

Ветер мчался на просторе,
Волны бились, с ветром споря,
Пена хлопьями взбивалась,
Бушевало гневом море.

Сорок суток, ветра полных,
Бились яростные волны,
Утеген, смотря на море,
Ехал строгий и безмолвный.

А за морем сквозь туманы
Встали желтые барханы,

Синий зной висел проклятьем
Над пустыней бездыханной.

В этом мертвом царстве каждый
Был не больше, чем однажды.
В тишине, в песках горячих
Находил он смерть и жажду.

Там стоял, как нар горбатый,
Город, вымерший когда-то,
Серый, выветренный, страшный,
Как скелет, песками сжатый.

Там пески ползли и пели
Чуть заметно, еле-еле,
На песках верблюжьих кости
Ослепительно белели.

От колодца до колодца
Сгубишь десять иноходцев.
Месяц мчишь там и не встретишь
Ни реки и ни болотца.

Утеген, песком овитый,
Сорок суток вел джигитов
Сквозь безводные пустыни
И поил их всех досыта.

За песками в сизых тучах
Встал пред ними лес дремучий,
Мрачный и непроходимый,
Многошумный и певучий.

Сосны, ясени и клены,
Черный дуб, чинар зеленый
Пред джигитами стояли,
Словно войско, непреклонно.

Сорок суток через чащи,
Через лес, листвою шумящий,
Утеген с отрядом ехал
В край заветный и манящий.

Наконец в начале лета
Начались в лесах просветы,
За лесами степь лежала,
Вся цветами разоцета.

Все вокруг благоухало,
В тишине вода журчала.
Перед батыром Утегеном
Жидели-Байсын предстала.

...Утеген! Вот мечтаний венец!
Ты нашел край чудес, наконец!
Посмотри, как лазурь высока,
Как правильно плывут облака!

Посмотри на разливы зари,
На степные цветы посмотри!

Посмотри, как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды.

Они слаще, чем липовый мед,
Они, падая, просятся в рот.

Без поливки и без кетменя
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.

Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри!

Здесь кояны крупнее козлов,
Воробьи здесь размером с орлов.

Посмотри на джейраньи стада —
Их никто не сочтет никогда.

Посмотри на опушке леска
Козы черные — кара-каска.

Они ростом крупнее коней,
А их мясо ягненка нежней.

Выбрал домом себе этот край
Легендарный чудесный Домбай.

Посмотри, многоводна, сильна,
Разливается речка Мана,

В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей.

А в степях среди трав и цветов
Много пестрых фазанов и дроф.

Ты смотри и любуйся, батыр,
Пред тобою нетронутый мир,

Где родной твой казахский народ
Земли, воды и счастье найдет.

Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни...

Утеген не хотел отдыхать,
Слез с коня он и начал искать.

Он искал сорок дней и ночей
Трав, пригодных для корма коней.

Степь от края до края прошел —
Только трав этих он не нашел.

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?

Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.

И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен,

Как в песках раскаленных седок,
Конь которого рухнул, издох.

Обступила его темнота,
Умирала в батыре мечта.

И пошел Утеген в темноту
Хоронить золотую мечту.

...Утеген, Утеген! Где же ты?
Отзовись из немой темноты!

Я, Джамбул, из степей Джетысу
Тебе новые вести несу.

Если б мог из могилы ты встать
И сейчас Джетысу увидеть —

Не узнал бы родной страны,
Перед явью померкли сны.

Посмотри — озарен, осиян,
Встал одетый в лучи Казахстан.

От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор.

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.

У казахов цветет свой флаг,
Как горячий пурпурный мак.

У казахов сияет свой герб
В солнце слитые молот и серп.

У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.

У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.

Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.

И своя в водоемах вода,
И свои по степям города.

Посмотри, мой жолдас, посмотри —
В чистом пламени ясной зари

Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна!

Каратау дает свинец,
Кокчетау гонит овец.

Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай.

Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент.

Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.

Скачет так, что трясется земля,
По степям, где лишь ветер гулял,

Меж озер и меж каменных глыб
Вороной, с дымной гривой Турксиб.

Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.

В Эмбе гордые вышки стоят,
И кипит нефтяной водопад.

В Кармакчинской степи зреет рис,
В Алатау сады поднялись.

А в садах, слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.

А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты

С белой шерстью нежней облаков.
Табуны вороных скакунов.

Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов

Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.

На закате, что сиз и багров,
Над стадами молочных коров

Пыль клубится и пахнет кругом
Теплым, сладким парным молоком.

А когда отпылает закат,
И начнется во тьме звездопад,

Чабаны, как детишек, хранят
Теплых, мягких, безрогих телят.

Тонкорунных кудрявых ягнят,
Тонконогих степных жеребят,

Неуклюжих смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.

И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат.

Край народной заветной мечты,
Край обилия и красоты.

Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, мой жолдас, посмотри

На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.

На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал.

Богатство:

«Зря вы спорите со мной,
Достаток, сытость я несусь с собой.
И, гордое могуществом своим,
Наполню дом вещами и едой!»

Смеется Ум: «Оставим речи эти,
Не все доступно вам на белом свете.

Вас двое. Биться об заклад готов я
И победить.

К чему шуметь, как дети?

Итак, друзья, приступим поскорей:
Есть бай Башар —

богач из богачей.

Хлеба Башара сторожит дурак,
Юродивый, зовут его Мекей.

Вам в руки власть могучая дана,
Она Мекею послужить должна.
Пусть станет баем,

ханом станет пусть

И сладость жизни ощутит сполна.

...Мекей вставал обычно очень рано,
Набив камнями полные карманы,
За птицами гонялся день — деньской,
Башара поле защищая рьяно.

Один в степи, чумазный и босой,
Мекей лишь ночью находил покой.
Наутро снова поле сторожил,
Обманутый злодейкою судьбой.

Да, жизнь его была

совсем не праздной,

«Несчастный», — про него сказал бы каждый...

И вот у края поля караван

Остановился на ночлег однажды.

Тоскливо одному в степной глуши, —
Соседям рад Мекей наш от души.

Пришел тот караван
из дальних мест,
Хакимом звали караван-баши.

Случается такое не всегда,
И поспешил Мекей скорей туда.
Счастливый нынче выдался денек:
Там люди, гомон, вкусная еда.

К себе невольно привлекая взор,
Стоит под небом золотой шатер.
Мырза на одеялах возлежит,
А слуги для него готовят торь.

Торопятся, как будто на пожар,
Барана режут, ставят самовар.
В земле очаг уж вырыли.

Огонь
В нем вспыхнет, и в лицо ударит жар.

Мекей лопочет...

Не понять никак,
Чего он добивается, чудаки.
Уразумев же, дурню разрешили,
Раздув огонь, подкладывать кизяк.

Мекей работой повой увлечен —
Как хорошо, что это явь, не сон!
Разгорячился.

Скинув свой камзол,
Камней упавших не заметил он.

Лежат они, и в гранях бьется свет...
Не видя в них особенных примет,
Проходят слуги мимо каждый раз
И до камней им даже дела нет.

Мырза доволен:

жизнь хороша,
Пока тревог не ведает душа.
Наевшись мяса и напившись чаю,
Он из шатра выходит не спеша.

И тут же замечает между прочим
Он юношу, что у костра хлопочет.

У ног его рассыпаны алмазы...
Хаким, их видя, удивился очень.

«Не может быть!

Почудилось, наверно»,—
Подумал он вначале так примерно.
Подняв с земли, поковырял их ногтем —
Не камни это, нет, алмазы, верно.
«Спасибо за труды тебе, сынок,
Изрядно слугам ты моим помог.
И если не нужны вот эти камни,
Возьму себе!»— Хаким тогда изрек.

Мекей в ответ:

«Собрал недавно их,
Полным-полно вокруг камней таких.
Лежат они за полем, где лощина...»
Мырза, дыханье затаив, притих.

Потом сказал:

«Ты мне укажешь место.
Пойти с тобой должны туда мы вместе.
Зазря добру негоже пропадать,
Поделится с тобою честь по чести».

Мекею что? Скорей, без лишних слов
Мырзе такому он помочь готов.
И вот они торопятся вдвоем
К лощине,
перебравшись через ров.

Мекей ликует: видно, в добрый час
В карманах он каменьев тех припас.
Хаким в тревоге: надобно суметь
Укрыть находку от сторонних глаз.

Мырза взглянул вокруг и обмер сразу —
Вместить такое вряд ли может разум:
Был прав джигит —
все дно лощины той
Усеяли блестящие алмазы.

Задумчиво качая головой,
Застыл Хаким в молчанье, сам не свой.
И, взвесив все, промолвил наконец:
«Мекей, меня послушай, дорогой!»

Во всей округе нет меня богаче,
Но жизнь прожить хотел бы я иначе.
Один, как перст, брожу я по земле,
Душа рыдает, хоть сам и не плачу.

Женился дважды,
но какой в том прок,
Мне все равно не дал ребенка бог.
В тоске и грусти провожу я дни,
Боюсь, впустую завершу свой срок.

И хоть в груди от боли сердце стынет,
Я неспроста тебе открылся ныне.
Раз одинок ты —
круглый сирота,
То будь, прошу, мне нареченным сыном».

Мекей воскликнул, радостно сияя:
«Благодарить вас как, агай, не знаю!
Нет ни родни, ни близких у меня,
Всем сердцем вашу просьбу принимаю!»

Хаким с Мекеем, порешив на том,
Счастливыми вернулись в стан вдвоем.
Чудес немало присходит в мире:
Один стал сыном,
а другой отцом.

Когда ж представить сына час настал,
Мырза, довольный, слугам рассказал:
«Друзья, поздравить вы должны меня,
Я отыскал того, кого искал.

Давно когда-то, странствуя по свету,
Однажды деву юную я встретил
И полюбил, и ею жил лишь только.
Она была как яркий луч зари.
И вот уже ребенка ждали мы,
Но умыкнул ее злой дух пери.

Стонал я в горе...

Думал, до седин,
С тоской своей промываюсь один.
Но, видно, внял аллах моим мольбам,
Теперь со мною — мой любимый сын.

В руках пери навек оставив мать,
От чар волшебных он сумел бежать.
Скитался долго, мучился, страдал...
Хочу при вас его к груди прижать!»

Он тут же ввел Мекея в свой шатер.
Камзол, рубаху, головной убор,
Открыв сундук, достал.

Велел одеться
И посадил его на самый торь.

Удачей осчастливленный отец
Для пира трех пожертвовал овец.
Всю ночь веселье не смолкая шло,
И лишь к утру затихло наконец.

Хоть не пришлось прислуге отдохнуть,
Не чувствуя усталости ничуть,
На арбы погрузили все алмазы.
И караван пустился снова в путь.

Идут верблюды, медленно шагают,
Дороге дальней нет конца и края.
Домой попасть не терпится Хакиму:
Три дня в пути.

Терпенье иссякает.

Остановилось время, не идет.
Довольно ждать, решился он.

И вот,
Двух самых лучших выбрав скакунов,
С Мексем вместе поскакал вперед.

Вон позади остались гор отроги,
Аул бедняцкий, сырый и убогий...
Петляя среди сопок и низин,
Тянулась нескончаемо дорога.

Наследница к тому ж.

Откажет хан.

И помышлять о том нам не годится».

«Ну нет уж!

Коль богатством мы сильны,
То и в другом мы с ханами равны,—
Твердит свое Мекей. — И потому,
Вы во дворец пойти скорей должны!»

Хоть на душе и горестно, и больно,
В ответ Хаким слов не нашел окольных.

И вот уже к дворцу он держит путь,
Дум беспокойных
и тревожных полный.

Стоит дворец, сверкая белизною,
Выходят слуги дружною толпою.
С почтением особым, не спеша,
Его проводят в ханские покои.

Объятие раскрыв и с теплым взглядом
Встречает хан.

Приходу гостя рад он.
Взяв под руку и проведя на торь,
С собой его усаживает рядом.

Вот потекла размеренно беседа
О городах торговых, о соседях...
И наконец решается Хаким
Сказать: «Мой хан!

Пришел я вам поведать

Про боль свою.
Начать с чего, не знаю
И сам себя за это осуждаю.
Но что поделать, должен все ж открыться,
Нельзя иначе —
сердцем понимаю.

Есть дочь у вас, и ею вам гордиться,
Растет она, подобно райской птице.

Сын у меня —
и радость, и опора,
И рад бы каждый с нами породниться...»

Хан будто бы не слышит.

Хмурит брови,
Молчит в ответ, не говорит ни слова.
Вспотел Хаким, но в руки взяв себя,
Он с речью к хану обратился снова.

«Уж так в народе издревле ведется:
Коль дочь растишь, то отдавать придется.
Любой калым потребовать вы вправе
За дочь —
свое единственное солнце.

Вас в старости теплом она согреет
И нет ее прекраснее,
милее...

Сам случай вам впридачу дарит сына.
Мы окружить любовью их сумеем».

В улыбке расплылось лицо у хана:
«Случилось бы так поздно или рано.
Ты убедил меня вполне, Хаким,
В речах твоих не вижу я изъяна.

Что ж, пригласив детей под ханский кров,
На счастье их благословить готов.
Но за калым отдать тебе придется
В алмазах чистых
ровно сто пудов.

Да, таково, Хаким, мое решение,
Что вступит в силу с этого мгновенья.
С тобою справим мы на славу той! —
Воскликнул хан
и приказал в волненье:

— Пусть, оседлав коней, во все концы
Хабар о свадьбе разнесут гонцы!»
Свершилось чудо.

И, придя к согласью,
Друг друга крепко обняли отцы.

Теперь не стану утомлять вас очень:
Три дня играли свадьбу и три ночи.
А как Мекей?

В покоях заперся
Один. И видеть никого не хочет.

В советах, наставленьях не нуждаясь,
Лежит с утра он, скуке отдаваясь.
Согласен даже не вставать с постели
И жить себе,
бездельем наслаждаясь.

Есть в каждом деле свой предел и срок,
Готовит жизнь за все потом урок.
И для Мекея наступил тот час,
Когда б ответить за себя он мог.

Введя дочь хана, женщины ушли,
Но молодые порознь легли.
Они душевных не сказали слов,
Огнем любви друг друга
не ожгли.

Грустна дочь хана: как все понимать?
Доколь супруга ей придется ждать?
Обижен чем он?

В чем вина ее?
Про то удастся вряд ли ей узнать!

Настало утро.
Удивив людей,
Слушок пронесся, ветерка быстрей.
И вскоре знали горожане все
О том, что глуп, бесчувствен Мекей.

Все в точности, как было, повторяя,
Прошла, подобно первой, ночь вторая.
Дочь хана извелась, глаз не смыкая,
Слов ласковых, желанных ожидая.

О третьей ночи говорить нам что же?
Известно все, опять одно и то же:

«Великий хан!

Вы мудростью всех выше.

Я вам открою правду не тая,
Казните —

вот вам голова моя.

В народе славясь властью и богатством,
Купцов вы слали в дальние края.

В довольстве, неге, без забот, тревог
Вкушали сладкой жизни сладкий сок.
Счастливым были вроде, только вот
С наследником всевышний не помог.

Лишь к старости вам радостью, отрадой
Явилась дочь — желанная награда.
Хотя она моей супругой стала,
Ее не удостоил я и взглядом.

Подряд три ночи не делил с ней ложе,
Прослыл глупцом, вину свою умножа.
Честь вашей дочери я этим сохранил,
Она чиста.

Вы скажете: и что же?

А то, что, хан, я видел вас другим,
Но, жаль, богатство сделало слепым.
И, шариат нарушив, сто пудов
Алмазами вы взяли за калым.

Бедняк, забитый горестной нуждой,
И тот поступок не свершит такой.
А вы — мне трудно это говорить —
Отдали дочь,
не обручив со мной!

В душе любовь и чистоту храня,
Дочь вашу потому не тронул я.
Все высказал пред вами не тая,
Казните, хан —
вот голова моя!»

КЕР-ОГЛЫ

I

Пусть оживет домбра в руках,
Преданье не умрет в веках.
Толгау о Кер-оглы начну,
Не справлюсь я за ночь одну.
Готов народ мой долго слушать
О том, что было в старину.
Встают слова за рядом ряд,
И строфы стройные звенят,
Как будто бы под ветром
пламя,

Так струны вещие гудят,
Так к цели с высоты стремясь
Орел — полета не страшась...
Красноречив язык акынов —
Как на ковре узоров вязь.
Да победит скакун в байге,
Когда узда в твоей руке.
Не остановится батыр,
Врага настигнет вдалеке.

И народу быть народом,
Коль он рушит вражьи орды,
Объединяются аулы
Для всеобщего похода.
И без листьев древо — чахнет,
И без речек море — сохнет,
И без мелких ручейков

Бурной речки русло гложет.
А Джамбул воспрянет духом,
Коль народ поддержит слухом.
Ржа клинок стальной не тронет —
Он сверкнет над вражьем ухом.
Юность, прожитые годы,
Несмотря на все невзгоды,
Все движут по степи вперед
Поколеньями народы.
И предводитель за собой

Вновь поведет джигитов в бой.
А я народу посвятил
Все годы — прожитые мной.
С рожденья в разных был краях,
Мне старость не внушает страх.
Встречались на пути моем
И ханы в золотых шатрах.
Народ я словом защищал,
И правды дух в словах витал.
Не думая о смерти скорой,
Степному люду помогал.
Мне правдой был — не шариат,
И потому бедняк мне брат.
И видел я — мулла в ауле
Ограбить каждого был рад.

И несговорчивые баи,
Надвинув набок малахаи,
Скрывают правду для наживы,
И с каждым встречным они лживы.
Накинули аркан на шею
В ауле бедняку-кедею.
В решении своем суровом
Хан уподобится злодею.
Защиты бедным не дожидаться,
Никто не будет заступаться.
Все потеряли честь и совесть
Во имя злата и богатства.
И волостной мольбе не внимлет,
Он прихоть хана не отменит.

Как рыба, что попала в сеть,
Так суждено ли умереть?
Без правды счастья не найти,
Познали байскую мы плеть.
И солнце скрыли облака,
Потратим целые века,
Чтоб счастье отыскать себе,

Но не найдем наверняка.
Ведь миру этому оно
Без справедливости дано.

В семье, где зло, растет
ребенок,
Недобрым будет он с пеленок.
Хан полной властью облечен,
Народ на гибель обречен.
Народом правят — как скотом,
Любой враг страшен им притом.
Самонадеянный правитель
В степи не станет мудрецом.
Ступает важно он в ауле,
Приезд начальства караулит.
И требует, чтобы долги
Ему втридорога вернули.

Себя считает знатоком,
С наукою он незнаком.
И мнит, что равных ему нет
В ауле этом и в другом.
Эх, много вот таких глупцов,
И хитрых, алчных подлецов
За свою жизнь я повидал —
Аульных ненасытных псов.
И много времени прошло,
В степи добро свергает зло,
Но есть злодеи, кто сирот
Ограбив, забирает скот,
И плодородные их земли
Бай отнимает, вновь не внемля
Ни плачу жалобному вдов —
Так испокон велось веков.
И кто заступится за них?
Кто оградит от гнета их?
Ведь ханы, бай всех времен
Добры — но в умыслах своих.
Народ теперь лишь осознал,
Что бай веками угнетал.
И безысходность положенья
Любой аул сполна познал.

Хан Бозайхан один из тех,
Кто хитростью имел успех.
И бедный изнывал народ,

И слава грозная о нем
В степи неслась лихим конем.

И Бозайхана взгляд суров,
Он к цокоту привык подков.
Он всех соседей перебил,
Их скот забрав, он истребил
В кровопролитной схватке тех,
Кто непокорным ему был.
И пика с золотым султаном
Была в руке у Бозайхана.
Ему завидовали все
С покорным страхом на лице.
Услышав топот его войска,
Редела враз людская горстка.
И кровь людей текла рекою,
И скорбь вставала над землею,
А хан жилье сжигал вокруг,
Не видя власти над собою.
Не думайте, что это сказка,
И как дитя не знает ласки,
Вот так народ жил в старину,
Их скорбь вошла в мою струну.

Ханы правят городами
И бескрайними степями.
И под властью ханской люди
Сыты траурными днями.
В аул въезжает на коне
Хан при всеобщей тишине.
Справа люди в страхе никнут,
Слева баи льстят, не пикнут.
Хан,
По пути всех истребляя,
Хан,
Пикой небо подпирая,
Продолжает свой грабеж
До самого земного края.
Не знает Бозайхан границ
Своих желаний, пали ниц
Все перед ханом племена...
О без просвета времена!
Нависли брови, словно тучи,

На горную поднявшись кручу,
Овладевал один хребтами,
И скалами и ледниками.
И все низины и долины
Под ханскими лежат ногами.
Везде чинил расправу он,
И кровь текла со всех сторон.
Был саблей, плетью и мечом
Хан Бозайхан вооружен.

Мячами головы катились,
На пиках в зной они
сушились.

В аулах молодые жизни
Все в горы трупов
превратились,

И были пищей муравьям,
Ползли шакалы по следам.
И по стремительной реке
Те трупы бились к берегам.
И где бы ни были враги,
В горах, за морем далеки,
Их Бозайхан всех доставал
И в горла всаживал клинки.
— Эх, есть ли хан такой, как я?—
На острие неся копья
Главу врага, любил он молвить
После сраженья в конце дня.

И тут, на посох опираясь,
И сквозь толпу всю пробираясь,
Вышла дряхлая старуха,
Что была туга на ухо.
Взгляд у старухи был суров,
Без лишних указала слов
На виселицу возле хана,
Как будто бы сорвав покров
Со всех в степи злодейских дел,
Хан оглянуться не успел,
Как с гневом выпалила все,
На ханское взглянув лицо:
— Знай, Бозайхан, тебя стращась,
Знай, хан-злодей, тебя боясь,

Сердца людские кровоточат,
В ночи всевышнему молясь,
Чтобы тебя он покарал
За то, что ты нас угнетал.
И у меня среди степей
Семнадцать было сыновей.
Двоих из них ты умертвил,
О хан, жестокостью своей.
Я — твоя жертва не одна,
Владыке власть в степи дана.
Ты на двенадцать младше лет
Меня, но в сердце твоём нет
Ни жалости, ни уваженья,
Как только держит тебя свет?!
Пятьсот походов совершил ты,
Немало жизней истребил ты.
Землю всю ты окровавил,
И сыновей меня лишил ты,
Тебя погибель не берет,
И народ мой терпит гнет.
Запомни, хан, что ты бездетен,
Что нет наследника на свете,
Кто бы оплакивал тебя,
Как об отце своём скорбя.
Одна есть клятва у меня,
Я выскажу, тебя кляня:
Хан Бозайхан — ты кровожаден!
Хан Бозайхан — ты беспощаден!
Пусть с радостью в степи вздохнет
В день твоей гибели народ.
Пусть слезы счастья нахлынут,
И вековую тяжесть скинут.
Ты норовом лютей зверья,
Ну так за что любить тебя,
Решила нынче умереть,
И не страшна твоя мне плеть,
И голову мне отсеки —
За все ответишь ты грехи!
Склонила голову старуха,
Та, что была туга на ухо.
Впервые в жизни Бозайхан
Растерян был,

обвел свой стан

Угрюмым взглядом, побледнел
И всей душой расвирепел,
Но внешне вида не подал,
Ей голову рубить не стал,
В свои покои он пошел,
Насупившись, как дряхлый вол.
— Лучше смерть, чем это слышать,—
Все размышлял он, хмур и зол.

И все двенадцать жен его,
В испуге прячась от него.
Развлечь владыку не посмели
И не пустили никого.
Ведь все богатые стада
Считались ханскими всегда.
И горы злата, серебра,
И тюки прочего добра...
Кому достанется все это?
Вновь хану не найти ответа.
Ведь нет наследника у хана,
Права старуха без обмана,
В тиши печалась, хан сидел,
На груды золота глядел.
На миг представилось ему,
Что все достанется тому,
Кто врагом считался хану:
В смертный час они нагрянут,
Дворцы разграбят,

кладовые,

Захватят слитки золотые,
Зная, что уж много лет
У него потомства нет.
От этой мысли хан свалился,
Он, как кабан, взревел, взбесился,
Сбежались тут двенадцать жен,
Хан слугами был окружен,
И при всей своей прислуге
Он вымолвил сквозь тяжкий

стон:

— У младшего визиря есть
Дочь, по душе ее мне честь.
Ей стукнуло пятнадцать лет,

Она уж в возрасте невест.
И в жены я ее возьму,
Чтобы богатству моему
Был наследник честь по чести,
Чтоб все досталось лишь ему.
А вы бесплодные все жены,
Эй, из-за вас на сердце стоны,
Скорей отправьтесь-ка домой,
И сгиньте с глаз моих долой!
Гульжазира — что спелый плод.
Улыбка тронет алый рот,
А брови узкие, и взгляд
Всех глубиной к себе влечет.
Любую тьму она осветит,
Ее красу любой приметит,
И если луч падет из глаз,
То черный камень станет
светлым.

И места не находит хан,
И изнывает Бозайхан,
Увидеть хочет Жазиру —
Красавицу средь аульчан.
Хан, с грустью сидя на ковре,
Все думает о Жазире
И слезы льет.

Двенадцать жен,
Издалека со всех сторон
На хана глядя, подойти
Не смеют, слыша его стон.
Жизнь хана смысл потеряла,
Одна лишь мысль угнетала —
Как в жены взять Гульжазиру,
Уединиться с ней в шатру.
Визиря главного из всех,
Надеясь втайне на успех,
Хан с нетерпением зовет,
Не поднимая властных век.
Его батыр Кулакаска
Не раз при схватках бил
врага.

Хан разговаривал лишь с ним,
Он хану был незаменим.
Каким бы хан усталым не был,
Каким бы хан угрюмым не был
При появлении батыра,
Что покорил почти полмира,
С постели мигом он вставал,
Батыра нежно обнимал.
Визирь лежит в ногах у хана,
В ногах у хана Бозайхана.
В живых оставит или нет
Визиря, схожего с бараном?..
И замерли все птицы в небе,
Хан Бозайхан сидит во гневе,
Не видя света пред собой,
И солнца луч над головой,
Не видя главного визиря,
Что сник печальною волной.
И вот уже три дня прошло,
И солнце новое взошло.

Хан на четвертый день изрек,
Но не поднял суровых век:
— Пусть дочку приведет свою
Визирь мой младший ко двору,
И пусть ее отдаст мне в жены —
Красавицу Гульжазиру!
Пусть верит слову моему —
Отсыплю золото ему.
И без отсрочки, без обмана,
Быстрее ветра-урагана
Вдаль отправляется визирь —
Исполнить волю Бозайхана...
Визирь по имени Баркат,
На младшего визиря взгляд
Бросая, крикнул:— Суюнши!
Для ханской нравится души,
Знай, дочь твоя — Гульжазира,
Что так лицом мила, добра.
Ты будешь тестем Бозайхана,
И жить у ханского шатра!
Везет тебе лишь одному,
Немедленно явись к нему,

Пусть ханскую познает плеть.
Язык у этого паршивца
Остер, как новенькое шильце.
Хан, знай, за каждым из плешивых,
За каждым языком их лживым
Тьма сотен тянется несчастий,
И с ними нам не будет счастья.

Знай, они бродят по аулам,
Их пропускают караулы.
Кишат на городских базарах,
Вдали ночуют по мазарам.
Хан, я прошу, их уничтожь!
Хан, я молю, ты в эту ночь
Всех истреби до одного,
Не оставляя никого!
И вместе с ними их отцов,
Во всей степи поганых псов,
Их породивших матерей,
Владыка-хан, убей! Убей!
А может быть, ты их простишь,
И жизнь плешивым сохранишь?
Знай, хан, твоя Гульжазира
К нему спешит, когда ты спишь.
Знай, правда все в моих словах,
Иль — покарай меня аллах!
В паршивого ли влюблена,
Но видел их я у окна —
Тазшу она ли обнимала,
Как знать, но рядом все ж
стояла.

Быть может, предпочла тебе
Плешивого она уже.
Одно я знаю, что не любит,
И ты никто в ее судьбе.
Тут Бозайхан отдал приказ —
В единый уничтожить час
Всех плешивых в своем
ханстве,
Вылавливать во время странствий,
Хоть расстоянья велики —
Аулы, города в тиски

Вмиг взяты были в одну ночь,
Шли с возгласами:— Уничтожь
Плешивых в городе своем,
Пробей их черепа копьем!
Ни одного нет богача,
Кто бы в защиту встал,

крича

О том, что нет вины плешивых,
А вся вина в навете лживом.
Таких ведь богатеев нет,
Таких не видел еще свет.
Когда же было, чтоб тазшу
Вдруг спас какой-нибудь хазрет?!
Не продавали даже в рабство
Плешивых — не к чему богатство.
В степи за рвом их истребляли,
Пронзая пиками, сжигали
На адском пламени костра...
Рыдала, плакала домбра.
Возненавидел хан плешивых,
Идя на поводу слов

лживых.

Несчастные, что уцелели,
Что в степи убежать успели,
Скарб собрав в свои мешки,
Найдя по линии руки
Свою дорогу в никуда,
В степи исчезли без следа.

И палачи коней седлали,
По всей степи они скакали.
Разбежавшихся плешивых
В стороне чужой искали.
Поймали одного из них,
Связали одного из них.
И к виселице подвели
Беднягу — одного из них.
Нет на голове его волос,
В лохмотьях, голоден и бос,
Беспомощен, как божий раб,
Он участи своей не рад.
Его увидя, аульчане
Со вздохом головой качали,

Прониклись жалостью к нему,
Не понимая, что к чему.
И тут заговорил тазша:
— Я обречен, и потому

До вашей казни-растерзанья
Лишь три я выскажу желанья,
Повесьте вы меня потом
Здесь перед ханским хоть шатром.

Народ ждал ханского ответа,
И согласился хан на это:
— Пусть выскажет три просьбы он,
Ведь все одно — приговорен!
— Вот первое мое желанье,
Что, несмотря на все терзанья,
Пощады я не попрошу,

С петель на шее я стою,
Я плешь на голове храню,
Не пресекай последних слов,
Палач, когда я говорю.
Народ на смерть глядеть пришел,
Защиты в нем я не нашел.
Пусть не спешат меня казнить,
Ведь я не кончил говорить.
Я об одном прошу тебя,
Хан, о судьбе своей скорбя.

Не понимая, что к чему,
Не смея отказать ему,
Хан Бозайхан кивнул тазше,
Сомненье затаив в душе.

— Своей жестокостью, владыка,
Ты причинил одно лишь лихо.
И подчинил ты много стран,
О кровопийца — Бозайхан!
И земли превратил ты в пыль,
И не растет на них ковыль,
Ты множество сгубил людей,

И в жизни нет счастливых дней,
Они все горестью полны —

Мы все на смерть обречены.
О хан жестокий Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
Безвинные тазша погибли,
Виновен ты средь мусульман.
Ты не желаешь видеть сам
Ту кровь, что капает к ногам.
О люди добрые, внимайте,
Слова мои запоминайте,
Плешивый говорит тазша —
Неистребимая душа!
Отмеченных печатью бога,
Плешивых, дервишей, убогих
Уничтожает Бозайхан, —
Могилой им — один курган.
Нет человеческого в нем,
Пронзает сердце нам копьем,
На шею петлю надевает,
При всем народе избивает.

И вот пригнал меня сюда,
Жить с плешью — тяжкая судьба!
Ты в прах мир этот превратил,
Плешивых всех ты умертвил,
Двенадцать мало тебе жен,
Ты из шатра прогнал их вон,
Гульжазиру ты в жены взял,
Так недозрелый плод сорвал.
Хоть ты и всемогущий хан,
Известный миру Бозайхан,
Тебя она не признает,
Хотя в шатре твоём живет.
Как зверя хищного — боится,
Как зверя дикого — страшится.
Она от горя и страданий
Забывла, как душа лучится.
Ты по навету негодяя,
Купца, лгуна, трусишки-бая
Безвинных радости лишил
И много жизней загубил.
Знай, у тебя потомства нет,
Ты гол, как мы, на тыщу лет.

Ты слеп и глух, хотя и хан,
Гроза окрестных аульчан.
Не видящий своих пороков,
Ты попадешь, как волк, в капкан.

Владыка гневно приказал:
— Забудьте то, что он сказал.
Повесьте, слуги, вы его,
Он заслужил вполне того...
Хан палача послал к шатру,
Чтобы привел он Жазиру.
Тот, получив приказ от хана,
Вмиг понял — это не к добру.
И все же выполнить приказ
В шатер явился в тот же час.
Едва переведя дыханье,
Палач изрек ей приказанье:
— Хан повелел, Гульжазира,
Явиться срочно, будь добра,
За мною следом ты иди,
За эту весть меня прости,
Знай, Жазира, что хан сердит,
Он злобой лютою горит.
Боюсь, погубит все ж тебя
За то, что хана не любя,
Плешивого ты предпочла,
Плохи теперь твои дела.
Тебя никак мне не спасти,
И потому меня прости,
Что весть я страшную принес,
Слова о смерти произнес.
И отвечает палачу
Гульжазира:— Я не хочу
Принадлежать отныне хану,
За все я смертью заплачу.
Как мужем мне его назвать?!
Всю жизнь буду проклинать!
С тех пор, как оказалась здесь,
Я не могу ни пить, ни есть,
Все умерло в моей душе,
Так что удачна твоя весть,
Ведь я как будто нежный плод,

Кто пожелает, тот сорвет,
Так дряхлыми руками хан,
Плод, с дерева срывая, мнет.
Нет, он не хан, он черный камень,
Мне не загрызть его зубами,
И не расплавить мне его
Своими жгучими слезами.

Смерть оттого предпочитаю,
И с каждым днем все таю, таю,
Давно я думала об этом,
О смерти лишь теперь мечтаю.
Чем без конца в шатре вздыхать,
Чем без конца все проклинать,
Погибнуть лучше один раз,
Чтобы потом не вспоминать.
Да, мне противен этот старец,
Да, ненавистен хан-мерзавец,
Всевышний, ты меня поймешь,
Когда мне смерть скорей пошлешь.
Пускай же кровь моя сольется
С невинными, — так сердце бьется.
Плешивые — мои собратья,
Для них мои наряды-платья,
А не для хана Бозайхана,
Что без наследника-султана.
Нет, ни о чем я не жалею,
И смерть найдя, себя согрею.
Я средь плешивых лечь хочу,
Средь них похоронить — прошу.

И выйдя из шатра, пошла,
И на помост она взошла,
Когда палач исполнит казнь,
Бедняжка Жазира ждала.
И побледнел хан Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
Казнить никак он не решался,
И обращал взор на курган.
У Жазиры горели щеки,
И слышались людские вздохи,
И видя, что в смятенье хан,

И на могиле Жазиры
Свисали спелые плоды.
И на могилах жертв невинных,
Там, где покоились рабы,
Плодовые росли деревья,
Согласно древнему поверью.
В тени их отдыхали люди,
И восхищались ими люди,
Глядя, как переплетались
Густыми тонкими ветвями,
Особый смысл видя в этом,
Ни слова никому об этом
Не произносили больше люди,
И любовались вновь с рассветом.

Узнал про это Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
И мысленно себя казнил,
С тоскою глядя на курган:
— О, неужель там Жазиру,
Что маялась в моем шатру,
В объятьях стиснул раб-тазша?—
Коварная его душа.
И неужель судьба раба
Сильнее, чем моя судьба?
Я без наследника остался,
С последнею женой расстался,
А этот подлый раб-тазша,
Что по степи от нас спасался,
Обнял в могиле Жазиру,
О боже, это не к добру!

Не зная сна ни днем, ни ночью,
Узреть желая их воочью,
Хан Бозайхан так причитал
И разрывал одежды в клочья.
И обливался он слезами
И расплавлял на сердце камень,
Но без наследника он был —
От злобы скрежетал зубами.
Проходят дни, проходят ночи,
Наследника себе хан хочет,

Но Этому, знать, не бывать,
Богатству хана пропадать.
Не мил владыке белый свет,
Минуло несколько так лет.

II

Жил-был в ауле Каракоз,
У хана чабаном он рос.
В степи вблизи того кургана,
Где слышно бляенье барана,
Паслись отары день за днем
По воле хана Бозайхана.
На кладбище в тени деревьев
Чабан усталый тихо дремлет.
Отара возле чабана
Пасется овцами полна,
Ягнята, козы среди них
Резвятся в зарослях густых.
И Каракоз там вспоминал
О тех, кто здесь, в земле,
лежал,
Рабы безвинные, о них
Он слезы горько проливал.
И крепкий посох Каракоза,
И старый посох Каракоза,
Там в землю на бугре вонзился,
От дум печальных обломился,
Когда чабан наш Каракоз
На посох тот облокотился.
Вполне сознательно он плакал,
Он жизни юные оплакал,
Которые по воле хана,
По воле хана Бозайхана
Покоились в сырой земле —
В глубинах древнего кургана.

«Полынь-полынь, барашек серый,
Один среди овец не белый,
И потому ты шаловлив,
Из всей отары самый смелый.

Ну почему ты так спешишь?
Идти к могилам норовишь,
В тени поднявшихся деревьев
По сторонам с тоской глядишь.
На прахе бедных молодых
Взошли деревья, в гуще их
Плоды, что вовремя созрели,
Да пасть на землю не успели.
И мать — безрогая коза —
Идет, куда глядят глаза.
Среди могил преобразаясь,
В объятиях холмов скрываясь,
Который раз себе молчит,
Какое таинство хранит?..
И неужели она знает
Тех, кто в могиле обитает?»—
Так Каракоз под эту песню
Передохнуть там успевает.

В аул он к вечеру приводит
Отару, каждый в ней находит
Своих овец, ягнят и коз —
Таков чабан наш Каракоз.
Но попозли в ауле слухи,
Что дойная коза старухи
Без молока который день.
На Каракоза пала тень,
Что он выдаивал ее,
Себе присвоив молоко,
Что сорока сынам старухи
Без молока жить нелегко.
По ложке каждому давалось,
А вот сейчас не оказалось,
Где ж молоко козы безрогой?
Старуха не гневила бога,
Решила хану рассказать,
Чтоб чабана велел связать:
«Я хитреца разоблачу,
При всем народе уличу.
Ведь всех детей из сорока
Без козьего он молока
Оставил на мою беду,
Управу на него найду.

Не покарает если хан,
Гроза окрестных аульчан,
То не останусь больше здесь;
Уйду с детьми из этих мест,
Куда -нибудь перекочую,
С козой в дороге
заночую».

И с жалобой явилась к хану,
Владыке хану Бозайхану:
— Меня послушай, повелитель,
С бедой вхожу в твою обитель,
Где взять еды, чтоб прокормить,
Чтобы от смерти оградить
Моих всех сорок сыновей?

Без молока как мне прожить?
Чабан по кличке Каракоз,
Тот, что пасет баранов, коз,
Тайком козу мою сосет,
Нам молока недостает.
Голодными остались дети,
Боюсь, что смерть их
приберет

Потоками слеза лилась
Из глаз ее в прискорбный час.
Ведь нет скота кроме козы,
Сейчас не время оразы.

— Я голодна, хан, я больна,
На весь аул я, хан, одна.
Нет мочи даже говорить,
Хан, как детей мне
сохранить?

О справедливый Бозайхан,
Единственный средь аульчан,
И среди смертных мусульман.
Батыров не найдешь верней,
Чем моих сорок сыновей.
Коль их от голода спасешь,
К ответу вора призовешь,
А если сыновья погибнут,
От голода совсем коль стинут,

Знай, твое войско меньше
станет,

И враг тебя легко достанет.
На это что ответишь, хан,
Гроза окрестных аульчан?
Да, Каракоз твой разжирел —
Он ежедневно выпивает
Все козье молоко и знает,
Что на него управы нет.
Владыка, мой тебе совет,
Коль воровство не пресечешь,
К порядку коль не призовешь
Ты Каракоза — чабана, —
В народе славы не найдешь.
За бедных заступись, владыка,
И чабана свяжи, владыка.
Его подвергнуть страшной пытке
Ты страже прикажи, владыка.

Словам старухи Бозайхан
Поверил, не найдя обман.
И привести чтоб Каракоза,
Приказ тут воинам был дан.
И привели они раба,
Связали руки у столба.
— Ты правду говори скорей,
Заставив голодать детей,
Зачем ты сдаивал козу,
В степи, у речки иль в лесу? —
Не знаем где, но знаем точно —
Не зря старуха льет слезу.
Напрасно время не теряй,
И ничего ты не скрывай,
Коль виноват — вину признай.
Должны услышать обо всем:
Что делал с козьим молоком?
Хан Бозайхан сидит на троне,
А Каракоз лежит и стонет:
— О владыка хан-таксыр,
Ты покоришь почти весь мир!
Мне восемнадцать лет от роду,
Знать, злomu вымыслу в угоду
Старухой оклеветан я.

Знать, тяжела судьба моя,
Клянусь, что без вины страдаю,
Клянусь, зазря я погибаю,
Владыка, отпусти меня,
Клянусь, что не виновен я,
Клянусь, я вора отыщу,
Три шкуры я с него спущу,
Клянусь, что где бы

ни скрывался,

Клянусь, что где бы ни скитался,
Я все равно его найду,
К тебе, владыка, приведу.
Не верили ему, пытали,
Копьем кололи, избивали.
И звери, слыша крик и плач,
И, чуя, как пытал палач,
Мольбе о жалости внимали,
Сочувствовали, понимали
Беднягу парня-чабана,
Чью душу вытравил сполна
Палач из свиты Бозайхана,
В их сердце кровоточит рана.
И сирота-олень в лесу,
Он тоже обронил слезу,
Он был таким же

сиротой,

Опутан горькою судьбой,
Как и бедняга Каракоз,
Что пас овец, ягнят и коз.
Лесные звери, птицы в небе,
Владыки не пугаясь гнева,
Шум поднимая заглушали
Бедняги плач. Они зывали
Владыку к жалости, чтоб он
Внял просьбе их,

был отменен

Его приказ, чтобы бедняга
Навеки был освобожден.
Но Бозайхан зол, беспощаден,
По-прежнему он кровожаден,
Приказа, нет, не отменил
И пытку не остановил,
И тут старуха встрепенулась,

В ней жалость поздняя
проснулась:

— Не будь жестоким, хан-таксыр,
Ты покориł почти весь мир,
Чабан такой же сирота,
Как мои дети, хан-таксыр.
Молю — его ты отпусти!
Что не права была — прости!
Ко всем сиротам я добра,
Хоть прокляла его вчера.
И незачем его пытатель,
Тугим арканом избивать.
Быть может, он доил козу,
Чтоб с голоду не пропадать.
Не истязай беднягу ты,
Не избивай беднягу ты,
От жалобы я отрекаюсь,
Прости меня, владыка, ты.
Хан, можешь голову мою
Отсечь за то, что я молю
Беднягу просто отпустить —
Жизнь Каракоза сохранить.
— О, наш несчастный Каракоз,
Ты пас овец, ягнят и коз,
Знай, что тебе я словно мать,
Меня ты должен понимать.
За все тебя прощаю я,
Уйду я в дальние края,
Чтобы не видеть

как пытаются
Беднягу сироту — тебя.
Вот моя просьба, Бозайхан,
Не принимай ты за обман
Слова недавние мои —
За все отвечу я грехи!
— О, старуха! У, старуха!
Ты, может быть, туга на ухо?
Сама недавно умоляла
О том, чтоб стража наказала
Каракоза — чабана —
Сама его ведь проклинала?!
Ну что же, просьбе уступаю,
Я без тебя, старуха, знаю,
Что сирота за сироту

Горой встает в родном краю.
И впрямь, тебе я говорю,
Что не исполню я твою
Любую просьбу и мольбу.
Старуха Каракоза так
Спасла от смерти на свой страх.
— И кто бы ни был этот вор,
Что пьет на чужое взор,
Что козье молоко крадет,
Что козье молоко сосет,
Прошу тебя, о Каракоз,
Найди и приведи его,
Чтоб не доил чужих он коз.
И подошел чабан к старухе,
К той, что была туга на ухо,
И вновь навзрыд он зарыдал;
— Всадили нож как будто в сердце,
Как жить мне с вами по-соседству?!
И оскорбили словом «вор»,
Несправедлив мне ваш укор,
Зря в воровстве я обвинен,
Даю вам слово чабана,
Что буду я хранить сполна,
Как будто бы зеницу ока,
Козу безрогую, она
Вновь будет молоком полна.
Найду, кто сдаивал ее,
Кто молоко крал у нее,
Найду во что бы то ни стало —
Вот слово верное мое!
И я за все обиды хана
Всю нечисть вытряхну шайтана
У мною пойманного вора —
Поймет пусть тяжесть приговора!
— Ну, если не твоя вина,
То приведи ко мне ты вора,
Получишь суюнши сполна.
Без полной чаши молока,
Знай, моя участь нелегка,
От голода детишки взвоят,
Вновь к ночи не испив глотка.
Вновь Каракоз овец погнал,
За ними брел он, уставал,

С трудом передвигая ноги,
Он следом за козой безрогой
Ягнят веселых погонял.
Коза безрогая стремглав,
Овец в отаре обогнав,
Подвластная всем темным силам,
Вновь направляется к могилам.
А Каракоз за ней бежит,
Во все глаза вперед глядит:
К могилам двум она подходит,
Где деревца сплелись,
там бродит.

Чабан из-за кустов чингиля
С козы безрогой глаз не сводит.
Тут мальчик из могилы вышел,
Он был могилы этой выше,
И блюдцами глаза сверкали,
Как будто взглядом обжигали,
И черного котла черней
Грудь, что темнела меж ветвей,
Длиною в посох чабана
Сплошь черная его спина.
Поверит кто, за ним следя,
Что человечье он дитя?!
Без одеяния и голый,
Он смело среди ягнят веселых
Приник к соскам козы безрогой —
Отара шла своей дорогой.
Чудовище с лицом мальчика
Тут высосало до конца
Козы безрогой молоко.
И видеть это нелегко
Каракозу — чабану,
Он в страхе жметя к валуну.
Испугался он спросить,
Не знает он, ему как быть,
И не хватает даже духа,
Чтобы грабителя пленить.
Что ж, рухнули его надежды,
И не решился он как прежде
Между деревьев отдохнуть,
Чтобы не выдать, не спугнуть,

Хан сам желает посмотреть
На мальчика, что через смерть
Из тьмы могильной к людям вышел —
Такого хан еще не слышал
И краем глаза не видал.
Он Каракозу приказал
К могилам повести его,
Где тает козье молоко.
— Я не пойду, хан-повелитель,
Хоть нашей жизни ты хранитель.
Желаете — сходите сами,
Увидите между холмами,
Где павшие рабы лежат
И тайну кладбища хранят.
Иль новый пусть пойдет чабан
По вашей воле, Бозайхан,
За этой проследит козой,
Пусть это будет не со мной.
Увидит он, как из могилы,
Где темные таятся силы,
Выходит мальчик, что силен,
И одолеть всех может он.
Могила эта Жазиры —

О том узнать теперь должны.
Молва гласит — в ее утробе
Жизнь новая рождалась вроде,
Но вы казнили Жазиру,
Все это было не к добру.
Не знал, что делать Бозайхан, —
Гроза окрестных аульчан,
Иль радоваться, или плакать,
Но чувств своих никак не спрятать.
«О боже, там наследник мой,
И ханский род не сгинет мой», —
Подумал вмиг хан-повелитель
И слуг созвал в свою обитель.
И нарочным был срочно вызван
Кулакаска-батыр, он признан
Был самым сильным среди всех,
И в схватках он имел успех.
— О Кулакаска-батыр,

Знает мощь твою весь мир!
Ты собери своих джигитов,
Чтоб была твоя вся свита
Непобедима и сильна,
Чтоб побеждала всех она.
Тебе все скажет Каракоз,
Тот, что пасет ягнят и коз,
Подумай и реши, что делать,
Обдумай каждый ты вопрос.
И Каракоз все рассказал,
О том, что видел и что знал:
— Каким бы ты могучим не был,
Каким бы ты батыром не был,
Не одолеть тебе мальчика,
С любого подступись конца,
Все одно не победишь,
Знать, на коне ты зря сидишь.
Рабы там павшие лежат,
Лежат который год подряд,
А их ведь хан всех умертвил,
Об этом люди говорят!
Быть может, это сын раба,
Хоть тяжкая его судьба,
Но он для мести был рожден
Теми, кто приговорен
Был ханом в давние года,
От них теперь нет и следа.
— О чем лопочет этот раб?
Иль участи своей не рад,
Что не придется впредь пасти
Отару день за днем подряд?
Гульжазира ведь мать мальчика,
Имеет ханом он отца.
Кто станет это отрицать,
Тому не миновать конца.
Решил, возглавив свиту сам,
Поехать хан к седым холмам,
На эти страшные могилы,
Где темные бытуют силы,
Решил поехать Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан.
И рядом с ним Кулакаска,

Что в каждой схватке бил врага.
И слуги все, шепча намаз,
С козы безрогой своих глаз
Не спускали, следом шли,
Так к кладбищу они пришли.
Вот к холмикам коза свернула,
Два деревца вот обогнула,
Заблеяла, остановилась —
И хану тайна тут открылась.
С котел могучий голова
Вдруг показалась, и листва,
Что на деревцах всю густела,
Скрыть не смогла размеры тела.
Охватил тут хана страх,
Страх застыл в его глазах,
За валуном он притаился,
Он с валуном почти что
слился,

От ужаса в час этот он
Как будто разума лишился.
Ребенок, не играя в прятки,
Сосал козлиху без оглядки.
Хан не видал такого чуда,
Хан решил бежать оттуда,
Но горечь душу хана жгла,
Он вспомнил прошлые дела:
— О Гульжазира, родная,
Прости меня ты, дорогая,
Что лучше не узнал тебя,
И, о тебе сейчас скорбя,
Вину свою я понимаю,
Вину свою я принимаю.
Ребенок неужели мой,
Что был сокрыт могильной
мглой?!

И хан в кустах один сидит,
И на ребенка не глядит.
Тот, высосав все молоко,
Исчез в могиле глубоко.
Хан Бозайхан сидит-гадает,
Хан одного не понимает —
Мальчик, девочка ли тот,

Куклу девочка заметит,
Асыки мальчик враз приметит.
Узнаешь ты, какого пола
Ребенок твой на этом свете.
Хан повелел мастеровым,
Что славны мастерством своим,
Создать игрушки для ребенка,
Что был наследником одним.
Так куклы, сани и повозки,
Те, что по цвету красок броски,
На зависть множества детей
Мастеровыми из степей
Созданы за краткий срок
По воле хана, что жесток.
Все это отнесли к могиле,
Где тайные бродили силы,
Надеясь, что ребенок хана
Выйдет из глубин кургана.
И долго ждать всем не пришлось,
И всем увидеть довелось,
Как вышел из могилы он,
Тот, кто могилой был рожден.
Увидел издали игрушки,
Куклы, бабки, безделушки,
Но к куклам он не прикоснулся,
Он до повозки дотянулся
И сел в нее, и раздавил,
Ее в обломки превратил,
Взял в руки плеть
и оглянулся,
И на седло в траве наткнулся,
Вскочил в него, как будто скачет
Он на коне, в кустах маячит.
И вдоволь наигравшись так,
Сложил игрушки он в кустах,
Все до единой, кроме кукол,
Тому свидетель аруах.
Тут поняли все, догадались,
От радости заулыбались,
Увидя, что ребенок — мальчик;
Но все же в зарослях скрывались.
Старухой вновь совет был дан,

И выслушал старуху хан:
— Пусть мальчики из разных мест
На завтра соберутся здесь.
Ты их одень в одну одежду,
Играют пусть они, как прежде,
Пусть свои прутья оседлав,
Друг друга в играх обогнав,
Пусть мчатся, будто на конях,
Плетками взмахнув в руках.
Увидит их наследник твой,
Он будет увлечен игрой,
Тут и схватишь ты его —
Единственного своего.

Назавтра мальчики играли,
И не о чем они не знали.
Тут из могилы вышел снова
Сын хана, молча он без слова
За их игрою наблюдал,
Затем и сам играть он стал.
Он голым видом испугал их,
Он своим видом разогнал их,
Все разбежались — кто куда;
А мальчик многих без труда,
Вылавливая, расшвырял их,
По зарослям он раскидал их.
Батыры тут не удержались,
Джигиты тут не растерялись,
Они мальчишку окружили,
К нему все ближе подходили.
Кулака-батыр стерег
В могилу лаз, чтобы не сбежал
Единственный наследник хана,
Владыки мира Бозайхана,
Но мальчик всех их разогнал,
Кулака за ворот взял
И, раскрутив его над всеми,
Коленками к земле прижал.
Позор Кулака-батыру —
Известно это будет миру!
Позор джигитам остальным:
Не справились они с одним,
С мальчиком, кому пять лет,

Не знал такого еще свет.
Вновь мальчик убежал в могилу,
Где тайные бродили силы.
И вновь в хандру впал Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
Посмешищем себя считал он
Средь правоверных мусульман.
Он сорок дней сидел, молчал,
Он по наследнику страдал.
Решил повесить он старуху,
Ту, что была туга на ухо,
Но вновь старуха прибежала,
Отдышалась и сказала:

— Я падаю к твоим ногам,
Еще один совет я дам:
Моих ты сорок сыновей
Не видывал среди людей.
Там есть один средь сорока,
Ох, тяжела его рука!
Он может справиться один
С твоим сыночком, господин.
Такая мощь ему дана,
Что братьев всех мой Дардана
Одной рукою побеждает,
Когда он с братьями играет.
Ему доспехи приготовь,
Бушует в нем батыра кровь,
Так пусть померится он силой
С мальчишкой, что рожден могилкой.
А если он не победит,
То пусть палач меня казнит.
Вот Дардана надел доспехи,
Желают все ему успеха.
Вновь вместе мальчишек собрали,
Подарков им пообещали
И к той могиле повели,
Чтоб там они опять играли.
Вот поднятая ими пыль
Прибила на лугах ковыль.
Тут мальчик вышел из могилы,
Где тайные бытуют силы,
И ребятишки разбежались,

В зарослях к камням прижались.
Один остался Дардана,

Весь неприступный, как стена.
Тут малец за грудки схватил
Дардану, не отпустил,
От земли чуть приподнял
И мощь свою всю потерял.
И тут серьезно они сшиблись
И на виду у всех крутились,
Но им друг друга не осилить,
Так день-другой, схватившись, бились,
Дышали, лязгали зубами.
Земля крошилась под ногами,
Доспехи разошлись по швам,
И клочья падали к ногам.
Мальчишку Дардана крутил,
Его по кругу он водил
И от земли вдруг оторвал,
Хотя уже он уставал,
Но все ж мальчишку одолел,
И ходом схватки завладел,
И к ночи на закате солнца
Наследник хана ослабел.
И Дардана так победил,
Мальца так Дардана пленил,
Того, что вышел из могилы,
Где тайные бытуют силы.
Двадцатилетний Дардана.
Хоть мощь ему была дана,
Еле одолел мальчишку,
Власть ханская и в нем видна.
И многих победил ведь он:
Кулакаску, что был рожден
Батыром в ставке Бозайхана,
Теперь позором окружен
Кулакаска-батыр, и впредь
Бесславная его ждет смерть.
Один лишь только Дардана
Смог в схватке оправдать

сполна

Высокое батыра званье

На будущие времена.
Возликовал владыка-хан,
Гроза окрестных аульчан.
Стоит наследник перед ним —
И счастлив хан наш Бозайхан.

Стоит его наследник бледный,
Без одежд, как пришлый бедный,
Брови сдвинуты, суров,
Он не произносит лишних слов.
Могильный, может быть, дикарь,
Быть может, сам подземный царь
Из царства своего послал
И сеять смуту приказал.
Длиннее пальцев его ногти,
Не ногти, а сплошные когти,
Как будто бы верблюжья шкура
Его плечи обернула,
Так проступала шерсть на нем,
Сверкают яростным огнем
Глаза из-под густых бровей,
И черного котла черней
Грудь его, что в три

обхвата,

Не прочь бежать он от захвата,
Коль ему руки развязать,
То никому вновь не поймать.
И голоса визгливый звук
Страх с ужасом рождал вокруг.
Доставили его в шатер,
И он стоял, потупя взор.
И пищу он не принимал,
Он на краю ковра стоял,
И на все к нему вопросы
Владыки сын не отвечал.

Устроили в ауле той,
Народ на той пришел толпой.
Большую щедрость проявил
Владыка, златом одарил
Всех, кто приехал

к нему в гости,

И каждому чапан вручил.

И зря он видит в нем султана.
Если я не прав, пусть хан,
Гроза окрестных аульчан,
Меня на казнь поведет,
Седую голову снесет.
Но вижу я — наследник хана
К нам вышел из глубин кургана.
И мать его — Гульжазира,
Она ко всем была добра.
Так, значит, быть ему таксыром,
Так, значит, править ему миром,
Я имя выношу ему,
Единственному, одному
Ребенку хана Бозайхана,
Что вышел из глубин кургана.
Он вышел из могильной мглы,
Ему вот имя — Кер-оглы!
Подумал хан и согласился,
Он воле старца подчинился,
Народу имя по душе,
Кровь хана бродит в малыше.
И нарекли так — Кер-оглы!
Того, что из могильной мглы
В мир этот вышел в ранний срок,
Не знал такого и Восток.
Вот голым Кер-оглы сидит
И на всех без слов глядит,
Не хочет надевать одежду,
Ничто его не веселит.

И своего сына Кер-оглы,
Что вышел из могильной мглы,
Не отпускает Бозайхан
На тот таинственный курган.
Ну а сын при виде хана,
При виде хана Бозайхана,
Волнуется в шатре, встает,
Как будто бы к нему влечет,
Годами молод, потому
Не понимает, что к чему.
Над ним все девушки смеялись,
Над сыном хана издевались,
Видя его голый вид,

Он молча на ковре сидит,
Стал понимать намек и смех,
И думать перестал о тех,
Кто в глубинах жил кургана
По воле хана Бозайхана.
Одежду ханскую надел он,
Но с удивлением глядел он
На окружающих людей
Из-под сдвинутых бровей.
Потом и это отошло,
Из его памяти ушло,
Стал на вопросы отвечать,
И пищу стал он принимать.
И ни на шаг от Кер-оглы,
Что вышел из могильной мглы,
Не отходил наш Дардана,
Власть полная ему дана.

И до семи неполных лет
Усвоил то, что знал весь свет.
И на прогулки выезжал он,
И с батырами гулял он,
Порою вспыхивал от шуток,
От всех намеков-прибауток,
Но Кер-оглы потом притих
Среди ровесников своих.
Три года целых так прошло,
И солнце новое взошло,
И стал батыр наш Кер-оглы,
Что вышел из могильной мглы,
Известным всей степи таксыром,
Он долго править будет миром.

СУРАНШИ-БАТЫР

Часть первая

1

В руки белую домбру
Вдохновенно я беру,
Льются чистые потоки
В море песен звоном струн
В море свежести полно,
Как булат, блестит оно,
Солнце в нем отражено,
Как тростник в озерной глади,
Ветерком возмущено.
Никогда оно не спит,
А на дне морском лежит
Камень редкий, драгоценный
И волшебный свет струит.
Море песен звонким гулом
Омывает этот камень —
Камень, прозванный Джамбулом,
Не стареющим веками...

2

Песни сердца я слагал,
Ветром песен я летал,
Был, как лед, рекой гонимый.
Тверже, чем любой металл.
Десять дней словесный бой
Вел, приехав я на той.
Как зерно на поле птица —
Собирал народ родной
Этих песен дар степной.
Алатауские хребты,
Травы, пчелы и цветы
Эхо песен поднимали
До орлиной высоты.
Песне признанной — простор!
Шире степи, выше гор
Песня смелая, и вечен
Золотой ее узор.

Званья стоит ли река,
 Если в ней вода мелка,
 Если в ней мутна вода,
 Если в ней жорга горячий
 Не напьется никогда?!
 Званья стоит ли ученый,
 Если сам он не остер,
 Если сказанное людям
 Не пылает, как костер?!
 Званья стоит ли певец,
 Если в песнях он скупец,
 Если песни не тревожат
 Миллион других сердец?!

Званья стоит ли поэт,
 Если в нем таланта нет,
 Если он не может петь,
 Если жажду он в пустыне
 Не поможет одолеть?
 Если сам он языком
 Не сравнится с родником,
 Если песня в перепутье
 Не прольется чище ртути,
 Если песня с сердцем в лад
 Грохоча, как водопад,
 Заглушая рокот рек,
 Не пробудит мысли, чувства
 В миллионах человек?!

Званья стоит ли поэт,
 Если в песне силы нет,
 Если песня лед не плавит
 И смеяться не заставит
 В час, когда бушует вьюга,
 Обездоленного друга.
 Если песня, как джигит,
 В смелой схватке не разит?!
 Званья стоит ли поэт,

Если страсти в песне нет,
Если песня черепахой
Одинокую ползет,
А певец ее со страхом
В угождение поет
Полушепотом навзрыд
Под бречание домбры?!
Сердца нет —

и голос тонок

И величья в песне нет,
Он, как блеющий козленок,
Он козленок, не поэт!

6

Лук — домбра, а песни —
стрелы,

Ими пользуйся умело!
В кочевых моих долинах
Суюмбай — акын акынов,
Так говаривать любил,
Если песнею поэта,
Для народа плохо спетой.
Недоволен старец был.

7

Эта песня о былом
О далеком, но родном,
Это памятник батыру
С златогривым скакуном.
Перегнувшись на боку,
Брал он скалы на скаку.
Он прокладывал дороги
По сыпучему песку.
Он в степях врага разил
Кровью недруга поил....
Степь родная, со вниманьем
Слушай ты мое сказанье.
С той поры, как я Джамбулом
Стал на свете, а в аулах
Ураган поднялся песен,
Сердце сокола проснулось.
У киргизов, у казахов
Был напев мой одинаков.

Суюмбай в неволе горькой
 Научил меня не плакать.
 Знаменосец дум непетых
 Суюмбай пришел с советом,
 Он сказал: воспой батыра,
 Вдохновением согретый.

Четверть века бушевала
 Силой страсти небывалой;
 Ой, рука моя железо
 Закаленное сгибала.
 Без пера и без чернил
 Песня звонкая рождалась,
 Мне домбра, моя певунья,
 Лист бумаги заменяла.
 Жил я долго в лихолетьях...
 Были дни — хотел не петь я.
 Но желание народа
 Не исполнить мог ли сметь я?

Если, сын, направишь, взоры
 Ты на небо и на горы,
 Если голову подынешь
 Над бессмертием просторов —
 Ты увидишь Алатау,
 Гор крутых небесных славу.
 Лед, как шлем, а снег — кольчуга
 На вершинах Алатау.
 А внизу, в степной долине,
 Запах мускуса — полыни.
 И смородина густая
 По лесам в предгорьях стынет.
 Алатау в мирозданье
 Стар. Народ хранит в преданьях
 Много дум и много споров
 О его былых названьях.

Распорол живот небес
 Острый пик Суук-тюбе.
 Каргалы до звезд восходят,
 Держит тучи Кок-тюбе.
 Уш-коныр и Куртыш-бас,
 Кзыл-Кунгей, летовка Ас.
 И Хан-Тенгри — пик всех пиков,
 И угрюмый Кызыл-тас.
 И во всех живут наречьях
 Семь хребтов крутых, как плечи,
 Называют их в народе
 Полной грудью — Семиречье.

Если тучи соберутся —
 У подножья реки льются,
 На вершинах снег холодный,
 А в долинах травы вьются.
 На вершинах льдина виснет,
 Молоко в долинах киснет...
 Разве это не прообраз
 Многолетней нашей жизни?
 Если радость день гостила,—
 Смерть по месяцу ходила...
 Сколько здесь прошло столетий,
 Сколько здесь батыров было!
 Сколько ханов и народов
 Совершили здесь походов!
 Сколько здесь событий было
 Под холодным небосводом.
 Об одном из них спою я...
 Не горюя, не тоскуя,
 Пой, домбра! Поэму эту
 О батыре звонко лью я.

Говорили так со вздохом:
 «О эпоха ты, эпоха,
 Ну, а кто ж хозяин ей?»
 Человек, который охал!
 Ты вини его. Не тесен

Мир. Эпоха — ветер песен!
Но тогда хребет труднее,
Коль и грозен и отвесен.
На хребты народ глядел,
На народе хан сидел.
Мраком выткана эпоха,
Шел народ, терпел и пел.
Караваном тихим годы,
Кочевым потоком воды
Протекали, пролетали
Со страдающим народом.

14

Белый царь эпохе рад,
Он собрал своих солдат,
Царь надел на них шинели
И погнал на Шубарат.
На чужой земле скорее
Он зажить хотел добрее,
Торопился сесть покрепче
На простой народной шее.
Старый лук тянул казах,
Царь пошел на Семиречье
В стопудовых сапогах.

15

В юртах страх гулял убогих,
А хозяева и боги,
На отборных сев коней,
Поскакали по дороге.
На привалах отдыхали,
Безворотки надевали,
Пили крепкий чай, как воду,
Самопалы заряжали.
У холодных стен Капала
Пушка их свинцом стреляла...
Царь в степях прошел не просто —
Постелил он смерти простынь.
Дети, матери и жены

Пели песню на погостах...
Свора царская гуляла,
Свора ханская гуляла,
Юрты старые кромсала,
Табуны брала с собою
И аулы поджигала.

16

Не просил народ пощады,
Он смотрел усталым взглядом
На Ормана с Худояром,
Наливалось сердце ядом.
Знал народ свое реченье:
«Кто к врагу идет с прошеньем
О пощаде, тот бессилен
И не стоит уваженья...
Кто, о чести забывая,
Просит милости у бая,—
Жалок тот и безнадежен
И о нем молва худая».

17

Шли одни и за горами,
Окруженные врагами,
Протоптали к Ай-Карыну
Путь худыми сапогами.
Шли другие, скарб бросая,
Шли, костров не зажигая,
Шли, измученные дети
Шапрашты и Карасая...
Тень врага была сокрыта,
Степь не знала, что джигиты
Из родных степей Дулата
Принимали с ханом битвы,
Третьи шли, их непогода
Привела к илийским водам —
Там аулы Майамыра
В лес несли мечты народа.
Но в лесу их ждали ханы,
Звон мечей и свист арканов.
Непокорные джигиты
Умерли, как арыстаны.

Семь отважных сыновей.
 Семь красавиц-дочерей
 На верблюдах одногорбых
 Убегали от зверей,
 На пути у них река —
 Буйный враг без языка —
 В пене бешеной гудела,
 Разбивала берега.
 Нары гордые легли,
 Нары слышат рев реки...
 Сорок воинов взметнули
 Обнаженные клинки.
 Сорок ханских удалцов
 Настигали беглецов.
 Слышит берег грозный клич:
 «Вот добыча из добыч,
 Нар жену привез джигиту,
 Со счастливица магарыч!»
 Травы берега близки,
 Но, завидев вдруг клинки,
 Нары головы склонили
 И легли на дно реки.
 Семь отважных сыновей,
 Семь красавиц-дочерей
 Шли на дно и смерть встречали,
 Волны буйные сходились,
 Птицы вещие кружились
 Над султанским черным станом,
 Бурей тучи разразились.
 Семь отважных сыновей,
 Семь красавиц-дочерей
 Так погибли, оберегая
 Честь поруганных степей.
 Шла молва от уха к уху,
 Нарастала злоба глухо.
 С горьким плачем у реки
 Шла безвестная старуха.

Шумный спор вели метели,
 Вихри буйные свистели.

Хан кромсал, колол и резал,
Степи жег, они горели.
Хан стадами гнал народ.
Думал хан, что рабский род
Кроме плача, кроме стона
Ничего не принесет.
Раздувал пожары ветер,
Шли измученные дети
Жангараса и Жантая,
Проклиная все на свете.

20

Горько девушки рыдали...
Молча слезы утирали
Старики в своих кибитках
И батыра-сына ждали.
И рыдали даже горы
В ожидании опоры...
Из Коканда заходила
Тучей черной ханов свора,
На земле не умещалась.
И земля под ней трещала.
Табуны, детей, кибитки
Свора ханская сжигала.
Правил пир кровавый хан
На долинах Тас-Токан.
Он шатры свои раскинул,
Он разбил кровавый стан,
Правил пир кровавый хан,
Он цветы давил подковой.
Муллы с беками Кокана
Угощали льстивым словом.
Пьяны были без вина,
Кровью степь напоена,
Вились пестрые знамена,
И звенили стремена,
Между тем видали люди:
Мать-старуха на верблюде
Степь звала на месть святую,
Разрывая в клочья груди,
Кровь горячая вскипала,
Рядом девушка дрожала.

«Замолчи, слепая ведьма!»—
Свора ханская кричала.
Волновалась степь, шумела,
Волчья стая песни пела,
Мать-старуха, степь родная,
О сынах своих скорбела.

21

У народа в час беды
Вспоминается батыр,
Он развязывает узел,
Опоясывает мир.
Опустив глаза понуро,
В обездоленных конурах
На земле чертили люди
Завещание Даура.
И смотрели люди косо
На угрюмые утесы.
Вот он спустится, вернется
Богатырь черноволосый...

22

Суранши в утесах жил,
Он с орлятами дружил.
Сердце барса в львином теле
Суранши родной носил.
Отчего там жить ему
На утесах одному?
Аль красавица степная
Не понравилась ему?
Рассказал в аулах ветер —
Все он видел, все заметил —
Неспроста в утесах место
Суранши себе приметил.
Ветер в песне рассказал,
Отчего в гнездовьях скал
Суранши, батыр народа,
Одинокий стан избрал.
Пастбищ он своих не знал,
Табуны султан забрал.
Коротки батыра руки,

Царь султану помогал.
В Уш-Коныре жил, как рысь,
Кочевал зимой в Арысь,
Но дорог таких не видел,
Чтоб у радости сошлись.
Был отцом его Каске,
Жил он вечно на песке,
Он во сне лишь видел травы
И мечтал о них в тоске.
Прадед — старый Карасай,
Прячась в норах, как лиса,
Проклинал судьбу кедея,
Ненавидел небеса.
К рабству черному привык
Он в ярме чужих владык...
И один был сильный в роде —
Был бесстрашный Саурык.
Люд степной его любил,
В сердце сокола носил.
Сын народа, сын батыров,
Саурык бесстрашен был.
Он, как русло горной речки,
Он, как выстрел без осечки,
Для казахов Улы-жуза
Он зимой теплее печки.
Если ветер загудит,
Он от ветра защитит.
Если буря налетает,
Он от бури верный щит.

23

На крутой скале ночуя,
Суранши смотрел тоскуя,
Как уходят без подвод,
На джайляу не кочуя,
Не укрыв себя чапаном,
Род Дулата, род Албана
Да Шапрашты забитый род,
Обворованные ханом...
Шел батыр с ружьем в каменья,
Он выслеживал оленя.
С вольным беркутом в охоте

Находил он утешенье.
А народ батыра ждал,
Он, измученный, стонал,
Он, врагами окруженный,
Покоряться не желал.
Будь — мечта его души —
Рядом смелый Суранши,
Затрещали бы султаны,
Как в пожарах камыши.
Для кого большая честь,
Кто найдется, чтоб отвезть
В скалы грозные к батыру
От родных аулов весть?
Кто найдет тропу к нему,
Миновав туман и тьму?
Кто взойдет на пик суровый,
Недоступный никому?

24

«Не поглотит нас река!
Сила есть еще в руках!» —
Говорили так в кибитке
Два седые старика.
Стынут слезы на песке,
И лежит рука в руке.
Поздно ночью ускакали
Карибоз и Мауке.
По неезженным увалам,
По безвестным перевалам
За посланцами седыми
Пыль густая подымалась.
«Если ехать напрямиком,
Не столкнуться бы с врагом,
Неравна борьба джигита
С поседелым стариком.
Орды хана здесь прошли.
Повернем коней к Или!»
Карибоз свернул, и кони
К голубой реке пошли!

В гнездах скал садилось солнце,
 Будет ночь. И вот предстали,
 Как суровые виденья,
 Мироздания камня,
 Скалы грозные, как крепость
 Тамерланова сиденья.
 Справа виден Кара-Бас,
 Слева — хмурый Жаланаш.
 Мауке сказал. «Здесь двери,
 Выйдет сокол, встретит нас!»
 Иноходцев расседлали,
 Ночью след в горах искали,
 Но ни шороха, ни звука
 На пути не услышали.
 И вели совет у скал
 Два седые старика.
 — Это пик Калмык-Ойгана?
 Да! Дорога нелегка!
 — Вот ущелье черных сайг!
 — Здесь джайляу — Карасай..
 — Там хребет с отсветом солнца
 Подымает небеса!
 — Мауке, родной, смелей,
 Это виден Кзыл-Кунгей,
 Это стойбище батыра.
 Мауке, седлай коней!..
 И долинами скакали,
 И хребты крутые брали,
 Чтобы стан найти батырский,
 Где мечты степей летали.
 Путь тяжелый позади,
 Сердце гулко бьет в груди,
 Вот он виден — стан батыра,
 Счастье видно впереди.

Распрямив крутые плечи,
 Суранши идет навстречу.
 И попадали с коней
 Два посланца Семиречья.
 Мокры бороды от слез.

Суранши ковер принес,
Львиный стан согнул. Дрожали
Мауке и Карибоз...
А батыр рукой могучей,
Достающей в небе тучи,
Обнимает стариков.
На крутой орлиной круче
С ними он в молчанье скал
О степях затосковал.
Видел он посланцев горе,
В их глазах укор читал,
Представлял свои долины
Без кровавых властелинов
И мечтал о том, чтоб лился,
Как река, напев акынов.
Знал он: степь батыра ждет
С окольцованных высот...
Был любимцем он в аулах,
Он, как жизнь, любил народ...
И рукой своей могучей,
Достающей в небе тучи,
Приласкал батыр отцов
На крутой орлиной круче.

27

Сел и снова загрустил,
Молча руки опустил.
Брови черные насупил
И седых гонцов спросил:
— Кто народ обидел мой?
Кто послал, отцы, за мной?
Кто осмелился нарушить
В горе найденный покой?
Осушив глаза от слез,
Тихо молвил Карибоз:
— Нас народ послал; а горе
Худояр с огнем принес.
Слышишь, степь тебя зовет!
Твой народ тобой живет.
Он родил тебя и холил —
Твой страдающий народ.
Он, голодный и раздетый,

Песней волчьей отпетый,
Ждет тебя в тревожный час,
Слышишь зов его, мой светоч?
Слышишь, сын мой дорогой,
Как одна страшной другой
За эпохою эпоха
Правят смерти черный той?
Видишь ханские законы?
Вместо песен, слышишь, стоны?
Съел медведя воробей,
Обратился волк в дракона!
Отравил колодцы враг,
Стал глухим узун-кулак.
Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Стонет степь от их грызни,
А народу в эти дни
И от дерева гнилого
Тени больше, чем от них.
Нашу кровь, как воду, льют,
Нашу землю продают,
На большом народном горе
Вырос войлок ханских юрт.
С ними вместе царь идет,
Пушки с грохотом везет.
Смотрят жерла этих пушек
На испуганный народ.
Стал народ царю игрушкой,
Стала хану степь подушкой,
Царь и хан друзья по крови.
Степь застыла перед пушкой,
Смотрит черная в лицо,
А вокруг врагов кольцо.
Кто сегодня непокорен —
Завтра будет мертвецом!
Царь дорогу нам дает
Собирать в степи помет.
Посмотри: ошейник царский
На себе несет народ!

Худояр в палатах ханских
Кровью пьян рабов кокандских,

Превратил в кокпар таджиков
На пирах Азрет-султанских.
Он хотел, как царь российский,
Быть владыкой орд каспийских
И владеть с Орманом вместе
Даром выпасов илийских.
Знал блудливый этот хан:
Не изменит друг Орман;
Утопив в крови киргизов,
Золотой он сшил чапан.
Лютым бешенством объята
Худояровы солдаты,
Кровью налиты глаза
У разбойников богатых.
Степь слыхала этот вой:
Шли шакалы на разбой,
Как собаки, чуя мясо,
Жгли аулы за собой.
Меж Алтаем и Арысью
Кони их горячей рысью
Загоняли люд степной,
Загоняли в нору лисью.
Разве думать о коне?
В небе дым. Земля в огне,
Как трава, легли казахи
На своей же стороне.

29

В день тяжелый тяжек мир.
Сыпатай, степной батыр,
Бросил степь и скрылся где-то
На отрогах Сар-Кемир.
Степью шел голодный волк,
Сыпатай-батыр умолк.
Испугался он пришельцев,
Променил кошму на шелк.
Низко, густо шли туманы...
Племя длинного аркана
Узкой тропкой побрело.
Опасаясь мести хана.
Суранши народ зовет:
«Ты готовь коня в поход,
Ты избавь, батыр, от ханов
Свой ограбленный народ!»

В гневе грозном Суранши.
 Он поднялся с алаши,
 Он, как беркут в пору злости,
 С волком встретиться спешил.
 Острый взор горел огнем,
 Бушевала сила в нем.
 И земля дрожала глухо
 Под оседланным конем.
 На крутой вещун-горе
 В нетерпении горел,
 Сотрясая Алатау,
 Звал своих богатырей.
 Звал Андаса, Туматая,
 Звал батыра Шымырбая,
 Звал джигита Нар-Боту —
 Сына снежного Алтая.
 Он друзей отважных звал
 И кольчугу надевал.
 Он в ружье подарки смерти
 Торопливо забивал.

Кони потные храпят,
 Пики острые блестят,
 Триста воинов к батыру
 На могучий зов летят.
 И сигнал к походу дан,
 Мчит батыр на Чемолган.
 «Выходи на поединок
 Из шатра, трусливый хан!»
 Виден стан врага вдали,
 Баи столько привели
 Волчьих орд, что на Кемете
 Не хватило им земли.
 — Суранши, не в добрый час
 Ты повел на битву нас.
 Нашей силы здесь не хватит,—
 Робко вымолвил Андас.
 — Не управиться с врагом...
 Если бросить пыль в него,

То не хватит даже пыли —
Тысяча — на одного,
Зуб у нас еще тупой,
Мы, как мышшь, перед горой,
Разве выкопать колодец
На крутой горе иглой?

32

Суранши побагровел.
Малахай лежит в траве,
Поднялася тюбетейка
На батырской голове.
Меч блеснул, как волчий клык:
— Придержи, Андас, язык,
Не тебе ли знать, как с трусом
Я беседовать привык.
Нет преград для бегунца,
Страха нет для молодца.
Если ты рожден батыром —
Будь батыром до конца.
Разве войско хан ведет?
Разве сила с ним идет?
Сила там, где за джигитом
Подымается народ.
Я на ханскую орду
Против тысячи пойду,
Я клинком своим горячим
Счет батырский поведу.
Станет хан тогда кояном,
Я ворвусь к нему сыртаном,
И, как тысяча ворон,
Разлетится войско хана.
Кровью он залил страну
И слезами захлестнул.
Стали куклами у беков
Наши девушки в плену.
Тот джигит, кто за народ
В битве сердце отдает.
Трус пощады не дождется,
Богатырь найдет почет.
Мой отец — народ родной,

Мать родная — степь — со мной,
И за них я кровь по капле,
Вздох отдам последний свой!

33

В этот день с Сибирь-земли
Девять беглых в стан пришли,
Восемь русских и татарин,
Девять ружей принесли
Их привел с Уральских гор
Рудокоп седой Егор.
Суранши гостям неожиданным
Расстелил в шатре ковер
И спросил:— Не от беды ль
Забрели в степной ковыль?
Вы не сбились ли с дороги,
Вы не спутали ль следы?
— Нет, батыр, не сбились мы,
Мы бежали из тюрьмы.
Из тюрьмы уральской царской,
Из глухой таежной тьмы,
А в далекой Актюбе
Мы узнали о тебе
И пришли помочь, как братья,
Мы твоей святой борьбе.
Обнимал батыр друзей,
Он седлал для них коней.
«На лихом ахалтекинце
На врага идти верней!
Ночью вдвое больше страх.
Ночью хитростью возьмем
Войско ханов ненавистных.
Победим или умрем.
План, друзья мои, таков:
На горах немало дров,
Пятьдесят моих джигитов
Разведут пятьсот костров.
Пусть Ормана бросит в жар,
Пусть трусливый Худояр,
По кострам считая силы,
Будет ждать со скал удар.

Но... не все еще в кострах —
Ночью вдвое больше страх.
Мы обтянем свежей кожей
Двадцать два пустых ведра.
Двадцать два моих сырттана
Пусть ударят в барабаны,
Чтобы дрожь пошла по шкурам
Худояра и Ормана.
Вы ж, друзья, из-за бугра
Гряньте русское ура!
Гряньте, чтобы долетело
До султанского шатра.
Ночь в степи не подведет,
Хан халаты подберет,
Хан подумает, что это
Войско русское идет.
И тогда на Ак-Туяк
Хану в тыл ударю я,
Чтоб летели малахай
С худояровых вояк!»
Суранши недосказал,
Закипела в нем гроза,
Как разбросанные угли,
Гневом искрились глаза.

35

Выплыл месяц молодой
С путеводною звездой.
Солнце мутное садилось
В раскаленное гнездо.
На закат батыр взглянул
И подпруги подтянул.
Взял клинок тяжелый в руки,
На друзей своих взглянул,
Выпил чашку кумыса,
И, как беркут в небеса,
Был готов взлететь,
Чтоб видеть
Горы, степи и леса.
А когда сгустился мрак,
Он сказал:— Друзья, пора!
Дал сигнал, и запылали

Скалы черные в кострах.
 С гиком бросился батыр
 На врага из темноты.
 Разбегались часовые,
 Сберегая животы.
 Потерял рассудок хан,
 Бьет тревожно барабан.
 Бросил друга Худояра
 Перепуганный Орман.
 Алатау весь в кострах,
 Худояра давит страх:
 «Это войско, тысяч двести,
 Там раскинулось в горах!»
 Хан трепещет, ждет беду,
 Будит он свою орду.
 Ни коня, чтоб в бой лететь,
 Ни одежды, чтоб надеть,
 Ни ружья, ни острой пики
 Он не может разглядеть.
 Верных слуг не видит он,
 Шум ночной со всех сторон
 Оглушает Худояра,
 И бежит в испуге он.
 Как бараны на песках,
 Стонут ханские войска...
 Суранши ведет джигитов
 На лихих аргамаках.
 Он, как первый гром, гудит,
 Он, как молния, разит,
 Вихрем грозным он летит,
 Все сметая на пути.

Часть вторая

1

Скакуном в степях резвясь,
 Солнцем в зной воспламенясь,
 Я, Джамбул, продолжу песню,
 Светлой думой вдохновясь.

Мчусь весенним ветром я,
Снег в мгновенье плавлю я,
Как веслом, что режет волны,
Так домброю правлю я.
Борода моя, как шелк,
Девяносто дней я шел
Иноходцем к состязанью,
Славу я в байге нашел!
Слово мудрое народ
На весы ума берет,
Пустота наверх уходит,
Слово в глубь сердец идет!
В песнях я не иссякал,
Ураганом пролетал,
Я алтайским самородком
На дождях весны сверкал.
Песни я свои несу
О батырах Джетысу,
Этих песен нет милее,
С чем сравню я их красу?
В битвы мой батыр ходил,
В битвах славу находил,
Он клинок точил о камень,
Он с плечом сункара был,
Со стальным копытом был
И на кручах не скользил.
Три подъема без одышки
Он, упрямый, проходил.
Он бесстрашен и велик,
Он поэм моих родник.
Богатырь мой в спорах смелых
Покоряться не привык.
Он — начало дум моих,
От него веду я стих.
Майтюбе, батыр мой краше
Светлых родников твоих!

2

Был налет батыра яр,
Хан Орман и Худояр
Лето целое лежали —

Был о них плохой хабар.
Дни в молчанье пролетали,
Беки глухо зароптали,
Хану молвили они:
— Ты бы, хан, с постели встал,
Ты коня бы оседлал,
Ты б. своим манапам верным
Собираться приказал.
Вмиг мечи отточим мы,
На тулпаров вскочим мы,
Разве, лежа на лопатках,
Власть твою упрочим мы?
Слух плохой до нас дошел —
И Кебек и Нарынкол
За казаха встать готовы.
Свата там казах нашел.
Ты манапов собери,
С ними ты поговори,
Чапанами, скакунами
Ты манапов одари,
Пусть, довольные тобой,
Возвращаются домой,
В Нарынколе и Кебеке
Пусть народ подымут свой.
«На казахов налетим,
Мы казахов победим!»—
Так в степях манапы скажут,
Не жалея подарков им.
Ты бузы им не жалея,
Чтобы было веселей.
Созови ходжей, ишанов,
Керсени полней налей.
Ты святым отцам вели,
Чтоб манапов развлекли
Сказами о предках наших,
Повелителях земли.
Сам же время не теряй,
Войско быстро собирай,
Осквернить себя при жизни
Ты врагу не позволяй.
Ты батыру Суранши
В степь посланье напиши.
Пусть он смелую загадку,

Не задумаясь, решит.
Ты батыра вызывай:
«Коль мужчина — приезжай,
Если ж бабе ты подобен,
Живота не утруждай!»

3

Ставка ханская ждала —
Гости едут с Миргала,
Из степей Жалалабада...
По дорогам пыль пошла.
Дар манапы хану шлют,
Еле движется верблюд,
От поклажи горб согнулся,
Великан от злобы лют.
Едут баи из Арки
Толстые, как турсуки.
Принимает хан подарки —
Кошмы, деньги, сундуки.
Беки гонят табуны,
Хан готовит казаны.
Э-э, на тое ханском гости
Будут сыты и пьяны!
Синий дым ползет кругом,
И трепещут под ножом
Шелкогривые двухлетки,
Вскормленные молоком.
Мясо варится в котлах,
С кумысом хмельным пошла
По рукам гостей дородных
Круговая пиала.
Кумыса один глоток
Даже бая валит с ног.
Свеж кумыс, густые сливки
Сладки, как урючный сок.
Быть на тое ханском честь.
И охотников поесть
Столько съехалось, что места
Не хватало, чтобы сесть,
Льются реки кумыса,
Льется крепкая боза,
У гостей от угощенья

Затуманились глаза.
От веселья далеки,
Пели песню старики.
Соловьи-акыны пели
Песню горя и тоски.
Подымаясь, как волна,
До сердец дошла она,
И кончалась эта песня
Словом горестным — война!
Э-э, киргизы любят мир,
Э-э, джигит, взгляни на мир:
Не к добру у всех манапов
С их бород стекает жир.
Выжидали муллы час
Совершить святой намаз,
Тасбихи в жемчужных корках
Заблестели, как алмаз.
Хану честь они продав,
Ноги под себя поджав,
На резню народ толкали,
К небу бороды задрал:
«Кто от пуль врага умрет,
Тот в раю удел найдет.
Кто живым из битвы выйдет,
На земле тому почет».
Э-э, джигит, узнай обман,
Хитрый пир задумал хан...
На резню тебя толкает
Вместе с ханом и коран.
Порешил манапский той
Собирать полки на бой.
К Суранши с гонцом отправил
Хан коварный вызов свой.

4

«Не батыр, а баба ты,
Как теленок, слабый ты,
Ты капир — не мусульманин,
Осквернил аллаха ты!
Ты разбойников собрал,
Ты слугой урусов стал.
Укрепился в Алатау
И последним трусом стал.

Докажи нам делом ты,
Что от роду смелый ты,
Что батыр ты, а не баба —
Честь найдешь уделом ты!
Чтоб не мучить нам коней,
Приежай ты сам скорей.
В стане ты у нас увидишь
Истинных богатырей.
По-батырски смерть встречай,
Голову свою склоняй,
Отруби ее, дурную,
И на месте нам отдай...»
Так писал седой Орман,
Оскорбил батыра хан.
Приказал батыр джигитам
Собираться на котан,
Он советоваться стал,
Он друзьям своим сказал:
«Никогда народ любимый
Я беде не подвергал.
Хан позор задумал смыть,
Старый вор пришел травить
Нас, казахов и киргизов, —
Никогда тому не быть!
Сборы долги ли в поход?
Я пойду — народ пойдет,
Только буду ль я батыром,
Утопив в крови народ!
Больно мне и тяжело,
Но готовлю я седло.
Я один поеду к хану
Без джигитов и послов.
Не поеду — он пойдет,
Степи кровью он зальет.
Он детей налетом волчьим
Под копытами сомнет.
Скажет мой народ тогда:
«Суранши, идет беда.
Ты Ормана испугался,
Ты родной народ предал,
Стал беде виною ты,
Нам не стал стеною ты,
Трусом был, а не батыром,

Выходя войною ты,
Я возьму свою камчу,
К хану я один помчу.
Слышать стон родных аулов
Я в долинах не хочу.
Если мне идти войной —
Для народа груз двойной,
Степь отдаст коней любимых,
Потеряет свой покой.
Собираясь в поход,
Я возьму в аулах скот.
Разве скажет мне спасибо
Обездоленный народ?
Я один к врагу пойду,
Я народ не поведу.
В поединке с Орман-ханом
Правду я свою найду.
Степь поднимет честь мою,
Будет хан в бессилье лют,
А мечом с манапской сворой
Я один поговорю».
Несговорчив Суранши,
Будет так, как он решил.
К встрече с ханом за Курдаем
Суранши родной спешил.
Бозкаску батыр поймал,
Нож блеснул, баран упал...
Головой его батыр мой
Аксакалов угощал.
Ак-туяка он седлал,
Он в карманы малта брал,
Брал мешок овса в дорогу
И кольчугу надевал,
Молча пику брал свою,
Корамсак вязал к ремню,
Боевыми стремями
Он бока сжимал коню.

5

Ак-туяк стрелой летел,
Суранши в седле сидел,
Как голодный волк, согнулся,
Ветер сзади лишь свистел.

Пика режет синий дым,
Спорит с яркостью звезды,
С расстояньем, что по счету
Равно дню лихой езды.
Эхо грозное гудит,
В страхе враг в горах лежит,
Суранши родной, как беркут,
По степи стрелой летит.
Алатау позади,
Мчится Суранши один...
На вершину Каражола
Вышли ханские кади.
С войском хан батыра ждет,
Весть ему гонец везет:
«Свой народ батыр жалея,
На тебя один идет.
Он киргизам друг и брат,
Ты киргизам первый враг.
Кто клеветает на батыра,
От того не жди добра».
Слово правды хана жгло,
Вынул меч он тяжело,
И у ног его холодных
Сердце пылкое легло.
За правдивые слова,
Как под молнией трава,
С плеч бесстрашного джигита
Покатилась голова.
Призадумались полки,
На могучего батыра
Не поднял народ руки.
Восемь тысяч хан собрал,
Обманул и запугал,
А за час до ратной встречи
Восемь сотен насчитал.
Душат хана гнев и страх,
Не горит огонь в кострах,
В степь разъехали джигиты
На своих аргамаках...
Лишь одни манапы ждут,
Малахаи лисьи мнут.
Солнце скрылось за холмом,
Заклубилась пыль столбом,

Мчится витязь одинокий,
Конь храпит под седоком.
Блещет пика, как огонь,
Под рукою у него.
Стыдно стало и манапам:
Восемьсот на одного!
Меч у хана обнажен,
Хан войсками окружен,
Миргалимские владыки
У своих стоят знамен...
Стременами он звеня,
Осадил вдали коня.
«Я — батыр степей казахских...
Хан, ты звал к себе меня?—
Молвил смелый Суранши,—
Я на вызов твой спешил,
Я, рожденный для народа,
Встретиться с тобой решил.
Я слугой твоим не стал,
Голову я не склонял,
Я тебя, кровавый ворон,
Никогда не уважал.
Чтобы свой турсук набить,
Ты задумал степь спалить,
Ты казахов и киргизов
Вздумал не к добру стравить.
Кровь народную ты пил,
Степь в крови ты утопил,
Сколько ты голов невинных,
Ненавистый, отрубил.
От тебя, вершины бед,
Как от волка, пользы нет,
Ханскою поганой кровью
Будешь ты держать ответ.
Не кумыс я ехал пить,
Ехал меч я обнажить.
Отточил его, чтоб лучше
Голову твою срубить.
Ты не хан, а трус и вор,
На тебя смотрю в упор,
За народ свой рассчитаться
Я мечтаю с давних пор.
Я — родных степей батыр,

Поднимай же лапу ты,
Выходи на поединок
Без своих манапов ты!»

6

Хан испуган, как щенок,
Слова он сказать не мог.
Призадумались беки:
Час расплаты недалек,
И, как тучи на ветрах,
Разъезжались от шатра.
Хаң, встревоженный, остался
У потухшего костра.
Он движеньем бороды
Подав знак, и от орды
На коне горячем, черном
Отделился богатырь.
Это был Бокан-герой,
Он чапан откинул свой,
Рукава заткнул за пояс,
Поднял знамя над собой,
Спину он согнул дугой,
Был в седле, как дуб кривой,
Он в руках своих могучих
Сжал тяжелый щит стальной.
Пикой в сердце целил он.
И в победу верил он,
Суранши презренным взглядом,
Подъезжая, смерил он:
«Бойся, Суранши, меня,
Я собью тебя с коня.
Ты, проклятый, свою душу
Будешь долго догонять.
Мало жить тебе дано,
Мне б убить тебя давно,
Ты, как перекасти-поле,
Как в крутой волне брено!
Силу ты узнай мою.
Как нечистую змею,
Острой пикой богатырской
Я тебя к земле пришью.
С давних пор я часа ждал,

Чтобы ты меня узнал!»
Так сказав, Бокан к батыру
В черной пене подскакал.
Как вершина Куртыбас,
Не спуская с пики глаз,
Смелым, статным и могучим
Был батыр в последний час.
Как мороз, он был суров,
Грудью львиною здоров,
Он Бокана даже мухой
Не считал в орде врагов.
Пику он не наклонял,
Палец он большой поднял
И Бокан, как от удара,
Круто осадил коня,
Конь поднял копыта ввысь.
«Э-э, Бокан, себя стыдись,
Если ты остановился,
То скорей домой вернись.
Ты поправься животом,
Стал ты мышью, я — котом.
Ты силен лишь языком.
Бойко ты меня ругал,
Ты меня не испугал.
Не хватало, чтобы пику
Я в крови твоей марал.
Знайте вы, худой Бокан,
Байтекей и Байтуган,
Снова я бросаю вызов,
Мне нужны не вы, а хан!»

7

Мчался первым Байтуган,
Он кричал: «Ты трус, Бокан!
Зуб у мертвого острее.
Ты боишься одного,
Дай, разделаю его,
Я возьму его на пику,
Раздавлю его ногой!
Суранши, послушай, эй!
Разве ты меня сильнее!
Не один я еду, рядом

Едет смелый Байтекей.
Знает ханская орда:
Первый я у ней всегда.
Ты батыр, я в битвах тоже
Хуже не был никогда.
Как и ты, я всюду смел,
Щит от крови не темнел,
Только я иду за хана,
Ты ж на хана налетел!
Но сбылись мои мечты,
Ненавистный, рядом ты,
Помнишь, бороду отрезал
Ты манану Торгельды...
И тебя ли мне жалеть,
Ты за бороду ответь,
Смерть сама тебя пригнала —
Здесь тебе и умереть.
Нет горы, к которой я
Не прошел в седле коня,
Нет врага, который в битве
Уходил бы от меня.
Вырву душу я твою,
Не с такими я в бою
Силой грозною тягался.
Сердце я твое пробью!
Кенесары я убил
И его в земле сгноил,
Не клинком ли Темирбая
Горло я ему пронзил.
Хану верно я служил,
Уваженье получил.
Кенесары — вор, он смуту
В наши степи приносил:
Был он зверем из зверей,
Убивал моих детей,
Он с землей ровнял могилы
Управителей степей...
Сыпатай тогда непрочь
Кенесары был помочь,
Байузак-батыр с позором
Убежал, как вечер в ночь.
И аргынец Агибай
И табынец Бухарбай —

Все бежали. Жал на пятки
И истынец Бугибай.
Хан киту подобен был,
Нос о камень он разбил,
А шатер его сожженный
Кизяку подобен был...
Кто же равен в силе мне?
Кто в бою бывает злей?
Славное мое деянье
Бог одобрил на земле!»
Хан не терпит — в гневе он,
И раздался звон стремян;
На батыра налетели
Три манапа с трех сторон.
Не укрылся за щитом
Байтуган в бою крутом,
Как хорек, упал на землю
С переломленным хребтом.
Пика в грудь ему вошла,
Кровь густая потекла.
Два манапа иноходцам
Опустили удила.
Побелевший видит хан:
Поражен батыр Бокан,
Он упал коню на гриву,
Обессилевший от ран.
Хан на помощь поспешил,
Ветер знамя распустил.
Сто манапов окружили
Волчьей стаей Суранши.
Разразилася гроза,
Раскалилася найза,
Раны острые горели,
Заливала кровь глаза.
Суранши неодолим,
Счет ведет с врагом своим.
В спину ханскую вонзилась
Пика, брошенная им.
Свежих сил запас иссяк,
Чует верный Ак-туяк,
Как сайга он закружился,
Не дает пробиться враг.

Вдруг ударил гром в горах,
Охватил манапов страх.
Мчат джигиты Алатау
На своих аргамаках.
Бьет походный барабан,
Задрожал от страха хан.
Бурей русский — друг батыра —
Налетел на ханский стан.
Он врагов батыра смял,
Он голов немало снял.
Из кремневых грозных ружей
Он манапов поливал.
Здесь немногие спаслись,
Еле ноги унесли,
Еле раненого хана
С поля битвы унесли.
Хану не помог и бог,
Рану залечить не мог.
Дни бесславно он закончил,
Кровью черною истек.
Так закончилась война
В те глухие времена.
Суранши вернулся в горы,
Отзвенели стремяна.
Он, как беркут, смелый был,
Он народу послужил...
И народ его с почетом
В Алатау схоронил.

КОММЕНТАРИИ

«Жалоба» («Шағым»). Это первая по времени из дошедших до нас импровизированных дореволюционных песен Джамбула. Она сложена примерно в 1859 году. В это время отец Джамбула Джабай отдал мальчика в учение к мулле. Но Джамбул не стерпел скучных уроков невежественного муллы, постоянных побоев и убежал из аула своего учителя. Когда отец Джамбула Джабай захотел снова отвезти мальчика к мулле, Джамбул сложил эту песню.

Записал текст песни со слов Джамбула в 1941 году Г. Орманов, перевел на русский язык П. Кузнецов.

«Отцу» («Әкеме»). Песня посвящена отцу Жабаю (Жаке). Молодому Джамбулу не нравятся некоторые неприязательные поступки отца. Дальнейшее призвание свое он видит лишь в поэтической импровизации.

Записал текст С. Бегалин. Перевел Т. Иргайлин.

«Стихотворцу Омару» («Өленші Омарға»). На одном из тоев стихотворец Омар бахвалится, что начнет айтыс только с Джамбулом. Джамбул приводит его в чувство тут же этим посвящением.

Текст взят из рукописного фонда Государственного литературного музея Джамбула. Публикуется в переводе Т. Иргайлина.

«Сарыбаю» («Сарыбайға»). По словам Джамбула, он сложил эту песню примерно в 1865 году по следующему поводу. Старшина подрода Еркей рода Шапрашты бий Сарыбай Андосов прослышал об акыне Джамбуле и пригласил его приехать к себе в аул. Приглашая Джамбула, Сарыбай сказал ему: «Мой светик, говорят, что ты стал акыном. Я не верю слухам. Хочу сам послушать, как ты поешь и играешь. Приезжай и спой нам». Тогда Джамбул в ответ тут же сложил свою песню.

Записал казахский текст Г. Орманов, перевел на русский язык П. Кузнецов. Джамбул рассказывал Г. Орманову, что песня была гораздо больше, но он позабыл остальное.

«Акыну Жанысу» («Жаныс ақынға»). Около 1866 года Джамбул должен был встретиться с одним акыном Жанысом (Семиречье). До встречи с ним Джамбул вышел победителем из айтыса с акыном Шыкаем рода Шыбыл. Когда Жаныс стал вызывать Джамбула на айтыс, Джамбул в свою очередь вызвал его этой поэтической импровизацией. Но не получил ответа.

Песня была записана со слов Джамбула Г. Ормановым. Перевод П. Кузнецова.

«Табунщик» («Жылқышы»). Эту песню Джамбул сложил примерно в 1870 году, когда был табунщиком. Один из его товарищей попросил Джамбула сложить песню про табунщика. Этот товарищ Джамбула заучил песню наизусть, а потом в письме послал ее своей невесте.

Текст песни написал от Джамбула Г. Орманов, перевел А. Брагин.

«Девушка Камшат» («Кэмшат кыз»). В 1876 году во время своих поездок по аулам Джамбул заехал в месторасположение родов Кунту и Кокрек. Там в ауле бая Керима Джамбул встретился с дочерью бая красавицей Камшат. Камшат слыла хорошим акыном, была избалована славой. Она пренебрежительно отнеслась к неизвестному ей Джамбулу. Живя в ауле Керима, Джамбул узнал обо всех тайнах Камшат и перед отъездом в импровизированной песне высказал все, что думал о девушке.

Со слов Джамбула песню записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Вечное создание красоты...» («Сыртың бір сулу жан екен...»). Это песня — продолжение импровизации Джамбула, обращенной к Камшат. Песня была сложена тотчас же вслед за первой.

Г. Орманов записал ее со слов Джамбула, перевел П. Кузнецов.

«Погоня» («Куғын»). Эту песню Джамбул сложил, по-видимому, осенью в 1878 году. Повод для ее создания был таков: из табуна, который пас Джамбул, пропала пара лошадей. Разыскивая их, Джамбул, даже приехал в Киргизию. После бесполезных поисков Джамбул описал свои беды и скитания в этой песне.

Песню записал Г. Орманов, перевел А. Брагин.

«Шабдену» («Шэбденге»). Зимой в 1879 году от джута пал скот казахов рода Шапрашты. Остался без скота и Джамбул. Чтобы раздобыть хоть немного овец и лошадей, Джамбул поехал в Киргизию. Там он заехал в аул богатейшего манана Шабдена и пропел ему эту свою песню-просьбу.

Когда Г. Орманов со слов Джамбула записывал текст песни, акын сказал: «Эту песню я пропел, как только завидел Шабдена». Перевел на русский язык П. Кузнецов.

«Доля бедняка» («Кедей күйі»). В 1879 году аулы рода Шапрашты постиг джут. Пал от бескормицы скот, народ голодал. Голодал и Джамбул. В этот тяжелый год и была сложена акыном песня о доле бедняка. Эту песню Джамбул посвятил своему дальнему родственнику Калкабаю, который во время джута стал нищим.

Со слов Джамбула записана Г. Ормановым, переведена П. Кузнецовым.

Кара-Тас и Узун-Агач — местности, где были расположены аулы рода Шапрашты.

«Сырттану» («Сырттанга»). В 1880 году в городе Верном Джамбул выступал перед старшинами рода Найман Среднего жуза, приехавшими в Верный к казахам Старшего жуза. Среди гостей были богачи Маман, Есимбек, Танеке. В стороне от них держался еще один гость — батыр Сырттан из рода Кулшан Среднего жуза.

В этой импровизированной песне, с которой Джамбул обратился к гостям, акын воспел Сырттана за то, что тот отдал учиться своих сыновей Барлыбека и Турлыбека.

Богачи Среднего жуза не любили Сырттана, пренебрежительно относились к нему. А Джамбул, желая одобрить поступок батыра, пропел ему: «Когда сыновья твои достигнут желанного, ты избавишься от злости врагов».

Сырттана насильственно переселили в Капал. В Капале Сырт-

тана продолжал теснить уездный начальник Эренталь. Сырттан ударил Эренталья, за что снова был выслан. Поэтому Джамбул пропел о непокорности Сырттана чиновникам.

Песню со слов Джамбула записал Г. Орманов, перевел К. Алтайский.

«Мамбету» («Мамбетке»). В 1881 году Джамбул долго жил в роде Ботпай. Там он часто ездил в аул бая Мамбета. Однажды, пробыв у Мамбета шесть дней, он сложил там много песен. Все слушатели высоко оценили эти песни. Мамбет радовался, что в его ауле сложил много песен известный акын. Потом Джамбул уехал. Мамбет в свою очередь решил посетить акына. Увидев, что аул Джамбула беден, Мамбет пробыл в гостях недолго. Вернувшись домой, он стал повсюду распространять слухи о бедности Джамбула. Услышав о сплетнях Мамбета, Джамбул на одном большом сборище сложил песню, в которой обличил спесивого бая.

Песню записал Г. Орманов, перевел Д. Снегин.

«При избрании Сата» («Сэт сайланарда»). Эта песня сложена Джамбулом примерно в 1891 году. Волостной управитель Сат Ниязбеков из рода Дулат собирался баллотироваться на второй срок среди выборщиков родов Узын-Каргалы. Капальские казахи были против вторичного избрания Сата на должность волостного. Джамбул тоже был противником этого дела и выступил со своей импровизированной песней на сборище каргалинских и каскеленских казахов.

Песню от Джамбула записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Тлемису» («Тілеміске»). В 1896 году на пути в Киргизию Джамбул остановился в ауле батыра Ногайбая из рода Каскарау. Там он встретился с другим батыром Кебекбаем. По его просьбе Джамбул спел песню. В ней он воспел акына Тлемиса, известного певца Семиречья XIX — нач. XX века, своего друга. Тлемис слыл одним из самых остроумных акынов-сатириков в Джегьёсу.

Песню записал от Джамбула Г. Орманов, перевел А. Брагин.

Абышка» («Әбішке»). Когда в 1897 году Джамбул ездил в Киргизию, он побывал в ауле Мамбетали. Эту песню он посвятил одной из девушек из аула Мамбетали, которую просватали за 55-летнего старика. Девушка, увидев Джамбула, прозвала его в насмешку «Абышка», что по-киргизски означает: «старик», Джамбул отплатил ей своей песней.

Записал песню Г. Орманов, перевел А. Брагин.

«Про Манке» («Мәңке туралы»). Эту песню Джамбул сложил в 1900-м году. Во время поездки у Джамбула угнали коня. Он подозревал в краже некоего Каржау из рода Байтлес. Волостной управитель Манке держал руку байтлесовцев, потому что они давали ему больше взятки. И в этом случае Манке стал на сторону Каржау, не поддержав Джамбула. Тогда акын сложил обличительную песню.

Песню записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

В предыдущих изданиях Джамбула песня эти печаталась под названием «Манке».

«Будь гражданином» («Артыкша туған азамат»). Текст песни взят из рукописного фонда Государственного литературного музея Джамбула и является как бы наказом для молодежи.

Записал Г. Орманов. Перевел Т. Иргайлин.

«Шалтабау» («Шалтабайға»). На одном из сборищ в 1905 году этой песней Джамбул обличил волостного управителя Мырзабекской волости, Верненского уезда, Шалтабая Кудайбергенова. Шалтабай Кудайбергенов — один из богатейших баев Семиречья, имущество и скот которого были конфискованы в 1928 году.

Песню записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«К Кали» («Қалиға»). В 1909 году Джамбул ездил в аулы Алимкула, которые располагались в песках Сары-тау, как и ряд других аулов рода Уйсун. На обратном пути Джамбул заехал в аул Кали Ордабаева, кочевавший на побережье реки Курты. Кали попросил Джамбула сложить песню, тогда Джамбул пропел свою импровизацию, где утвердил свое достоинство акына и бедняка.

Со слов Джамбула песню записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Кокиму» («Көкімге»). Эта обличительная песня сложена Джамбулом в 1911 году при избрании старшиной рода Екей бая Кокима Майкина.

Песню записал Г. Орманов, перевел А. Брагин.

«Нужна народу справедливость» («Әділдік керек халыққа»). Обиженный на базаре в Узун-Агаче насмешками со стороны байских приспешников сложил Джамбул эту песню. Текст песни дается с сокращением в переводе Т. Иргайлина.

«Собака бая Кадырбая» («Кәдірбайдың тобеті»). Время создания этой песни неизвестно. Поводом, как явствует из текста самой песни, было желание бая Кадырбая быть прославленным акынами. Кадырбай собрал акынов и заставил их воспевать себя и свои богатства. А Джамбул вместо славословий сложил песню, в которой пес бая показан лучшим, чем его хозяин.

Текст записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Завещание» («Өсиет»). Эта песня была пропета Джамбулом в 1901 году в горах Бес Мойнак на асе — поминках по Самбету. На асе съехались казахи из Верного, Аулие-Ата, Киргизии. В своей песне Джамбул показал, чем Самбет заслужил память о себе.

Акын говорил Г. Орманову, записавшему от него песню, что это только часть большого жоктау (плача) о Самбете. На русский язык песню перевел П. Кузнецов.

«Черный указ» («Патша эмірі тарылды»). Эта повстанческая агитационная песня сложена Джамбулом в июне 1916 года, когда он узнал об указе о мобилизации казахов на тыловые работы.

Песню записал Г. Орманов, перевел А. Жовтис.

«На выставке» («Өстепкеде»). В 1913 году в Верном по случаю 300-летия дома Романовых была устроена выставка. На нее съехались казахи родов Уйсун, Найман, приехали и киргизы. Среди приехавших было много акынов, музыкантов и других представителей народного искусства. Осмотрев выставку, Джамбул сложил песню, где осмеял старшин Уйсун и Найман, подхалимствующих перед начальством.

Песню записал Г. Орманов, перевели А. Брагин и П. Кузнецов.

В настоящем издании печатается перевод А. Брагина.

«Песня гневного сердца» («Зілді бұйрық»). Эта повстанческая агитационная песня также сложена Джамбулом в 1916 году.

Лицо, осуществившее запись песни, неизвестно. Перевел песню А. Жовтис.

«Айтыс с Айкумыс» («Жамбылдың Айкүміспен айтысы»). В 1871 году Джамбул полюбил девушку Бурым и похитил свою возлюбленную из аула ее отца. Бий рода Шапрашты Сарыбай Айдосов потребовал, чтобы Джамбул вернул девушку, так как она уже «вдова», ибо за нее уже уплатили калым. (Хотя жених ее умер до свадьбы, девушка считалась вдовой и должна была выйти замуж за человека из того рода, из какого происходил ее жених). Покорившись обстоятельствам, но в душе не смирившись, Джамбул отправляется в дальние аулы. Во время этой поездки в аул Мырзабека между Джамбулом и девушкой-акыном Айкумыс состоялся айтыс. Айкумыс тоже выдавали за нелюбимого. Поэтому в их айтысе одной из важнейших является тема несчастья молодых девушек, которые не могут выйти замуж за любимого.

Лицо, записавшее текст песни, неизвестно. Перевел песню П. Кузнецов.

«Дочери Болека» («Бөліктің қызының Жамбылмен қағысуы»). Возвращаясь из рода Жалайыр, Джамбул повстречал кочевку бая Болека из рода Багалы. Увидя нарядно разодетую дочь богача Болека, Джамбул вступил с ней в шуточный айтыс. Девушка также ответила шуткой. Но мать ее суровым окриком прекратила их состязание.

Текст записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Знакомство Джамбула с акыном Бактыбаем» («Жамбылдың Бактыбай ақынмен танысуы»). Айтыс был опубликован в 1946 году в полном собрании сочинений Джамбула Джабаева. Со слов Джамбула его записал Г. Орманов, перевел Т. Иргайлин.

«Из айтыса с акыном Сары» («Жамбылдың Сары ақынмен қағысуы»). Примерно в 1875 году Джамбул повстречался с акыном Сары из рода Сары-Уйсун. Джамбул так рассказал своему литературному секретарю Г. Орманову о встрече: «Это было на джайляу Улкен-саз, где кочевал аул Сарыбая Айдосова — бия рода Шапрашты. Сары специально приехал повидаться с Сарыбаем. Я был при их встрече. Поздоровавшись, Сары начал критиковать Сарыбая. Сарыбай растерялся, и я ответил за него». В своей песне Джамбул напомнил Сары о Суюмбае — прославленном акыне рода Шапрашты, состязание с которым Сары было не под силу.

Текст записал Г. Орманов, перевел А. Жовтис.

«Встреча с Майкотом» («Майкотпен дидарласу»). Майкот — один из крупных акынов айтыса XIX века. Впервые текст встречи был опубликован в полном собрании сочинений Джамбула в 1946 году. Перевел Т. Иргайлин.

«Айтыс Джамбула с Кулмамбетом» («Күлмамбет пен Жамбылдың айтысы»). Как передают со слов Джамбула его ученики-акыны, в 1881 году Джамбул приехал на ярмарку, которая была раскинута на берегу Или. На ярмарку съехалось много акынов. Среди приехавших был виднейший акын Семиречья Кулмамбет. Рассказывали, что он победил девять акынов, состязаясь с ними, в айтысе. Кулмамбет услышал про Джамбула и захотел состязаться с ним. Он попросил одного из устроителей ярмарки богача Кудай-

бергена вызвать Джамбула. Джамбул приехал, вступил в айтыс с Кулмамбетом, победил его и завоевал славу самого видного акына Семиречья.

Кулмамбет происходил из рода Албан. Известны его айтысы с Тубеком и Майкотом.

Текст записан от ученика Джамбула акына Умбетали Карибаева, который выучил айтыс со слов Джамбула. Перевел айтыс М. Тарловский.

«Айтыс Джамбула с Досмагамбетом». («Жамбыл мен Досмагамбет акынның айтысы»). Этот айтыс состоялся в ауле рода Уйсун на побережье реки Или. Точную дату его никто не помнит. По сведениям акынов Калкы Жапсарбаева и Умбетали Карибаева акын Досмагамбет — мулла из рода Жалаир — скончался в 1910 году. Значит, айтыс, судя по дате смерти Досмагамбета и по самому содержанию эпического состязания акынов, состоялся, по-видимому, в 1900 году.

Айтыс записан от Умбетали Карибаева, который заучил его со слов Джамбула. Переводили его П. Кузнецов и А. Ромм. В настоящем издании печатается перевод П. Кузнецова.

«Айтыс Джамбула с Шашубаем» («Жамбыл мен Шашубайдың айтысы»). Этот айтыс состоялся в Верном.

Данные о времени этого айтыса расходятся. Одни (Серикбай и другие старики Джамбулского района) говорят, что айтыс был проведен в конце XIX века, другие (сам Шашубай и учебник Джамбула Кенен Азербаяев) утверждают, что айтыс состоялся в 1909 году.

Шашубай был прославленным акыном Сарыарки. Верненский богач Байбулан, устраивая большой той, пригласил на него Шашубая, который славился и как певец, и как домбрист, и как гармонист. Шашубай попросил Байбулана послать за Джамбулом, о котором он был много наслышан. Джамбул приехал, и состоялся айтыс. Во время него Джамбул не пощадил пригласившего его Байбулана и уездного толмача Бахию из рода Найман, Среднего жуза. Бахия и Байбулан, обиженные Джамбулом, пытались учинить скандал, но слушавший состязание акынов народ не дал им поднять ссору.

Айтыс перевел П. Кузнецов.

«Утеген-батыр» («Өтеген батыр»). Среди казахов Семиречья (особенно среди казахов бывшего рода Дулат) до сих пор бытует большое количество преданий и песен про батыра Утегена Утегулова: Утеген Утегулов жил в XVIII веке, был одним из влиятельных старшин рода Дулат, прославившимся во время войн с джунгарскими хунтайджи в XVIII веке.

В преданиях и песнях об Утегене он обрисован как герой, защищающий народ от произвола хана Аблая и других ханов и султанов. Создавая идеальный образ батыра, народ сложил об Утегене легенды, в которых Утеген ищет для казахов Семиречья плодородные свободные пастбища.

Джамбул начал петь об Утегене во второй половине XIX века. В советскую эпоху им была сложена новая редакция созданного в дореволюционные годы эпического сказа.

В 1937 году эту новую редакцию записал литературный секретарь Джамбула Т. Жароков.

Есть три перевода «Утеген-батыра» на русский язык: К. Алтай-

ского, М. Алигер и М. Матусовского. В настоящем издании печатается перевод К. Алтайского.

«Счастье, ум и богатство» («Бақ, даулет, ақыл»). Сюжет этой легенды-сказки широко распространен в народе. Джембул создал ее песенный вариант. Текст легенды взят из рукописного фонда Государственного литературного музея Джембула, перевел Т. Иргайлин.

«Кер-оглы». В 1924 году в альманахе «Терме», выходящем в Ташкенте, впервые были даны сведения о творчестве Джембула Джабаева. В них сообщалось, что 9 июня 1922 года в Семиреченской области в селе Узун-Агач проходил съезд бедняков-кочевников. На этом съезде участвовало и 19 акынов, среди которых был Джембул Джабаев. Наряду с этим сообщением была дана справка о его эпических произведениях: «Ерназар и Бекет», «Садыр-патша и Джембул-патша», «Шалтабай», «Кер-оглы».

В альманахе сообщалось, что эпос «Кер-оглы» Джембул Джабаев исполнял в течение 15 дней. «Кер-оглы» Дж. Джабаева не повторяет другие варианты этого знаменитого эпоса ряда тюркских народностей. Перевел Б. Канапьянов.

«Суранши-батыр» («Сураншы батыр»). О Суранши-батыре Джембул услышал от своего учителя Суюмбай-акына, который часто пел о Суранши. Эта песня Суюмбая вместе с многочисленными народными преданиями о Суранши-батыре, распространенными в Семиречье, послужила основой для создания Джембулом большого эпического произведения.

В советскую эпоху Джембул создал новую редакцию «Суранши-батыра». Она была записана в 1938 году от самого акына литературным секретарем К. Абдыкадыровым. На русский язык ее перевел П. Кузнецов.

Суранши Хакимбеков происходил из рода Шапрашты, жившего в Семиречье. Время рождения Суранши неизвестно. Исследовавшие этот вопрос считают, что он родился в 1815 году. Умер Суранши в 1864 году. Суранши был старшиной подрода Ескожа рода Шапрашты. Он один из первых в 40-х годах XIX века пришел на помощь русским отрядам, выступавшим против Коканда. Суранши сыграл видную роль в присоединении казахов Семиречья и киргизов родов Сарыбагыш, Богу, Солты к России.

В народной поэзии и эпосе образ Суранши по традиции рисуется как образ батыра — заступника беззащитных аулов от чужеземных завоевателей — кокандских беков.

Орман или Орманхан — Орман Ниязбеков, крупный феодал, манап, старшина киргизского рода Сарыбагыш.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

- А й да х а р** — дракон.
А й р а н — простокваша, кислое молоко.
А к ж и л а н — водяная змея, символ изворотливости врага.
А к с а к а л — буквально: белобородый, почетное обращение к пожилому человеку, старику.
А л а т а у — горы, у подножия которых расположен аул Джамбула.
- А л а ш а** — узкий палас.
А л д и я р — господин. Алдиярами называли ханов, султанов при обращении к ним.
А л и — зять пророка Магомета, его сподвижник, предводитель войск Магомета.
- А л м а - А т а** (Алматы) — так казахи исстари называли местность, где было построено укрепление Верное.
А р г ы н — наименование казахского рода.
А р к а, **С а р ы а р к а** — народное наименование степей Арало-Иртышского водораздела.
А р х а р — горный козел.
А р ы с т а н — лев, символ мужества и силы.
А р с т а н, **М а й к е**, **М а й к о т**, **К у л м а м б е т**, **К у л у н - ш а к**, **М а й л ы к о ж а** — акыны — мастера айттыса.
А с — помишки.
А у л н а й — аульный старшина.

Б

- Б а й б и ш е** — первая жена, почтительное обращение к женщине преклонных лет.
Б а й г у с — нищий, бедняк.
Б а й д ы б е к — родоначальник рода Шапрашты.
Б а й — богач.
Б а й е к е — почтительная форма обращения к богачу.
Б а й г а (бэйге) — конские скачки — одно из любимых народных зрелищ.
Б а к с ы — шаман, знахарь.
Б е к — князь, знатный человек.
Б е к б о л а т и **Б а й б о с ы н** — руководители восстания в 1916 г. в Семиречье.

- Б и й — судья, знаток обычного права.
 Б о з к а с к а — животные, обычно бараны или лошади с белым пятном на лбу. В старину их употребляли как жертвенных животных.
 Б о л ы с — волостной управитель.
 Б о т п а й, К а л и к у л, С а т т а р — повстанцы.
 Б о з а (буза) — хмельной напиток.

Г

- Г а и п е р е н (кырк шылтен) — сорок святых, которые якобы помогают мусульманам в несчастье.

Д

- Д а р ь я — река.
 Д а у (деу) — великан.
 «Д в а к р у т ы х у п р я м ы х р о г а» — это признак необычной, исключительной личности в средневековой литературе и в народной поэзии Средней Азии и Казахстана.
 Д ж а й л я у — летнее пастбище.
 Д ж е й р а н — антилопа.
 Д ж е т ы с у — буквально: страна семи рек, Семиречье, прежнее название территории в Юго-Восточном Казахстане, соответствующей территории нынешних Алма-Атинской и Талды-Курганской областей Казахской ССР.
 Д ж и г и т — парень, молодец.
 Д ж у т — гололедица, во время которой скот не может добывать траву из-под снега и погибает.
 Д о м б р а — народный музыкальный двухструнный инструмент, род балалайки.

Е

- Е к е й — подразделение рода Шапрашты.

Ж

- Ж е к е — почтительная или интимно-ласковая форма от имени Джамбула.
 Ж а л б ы р — один из предводителей восстания казахов против царского самодержавия в 1916 году.
 Ж а м а г а т — общества, сборище, форма обращения к окружающим людям.
 Ж е б р а и л (Г а в р и и л) — ангел, служивший посыльным между Аллахом и пророком.
 Ж е з - т ы р н а к — демоническое существо, обычно представляется в образе красавицы с медными когтями.
 Ж е л м а я — быстролетная сказочная верблюдица.

- Ж е н т** — лакомое кушанье, приготовленное из сушеного толченого творога или пшена с маслом и сахаром.
Ж и д е л и - Б а й с ы н — легендарная страна счастья и благополучия в казахском народном творчестве.
Ж ы р — стих, эпос.
Ж ы р ш и — сказители, певцы.

З

- З а м а н а г ы м ы** — течение времени.
З е к е т — налог.

И

- И с к а н д е р** — Александр Македонский.
И ш а н — духовное лицо.

К

- К а д и (к а з и)** — судья, судящий по мусульманскому закону.
К а з а н — чугунный котел для варки пищи.
К а м ч а — плеть.
К а р а - б а с т а у — летнее пастбище в районе Узун-Агача, где жил Джамбул.
К а р а к у р т — ядовитый паук.
К а р а с а й — один из родоначальников рода Шапрашты. Его имя было боевым кличем этого рода.
К а р г а л ы — местность к западу от Верного (Алма-Аты).
К а с - К а р ы м б а й — нарицательное имя всякого скупца-богача, образ скупого бая в казахских народных сказках.
К а с к е л е н — река и поселок, ныне районный центр в Алма-Атинской области.
К а с т е к — селение близ аула Джамбула в Джамбулском районе, Алма-Атинской области.
К е ф и р (капир) — иноверец, неверный.
К е д е й — бедняк.
К е й к у а т — бедняк-пастух, герой ряда сказок и эпоса «Алпамыс».
К е н е с а р ы — **К е н е с а р ы К а с ы м о в**, хан Среднего казахского жуза, предводитель феодально-монархического антинародного движения 1837—1848 годов.
К е р с е н ь — большая деревянная чаша.
К е с е — пиала.
К з ы л ж а р — Петропавловск (областной город в Казахстане).
К о б ы з — народный музыкальный смычковый инструмент, род скрипки.

- Кокан** — Коканд.
Кокшетау — Кокчетав, горная местность в Северном Казахстане.
Корамсал (к о р а м с а к) — колчан.
Коркут — 1) святой, могила которого на берегу Сырдарьи была предметом почитания мусульман; 2) легендарный создатель кобыза — казахского народного смычкового инструмента; 3) легендарный родоначальник казахского народного искусства песни и музыки.
Косем — вожак, предводитель.
Котан — площадь посередине аула, где обычно собирался народ.
Кош — кочевка.
Кошбашы — водитель каравана, кочевки.
Коян — заяц.
Кудояр — **Худояр** — правитель Коканда.
Кулан — дикая лошадь, лошадь Пржевальского.
Кулан-аян — прозвище Акына Кулмамбета, в переводе означает известный скакун.
Кумыс — заквашенное кобылье молоко.
Курай — тростник.
Кушбегги — кокандский наместник в период кокандского ига над Семиречьем.
Кушур — налог в пользу мусульманского духовенства; заклинание, совершаемое духовным лицом или баксы.
Кыдыр (**Хызыр**) — признавался мусульманами за самостоятельного пророка, приносящего счастье и богатство.
Кыз — девушка.
Кюй — мелодия без слов.

М

- Майтюбинское тавро** — тавро аула Джамбула, который был расположен у подножия горы Май-Тюбе, входящей в горную систему Алатау.
Малта — осадок курта (сыра), не растворившегося при размачивании.
Мананы — феодально-родовая верхушка у киргизов и отчасти у казахов.
Мурза (**Мырза**) — 1) щедрый, 2) знатный человек.

Н

- «Надел чалму»** — у казахов чалму носили хаджи — паломники, побывавшие в Мекке, а также муллы.
Найза — пика, копье.
Найман — наименование казахского рода.
Намаз — пятикратный молитвенный обряд, обязательный в течение суток для правоверного мусульманина.
Нар — одnogорбый верблюд.
Наурызбай — брат и сообщник Кенесары Касымова.
Нукеры — свита.

О

Ой ба й-а й — междометие, выражающее испуг, удивление, возмущение.

П

П ай па ки (ба й па ки) — тонкие валеные сапоги, которые надеваются вместо чулок.

С

Са к са ул — деревья и кустарники среднеазиатских пустынь.

Са ре ке — вежливая, почтительная форма обращения, произведенная от имени Сарыбай.

Се й т ба т т а л — потомок Али, зятя Магомета, арабский военачальник.

Су й е ке — почтительная форма от собственного имени Суюмбай.

Су л у — красавица.

Су н ка р — сокол.

Су р па — мясной бульон.

Су ю м ба й (Аронов) — народный акын Семиречья, жил и творил в XIX веке. Широко известны поэтические обличения Суюмбая, обращенные к султану Тезеку. Суюмбай передал Джамбулу искусство песенной импровизации.

С ы р т та н — волкодав.

Т

Та к сы р — господин; почтительное обращение к представителям феодальной знати.

Та к ы р — бесплодная иссохшая почва, лишенная растительности.

Та к се й т, Ни я з бе к, Ш о й бе к, Са т, Ма н ке, Но га й ба й — баи, бии и волостные управители.

То п жа р га н — никем непобедимый в борьбе.

То р т ту л е к (терт-түлік) — четыре вида скота: овцы, лошади, верблюды и коровы.

То р ь — почетное место в юрте.

Ту л па р — скакун, богатырский конь.

Т ы ма к — головной зимний национальный убор, род малахая.

У

У з у н-А га ч — река и название районного центра Джамбулского района Алма-Атинской области.

У з у н-к у ла к — слухи.

Х

Х а б а р ч и (кабаршы) — вестник, глашатай.
Х а д ж и — паломник, посетивший Мекку.

Ш

Ш а и р — певец-поэт.
Ш о п а н (Шопан-ата) — святой, покровитель овец.
Ш ы р а г ы м — мой светик.

СОДЕРЖАНИЕ

Джамбул и народные акыны (М. Ауэзов)	5
(1859-1917)	
Жалоба. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	12
Отцу. Перевод <i>Т. Иргайлина</i>	13
Стихотворцу Омару. Перевод <i>Т. Иргайлина</i>	13
Сарыбаю. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	14
Акыну Жанысу. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	15
Табунщик. Перевод <i>А. Брагина</i>	15
Девушка Камшат. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	16
«Вечное создание красоты»... Перевод <i>П. Кузнецова</i>	17
Погоня. Перевод <i>А. Брагина</i>	17
Шабдену. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	18
Доля бедняка. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	19
Сырттану. Перевод <i>К. Алтайского</i>	20
Мамбету. Перевод <i>Д. Снегина</i>	21
При избрании Сата. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	22
Тлемису. Перевод <i>А. Брагина</i>	22
Абышка. Перевод <i>А. Брагина</i>	23
Про манке. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	23
Гражданином должен быть. Перевод <i>Т. Иргайлина</i>	24
Шалтабаю. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	25
К Кали. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	25
Кокиму. Перевод <i>А. Брагина</i>	26
Нужна народу справедливость. Перевод <i>Т. Иргайлина</i>	27
Собака бая Кадырбая. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	31
Завещание. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	31
Черный указ. Перевод <i>А. Жовтиса</i>	35
На выставке. Перевод <i>А. Брагина</i>	36
Песня гневного сердца. Перевод <i>А. Жовтиса</i>	37
Айтыс с Айкумыс. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	39
Дочери Болека. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	42
Знакомство с акыном Бактыбаем. Перевод <i>Т. Иргайлина</i>	43
Из айтыса с акыном Сары. Перевод <i>А. Жовтиса</i>	45
Встреча с Майкотом. Перевод <i>Т. Иргайлина</i>	46
Айтыс Джамбула с Кулмабетом. Перевод <i>М. Тарловского</i>	49
Айтыс Джамбула с Досмагамбетом. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	63

Айтыс Джамбула с Шашубаем. Перевод <i>П. Кузнецова</i> . . .	80
Утеген-батыр. Перевод <i>К. Алтайского</i>	89
Ум, богатство и счастье. Перевод <i>Т. Иргайлина</i>	118
Кер-оглы. Перевод <i>Б. Канпьянова</i>	132
Суранши-батыр. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	174
Комментарии	208
Пояснительный словарь	215

Джамбул Джабаев

Моя Родина

**В двух томах. Том первый. Произведения дореволюционного периода
(перевод с казахского)**

Редакторы Т. Шаханов, Р. Аросланова.

Художник Н. Бубэ

Художественный редактор Б. Табылдиев

Технический редактор К. Турымбетова

Корректор Ш. Мукажанова

ИБ № 3624

Сдано в набор 17.06.87. Подписано в печать 25.11.87.

**Формат 84×100¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Усл.
печ. л. 10,9+0,2 вкл. Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 20 000 экз. Заказ № 797.**

Цена 1 р. 40 к.

**Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного
комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.**

**Фабрика книги производственного объединения полиграфических
предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124,
г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.**

- Джабаев Джамбул.
Д 40 Моя Родина. В 2-х т. Перевод с казахского.—
Алма-Ата: Жазушы, 1987.—224 с.
Т. I. Произведения дореволюционного периода:
Стихи, айтысы и поэмы.

В первую книгу произведений великого казахского акына, лауреата Государственной премии СССР Джамбула вошли лирические, философские, сатирические стихотворения, айтысы и эпические поэмы, созданные в дореволюционный период.

Книга печатается по изданию: Казахское Государственное издательство художественной литературы «Жазушы», 1981 г.

Д $\frac{4702230100-191}{402(05)87}$ 185—86

84 Каз 1—5

© Стихи отмеченные звездочкой, оформление
«Жазушы», 1986